

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.843:303.425.6 (571.13) (571.150)

Д. В. ХАЗОВА

Омский государственный
аграрный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ 1994-2002 гг. (Сравнительный анализ)

На основании объективного научного анализа процесса формирования органов законодательной и представительной власти в Омской области и Алтайском крае за период 1994-2002 гг. установлено, что рассматриваемые регионы, находясь в одном, Сибирском федеральном округе, имеют как общие, так и отличительные черты избирательных кампаний. С 1994 по 2002 г. менялось настроение электората и, как следствие, состав депутатских корпусов.

Конституция Российской Федерации в ст. 3 раскрывает принцип народовластия в нашей стране: носителем суверенитета и единственным источником власти в России признается ее многонациональный народ. Этот принцип реализуется через свободные выборы, референдум, право гражданина «избирать и быть избранным». При этом референдум и свободные выборы определяются как высшее непосредственное выражение власти народа.

Первые выборы в Законодательное собрание Омской области проводились 20 марта 1994 г. За депутатские мандаты боролось более 150 претендентов. По данным окружных избирательных комиссий, на финишную прямую в избирательных округах области вышло 140 кандидатов. В соответствии существовав-

шим тогда Положением о выборах они проходили по мажоритарной системе в одномандатных избирательных округах. В регистрации было отказано 1,3% кандидатов. Конкуренция составила 4 человека на место.

В ходе предвыборной кампании со стороны кандидатов допускались нарушения требований Положения о выборах: в некоторых вузах и средних школах в принудительном порядке обязывали студентов и учащихся собирать подписи в поддержку кандидатов, работающих в этих учреждениях [1].

22 марта 1994 г. областная избирательная комиссия, рассмотрев поступившие из окружных комиссий протоколы о результатах голосования в округах, подвела общие итоги выборов в Законодательное собрание Омской области. В избирательные списки в

целом по области было внесено 1490825 избирателей. Против всех кандидатов — 11% голосов. Наибольшую активность проявили жители сельских избирательных округов в районах области в выборах приняло участие 46,3% избирателей. В городе Омске — 24,4%. Наиболее активно проголосовали избиратели Называевского округа — 57,4%, Калачинского — 50,7%, Крутинского — 47,5%, Шербакульского — 53%, Нижнеомского — 49,2%. Процент избирателей, проголосовавших против всех кандидатов, в Омске составил 13,5%, в сельских округах — 9,2% [2].

Из 30 избирательных округов Омской области выборы состоялись в 22 округах. Из 17 округов города Омска выборы состоялись в 8 округах. Несостоявшимися они были признаны в 14, 15 и 16 Кировских округах, в 19 и 20 Октябрьских, 21 и 22 Первомайских, 28 и 30 Советских, где количество действительных бюллетеней составило менее 23% от общего числа.

На итоги этих выборов в облизбирком поступило 3 жалобы. Однако в удовлетворении было отказано в связи с тем, что не были установлены факты фальсификаций, подтасовок и прочих нарушений.

По итогам выборов 20 марта 1994 г. был избран 21 депутат из 30, более двух третей от состава Законодательного собрания. Этого было достаточно, чтобы представительный орган Омской области считался избранным и мог приступить к работе.

На выборы депутатов было затрачено около полутора миллиардов рублей. Однако процент участвовавших в выборах граждан, имеющих прав голоса, составил лишь 33,9% по области. На результатах голосования первую очередь сказалась политическая нестабильность, плачевное, кризисное состояние экономики, безработица, разгул преступности, потеря социальных ориентиров у населения.

Были просчеты и в работе областной комиссии: до избирателей в достаточной мере не была донесена необходимая информация о выборах, о будущем Законодательном собрании, о его функциях, полномочиях.

Кандидаты и их команды лишь в последние два дня перед голосованием выплеснули на избирателей огромную массу информационных листовок и материалов. Один из телеканалов начал предвыборную агитационную кампанию о кандидате 20 марта, т.е. в день голосования. Все это породило многочисленные жалобы избирателей, которые даже не успели разобраться кто есть кто. Были зафиксированы случаи отказа печатных изданий в публикации материалов некоторых кандидатов.

О своем желании баллотироваться на выборах депутатов Законодательного собрания 22 марта 1998 г. окружные избирательные комиссии уведомили 198 кандидатов, из них был зарегистрирован 161. Не собрали необходимое для регистрации количество подписей 18 претендентов, а 19 было отказано в регистрации. После регистрации сняли свои кандидатуры 14 человек.

Из 147 кандидатов, принявших участие в выборах, 77 (52,4%) выдвинуты группами избирателей, 39 (26,5%) — в порядке самовыдвижения, а 31 (21,1%) — восемью избирательными объединениями. Наибольшую активность традиционно проявило избирательное объединение КПРФ, выдвинувшее 23 кандидата, которые были зарегистрированы. Из 10 кандидатов, выдвинутых ЛДПР зарегистрированы только 4 [3].

Выборы депутатов Законодательного собрания Омской области в 1998 г. отличались высокой активностью претендентов на депутатский мандат. В среднем в каждом избирательном округе в выборах

участвовало 5 кандидатов. Кандидаты представили в поддержку своего выдвижения подписи избирателей, обладающих активным избирательным правом.

За период избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного собрания Омской области в избирательные комиссии разного уровня поступило и было рассмотрено 117 жалоб. Основанием для обращения в суд явились также нарушения избирательного законодательства государственной телерадиокомпанией ГТРК «Иртыш», не предоставившей возможность государственным служащим проводить агитацию по телевидению.

Выборы депутатов Законодательного собрания Омской области 22 марта 1998 года были признаны состоявшимися и действительными по тридцати округам. Несмотря на довольно пессимистичные прогнозы, явка избирателей по городу Омску составила около 30%, а по области приблизилась к 50%. Таким образом, Законодательное собрание области было сформировано в полном составе.

Среди 30 избранных депутатов 18 — руководители предприятий, учреждений и акционерных обществ, 5 депутатов Законодательного собрания Омской области первого созыва. 16 депутатов были выдвинуты группами избирателей, 10 — избирательным объединением «КПРФ», 4 — в порядке самовыдвижения [4].

Главным отличием избирательной кампании 2000 г. от предыдущих в 1998 г. стала в отмена пресловутого 25-процентного порога явки избирателей, и теперь выборы могли состояться при любой погоде и при любом количестве омичей, пришедших 24 марта к урнам для голосования [5].

По сравнению с предыдущими выборами в 1998 г., в 2002 г. количество претендентов на один депутатский мандат снизилось с 5 до 4 человек. В конце февраля официально завершился первый этап предвыборной кампании: истек срок проверки документов, поданных на регистрацию в областные и городские избирательные комиссии претендентами на места Законодательное собрание Омской области. Удостоверения кандидатов в депутаты Законодательного собрания получили 117 человек [6].

Среди избирательных объединений наиболее активно действовало объединение КПРФ от которого зарегистрировано 28 кандидатов (23,9%). Союз правых сил, ЛДПР, Яблоко и Трудовая Сибирь выдвинули вместе 5 кандидатов. По роду деятельности среди зарегистрированных кандидатов больше всего было руководителей предприятий и организаций различных форм собственности — 44 человека, депутатов Законодательного собрания предыдущего состава — 24 человека, а также несколько предпринимателей и работников образования. Мужчины составили большинство — 111 человек (86,3%).

В ходе избирательной кампании нарушения избирательного законодательства, которые могли бы повлиять на результаты выборов, не допущены. Следует отметить, что наибольшее количество нарушений было связано с предвыборной агитацией, что составило около двух третей от общего количества обращений поступивших в избирательные комиссии [7].

За период избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного собрания Омской области в избирательные комиссии разного уровня поступило 94 жалобы. Среди нарушений, допущенных в ходе проведения предвыборной агитации, чаще всего встречались такие, как распространение анонимных агитационных материалов с неполными выходными данными. Имели место обращения избирателей и кан-

дидатов в связи с тем, что неизвестные лица срывают и уничтожают агитационные материалы.

Выборы депутатов Законодательного собрания Омской области 24 марта 2002 года были признаны состоявшимися и действительными по всем 30 избирательным округам. В целом по области число избирателей, принявших участие в выборах, составило 39,83% (в 1998 году — 46,61%).

Из 30 избранных депутатов Законодательного собрания Омской области 24 выдвинуты избирателями округов, 5 — избирательным объединением КПРФ, 1 — путем самовыдвижения.

Из 30 депутатов второго созыва в выборах 2002 года участвовало 26 человек. Из них повторно избраны 16 депутатов. В числе депутатов Законодательного собрания третьего созыва — 26 руководителей предприятий, организаций (всех форм собственности), 2 работника здравоохранения и образования, 1 женщина (в предыдущем составе — 4).

Анализируя все три избирательные кампании, можно прийти к выводу, что выборы в Законодательное собрание 1994 и 1998 гг. отличались высоким уровнем «митинговых» страстей, призывами «голосуй сердцем», ориентацией на обещания и способность кандидатов «понравиться», умением в своих «программах» откликнуться на острые социальные проблемы. В отличие от них, выборы 2002 г. носили более организованный характер и более четкие оценки кандидатов по их деловым качествам, в том числе во время работы в Законодательном собрании и своем округе.

Отмечались попытки внедрения в избирательный процесс «грязных» технологий для воздействия на избирателей. Тем не менее эти технологии не оказали существенного влияния на результаты выборов, так как сами по себе ничего не решали и не обеспечивали победу.

Важным этапом в политической жизни края стали выборы в новый орган представительной власти региона — Алтайское краевое Законодательное собрание (АКЗС), прошедшие 13 марта 1994 г. Его численность была предусмотрена гораздо более компактной, чем в предыдущем краевом совете (50 депутатов вместо 265), что сделало гораздо более весомым для принятия решений каждый депутатский мандат, тем самым отсекало от реального успеха на выборах кандидатов, не имеющих серьезных организационных и/или финансовых ресурсов, и обострило предвыборную борьбу. При этом надо отметить, что формальная роль партий в выдвижении кандидатов на этих выборах была незначительной. Подавляющее большинство из 234 кандидатов в депутаты (в том числе и известные в крае политики, на деле связанные с теми или иными партиями) были выдвинуты трудовыми коллективами, группами избирателей или путем самовыдвижения. Краевые же и местные отделения партий и движений выдвинули лишь нескольких кандидатов и без особого успеха. КПРФ официально выдвинула 7 человек. В ходе голосования 13 марта из этих кандидатов был избран только один — руководитель краевой организации КПРФ. Российская коммунистическая рабочая партия выдвинула одного кандидата, который не был избран [8].

«Демократическая Россия» выдвинула троих кандидатов, ДПР официально выдвинула одного кандидата, от Народной партии России (Т. Гдьяна) баллотировалось два кандидата, Российский союз молодежи официально представлял председатель его краевого отделения. Однако 13 марта 1994 г. эти кандидаты не прошли в краевое Законодательное собрание.

Кроме ячеек федеральных партий выдвигали своих кандидатов и региональные избирательные объединения и блоки. Наиболее успешной среди них была деятельность движения левых сил «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда»: оно выдвинуло 7 кандидатов, 13 марта избрано 3. Алтайское краевое общество российских солидаристов выдвинуло 3 человек, 13 марта не избран никто. Демократически настроенный депутатский клуб бывшего краевого совета первоначально заявил о выдвижении 4 своих кандидатов. Однако, поскольку клуб не являлся юридически зарегистрированной общественной организацией, то его кандидаты по избирательным документам выдвигались трудовыми коллективами и группами избирателей, а 1 кандидат — от Алтайского краевого общества «Гражданское согласие». 13 марта от прежнего депутатского клуба в АКЗС был избран 1 человек. Ультрарадикальное краевое народно-освободительное движение «Наши» им. А. Невского выдвинуло кандидатом студента (округ № 30, не избран). Своих кандидатов выдвигало и «Городское политическое объединение». Рубцовский городской общественный комитет российских реформ выставил двух своих официальных представителей в двух из трех округов, также безуспешно.

Наконец помимо политических организаций своих кандидатов выдвигали и иные структуры: Краевое отделение Российского союза офицеров запаса, Краевое отделение Союза ветеранов Афганистана, Союз предпринимателей края, Алтайский отдела Сибирского казачьего войска. Кандидаты от этих организаций также не были избраны. Что касается самих выборов 13 марта, в городских округах они характеризовались очень низкой явкой избирателей. Из-за этого в пяти округах в Барнауле, одном — в Бийске и всех трех в Рубцовске выборы были признаны несостоявшимися. В остальных округах победу одержали следующие кандидаты: два руководителя прежнего краевого совета народных депутатов, большое число глав городских и районных администраций: Барнаула, Бийска, Алейского района, Заринского, Кытмановского, Угловского, Родинского, Смоленского, а также зам. главы администрации Бийского района и главы администраций внутригородских районов Барнаула, руководители общекраевых агропромышленных холдингов, руководители партий и движений: КПРФ, Каменской организации союза ветеранов Афганистана, руководители предприятий, деятели здравоохранения и образования.

В ряде округов было продемонстрировано «межрайонное состязание», когда руководители разных районов вели борьбу друг с другом, а кое-где в соперничество вступали руководители одного и того же органа власти. Кроме того, довольно ощутимым был успех барнаульских «варягов» в небарнаульских округах. Им удалось одержать победу в семи округах.

Повторные выборы по оставшимся 9 округам были назначены на 24 апреля 1994 г., но, не дожидаясь их проведения, уже избранные депутаты начали свою работу [9].

Следующим важным событием в политической жизни края стали выборы второго созыва АКЗС 31 марта 1996 г. Избранные на два года депутаты АКЗС отказались продлить свои полномочия на основании Указа Президента России и в срок провели новые выборы [10]. На этих выборах, как и на предыдущих, также большинство кандидатов выдвигалось не партиями, а непосредственно избирателями округа. Характерно, что и краевые активисты общероссийских партий чаще всего выдвигались также избирателями,

в частности от «НДР», «ДВР», «Народной партии» и «ДемРоссии». Не связывали себя с партиями и большинство из участвовавших в выборах руководителей городов и районов. Далее, среди участвовавших в выборах 6 членов ЛДПР четверо, в том числе председатель краевой организации, выдвигались избирателями, и двое — самой партией. Из кандидатов ЛДПР на выборах в 1996 г. не избран никто.

По одному кандидату выдвинули ДПР и «Демократический выбор России». Два активиста «Народной партии России» также выдвигались не партией, а избирателями, но депутатом стал только один [11].

На этом фоне особенно значительными представляются активность и успех краевого движения «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда», объединившего в себе представителей КПРФ и АПР. Им единственным был выдвинут практически сквозной список кандидатов (32 кандидата в 50 округах), при этом 15 человек избрано. Ряд кандидатов движения «За подлинное народовластие» указывал в избирательных бюллетенях также свою принадлежность к КПРФ или «АПР».

Интересно, что некоторые члены КПРФ (трое) и «АПР» (трое), по тем или иным причинам не вошедшие (не включенные) в список кандидатов от движения «За подлинное народовластие», участвовали в выборах самостоятельно, будучи выдвинутыми избирателями.

Наконец, неполитические общественные организации края были представлены на этот раз только одним официальным кандидатом: от Алтайского отдела Сибирского казачьего войска, который в последствии не был избран.

В итоге выборов депутатами нового созыва АКЗС стали: председатель предыдущего АКЗС, председатель и заместитель председателя комитетов АКЗС. Кроме того, 23% голосов получили кандидаты-руководители сельскохозяйственной отрасли, чуть менее — 21% — деятели здравоохранения и образования Алтайского края. По 18% набрали главы муниципальных образований и руководители ведущих предприятий края. 10% составили профессиональные политологи. В 4% предстала в Законодательном собрании нового созыва сотрудники УВД. Всего сохранить свой мандат удалось 17 депутатам прошлого созыва из 50. Таким образом, ротация депутатского корпуса АКЗС была достаточно ощутимой [12].

26 марта 2000 г. в Алтайском крае вновь прошла избирательная кампания в краевые органы власти. Их итоги свидетельствовали о заметных, по сравнению с выборами в 1996 г., изменениях электоральных настроений.

В отличие от predetermined результатов президентских и губернаторских выборов, прошедших в Алтайском крае в том же 2000 г., наиболее острая борьба развернулась в местные органы власти.

Было зарегистрировано 211 кандидатов в депутаты краевого Совета народных депутатов из 230, подавших уведомление о намерении участвовать в выборах. Как отметил заместитель председателя краевой избирательной комиссии Андрей Кривов, 14 претендентов не сдали в срок подписи, пяти было отказано в регистрации, поскольку они не представили необходимое количество достоверных подписей, и одному претенденту было отказано в связи с существенными нарушениями в порядке сбора подписей [13].

Среди претендентов значительную часть составляют кандидаты, выдвинутые краевым движением «За подлинное народовластие» (практически в каждом округе выдвинут кандидат, поддерживаемый дви-

жением), по 26 округам своих кандидатов выдвинул «Союз промышленников Алтайского края». Кроме того, в выборной кампании 2000 г. активно принимают участие дорожники, поддерживая своих кандидатов во многих округах, и традиционно много представителей социальной сферы — учителей и врачей. Он также выразил сожаление, что среди претендентов в краевой Совет народных депутатов очень мало представителей крестьянства [14].

Не обошлось в Алтайском крае и без скандалов. Целый букет беспрецедентных нарушений вскрылся в Благовещенском районе на выборах в краевой совет. В 17 из 27 участковых комиссий зафиксированы факты недопустимого формирования их состава, что ведет к отмене итогов голосования в соответствии с 27-й статьей Кодекса Алтайского края о выборах [15].

По итогам выборов в Алтайское краевое Законодательное собрание, состоявшихся в Алтайском крае 26 марта 2000 г., свои кресла оставили 37 из 50 депутатов краевого Совета народных депутатов. Наибольшие потери здесь понесли коммунисты, однако, в целом из-за отсутствия в крае иной хорошо организованной политической силы левым удалось сохранить за собой ключевые посты в высшем законодательном органе края.

В новом составе законодательного органа края — 11 депутатов, выдвинутых движением «За возрождение промышленности», 6 депутатов, выдвинутых фракцией «За народовластие», и 33 депутата, выдвинутых группой избирателей, в том числе 3 женщины, 11 глав местного самоуправления, 4 врача, 2 учителя, 1 юрист.

Главными политическими итогами избирательного цикла 2000 г. в Алтайском крае можно считать: некоторое снижение влияния «КПРФ», растущую деидеологизацию и постепенное преобладание прагматических подходов в общественно-политической и социально-экономической сферах, ослабление политического веса краевого Совета народных депутатов, его председателя, позиций глав местного самоуправления и, как следствие, укрепление исполнительной вертикали власти [16].

Все три избирательные кампании — 1994, 1996 и 2000 гг. имеют свои особенности. На выборах 1994 и 1996 гг. большинство кандидатов выдвигалось не партиями, а непосредственно избирателями округа. Краевые же и местные отделения партий и движений выдвинули лишь нескольких кандидатов и без особого успеха. Результаты выборов оказались идентичны по избранному составу депутатов. В 1996 г. всего сохранить свой мандат удалось 17 депутатам прошлого созыва из 50. Таким образом, ротация депутатского корпуса АКЗС была достаточно ощутимой.

Итоги кампании 2000 г. свидетельствовали о заметных, по сравнению с выборами в 1996 г., изменениях электоральных настроений. Тенденция ротации депутатского корпуса осталась прежней: свои мандаты потеряли 37 из 50 депутатов прошлого состава 1996 г. также наблюдалось снижение влияния «КПРФ» и депутатов, избираемых несколько раз подряд.

При подведении итогов в первую очередь обращает на себя внимание разница во временных рамках между избирательными кампаниями в Омской области и Алтайском крае и, как следствие, дата проведения выборов в этих регионах. Так, срок полномочий депутатов с 1994 по 2002 гг. составлял 4 года (только с 2002 г. срок полномочий депутатов продлен на 1 год и составляет в общей сложности 5 лет). Однако в Алтайском крае даты проведения выборов Законодательное собрание не совпадают с омскими по причине того, что избранные

на два года депутаты АКЗС отказались продлить свои полномочия на основании Указа Президента России и в срок провели новые выборы, то есть в 1996 г. вместо 1998 г. как это сделали в Омской области.

Тенденция потери веса КПРФ стабильно снижалась. В третьей избирательной кампании основными претендентами на депутатские мандаты в Омской области и в Алтайском крае стали кандидаты, выдвинутые избирателями, а не политическими объединениями. Сохранялось увеличение притока «новой крови» в депутатские составы, однако более выражено это протекало в Алтайском крае. Социальный состав народных избранников в региональных законодательных органах также не отличался: в них, кроме вновь избранных депутатов, были представители местного самоуправления, крупные предприниматели, преподаватели и врачи и небольшое количество занимающихся сельским хозяйством.

В данной работе рассмотрен процесс демократизации выборов как общая установка для всей страны и особенности формирования выборных органов в Омской области и Алтайском крае, а также проблемы взаимовлияния власти, кандидатов, прессы и избирателя. Статья может применяться при изучении и анализе приемов политических кампаний и их влияния на выбор избирателя на исторических и политологических факультетах, а также в избирательных комиссиях РФ для систематизации данных о проводившихся выборах.

Библиографический список

1. Выборы: политические партии, пресса, избиратель (1988-1995 гг.) / И.В.Лоткин, А.А.Макаров, С.А.Мордвинцева, С.В.Новиков; под ред. С.В.Новикова. — Омск, 1996. — С. 66.
2. Рубрика «20 марта — выборы» // Омская правда. — 1994. — № 32.
3. Выборы депутатов Законодательного собрания Омской области первого созыва, 20 марта 1994 года. Главная страница // www.izbirkom.ru
4. А.Фомин. Есть контакт // Четверг. — 1998. — № 13.
5. М.Лебедев. Кандидатский минимум // Вечерний Омск. — 2002. — № 8-9.

6. События недели // Коммерческие вести. — 2002. — № 9.
7. Л.Васильева. Выдвиженцы атакуют избиркомы // Коммерческие вести. — 2002. — № 4.
8. К.Емешин, Н.Маланина. Сколько депутатов должно быть в Крайсовете? // Алтайская правда. — 1994. — 31 марта.
9. В.Саланин. Бомба для избранных // Свободный курс. — 1994. — № 36.
10. Д.Негреев. Грядут большие выборы: новое Законодательное собрание начнет работать при старой структуре администрации // Алтайская правда. — 1995. — 5 октября.
11. Алтайское краевое Законодательное собрание. 1996-2000. — Барнаул, 1998. — С. 65.
12. Д.Негреев. Деньги на выборы, считает администрация, — это чья-то зарплата // Алтайская правда. — Барнаул, 1996. — 20 марта.
13. Т.Кузнецова. Краевая избирательная комиссия зарегистрировала в качестве кандидатов на 50 мест в краевом Совете народных депутатов 210 человек // Алтай Weekly Review (Барнаул). — 2000. — № 28.
14. Т.Кузнецова. Спикер Алтайского Краевого Законодательного Собрания Александр Назарчук выразил сожаление, что среди претендентов в краевой совет народных депутатов очень мало представителей крестьянства // Алтай Weekly Review (Барнаул). — 2000. — № 28.
15. События недели. Результаты выборов придется отменить? // Московский комсомолец на Алтае (Барнаул). — 2000. — №15.
16. Шейда Г.П. Итоги избирательного марафона в Алтайском крае (1999—2000) // Дневник Алтайской школы политических исследований № 10 «Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития». — Барнаул, 2000. — № 10. — С. 47-49.

ХАЗОВА Диана Васильевна, аспирантка кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета, старший маркетолог отдела маркетинговых исследований ООО «Regional Real Estate».

Дата поступления статьи в редакцию: 05.06.2008 г.
© Хазова Д.В.

Книжная полка

История Древнего Рима [Текст] : учеб. для вузов по специальности «История» ; под ред. В. И. Кузищина. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Высш. шк., 2007. — 382,[2] с. : карты, портр., фото. — Библиогр.: с. 365-368, 382. — ISBN 978-5-06-003677-0.

Книга является частью учебной трилогии о древнем мире. В учебнике излагается история Рима с 4 в. н. э. и до падения Римской империи в 476 г. Специальные главы посвящены культуре Рима и всего Средиземноморья, включая материал о римском праве.

Для студентов вузов, преподавателей школ и колледжей, всех интересующихся историей мировых цивилизаций.

История России с древнейших времен до наших дней [Текст] : учеб. для вузов / Н. Л. Клименко [и др.] ; под ред. А. В. Сидорова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — М. : Проспект, 2008. — 452 с. — ISBN 978-5-482-01403-5.

В учебнике представлена история России с начала расселения славянских племен на ее территории до современности, эволюция государственности, внешняя и внутренняя политика, социально-экономическое и духовное развитие общества. Учебник отражает последние достижения исторической науки, содержит комплексный анализ основных периодов отечественной истории. Материал учебника соответствует требованиям гос. образовательного стандарта, аккумулирует опыт научной и преподавательской деятельности его авторов в Московском гос. университете им. М. В. Ломоносова.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей вузов и школ, а также всех интересующихся историей России.

ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ И СУДОПРОИЗВОДСТВА В ТЮМЕНСКОМ КРАЕ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

На основании ранее засекреченных архивных документов раскрываются недостаточно изученные в историко-правовой науке проблемы, касающиеся зависимости судебной системы от властных структур (влияние партийных органов на кадровую и карательную политику) и прослеживаются деформации в функционировании системы правосудия на региональном уровне.

Советское правосудие в 1917-1936 гг. базировалось на особых, противоречащих международному праву принципах¹, позволявших реализовывать политические задачи права. Возможность и даже необходимость нарушения прав и свобод отдельных категорий граждан была легализована и широко применялась на основе классового подхода.

Подконтрольность судебного аппарата партийным органам также была заложена изначально, что исключало возможность осуществления независимого правосудия. В результате с 1917 г. до середины 1930-х гг. осуществлялась особая кадровая политика: штаты органов юстиции формировались преимущественно из непрофессионалов — крестьян «от сохи» и рабочих «от станка» по критериям идеологической преданности (кандидатуры утверждались местными партийными органами).

В Тюменском крае² в реализации кадровой политики очевидными были две противоречивые тенденции со стороны партийных и судебных органов. Краевое судебное руководство было заинтересованно в повышении квалификации кадров и прилагало соответствующие усилия, тогда как местные парторганы были заинтересованы в основном в повышении прослойки рабочих и членов партии в юридических органах.

Краевые власти относились к системе юстиции, как к подчиненным второстепенным органам: штаты последних формировались по остаточному принципу после комплектования хозяйственных органов. В судебные органы удавалось привлечь в основном малограмотных рабочих низких категорий, поскольку оклад судьи был ниже не только доходов ответственных работников других советских учреждений, но и квалифицированных рабочих³. Тем не менее в течение периода НЭП руководители органов юстиции Тюменского края сумели добиться от судей-непрофессионалов относительно высокого уровня осуществления судопроизводства.

Политика ускоренной индустриализации и коллективизации поставили перед органами юстиции задачи обеспечения выполнения хозяйственно-политических кампаний. Характерным было отношение к судьям, выраженное в циркуляре Уральского обкома РКП(б): «Особенности работы судебных органов заставляют ... работников их отрывать от обществен-

ной и партийной работы. Судебные работники, загруженные... бумажной работой, иногда превращаются в чиновника, далекого от советской общественности. ...Нужно, чтобы работники всего госаппарата имели бы ясное представление о партлинии... Особенно это должно относиться к судебным органам, на которые ... ложится большая задача классового воспитания масс и улучшения самого госаппарата»⁴.

В результате, на рубеже 1920-1930 гг. вмешательство парторганов Тюменского края в кадровую политику судебных органов, а еще в большей степени в процесс судопроизводства стало проявляться открыто. Партаппарат и ОГПУ стали навязывать судьям конкретные решения по определенным категориям дел (в основном по контрреволюционным обвинениям)⁵.

В этот период перед судьями стоял выбор: либо поступиться своей совестью и выносить заведомо несправедливые приговоры, либо увольняться. В результате из судебных органов ушли многие работники с «нэповским» стажем, других увольняли при попытках указать вышестоящим органам на беззакония и перегибы на местах, или при принятии слишком либеральных решений. Текущий личный состав по судам Уральской области составляла в 1928 г. — 58%, в 1929 г. — 45,3%⁶.

В 1928-1929 гг. была проведена всероссийская чистка госучреждений «от чуждых и негодных элементов», в том числе региональных органов правосудия⁷. В дальнейшем целенаправленный процесс отсева неугодных судей продолжался негласно, без объявления компаний чисток, в индивидуальном порядке. Основаниями к признанию работы судьи неудовлетворительной становились политические поводы: «отсутствие классового подхода при разрешении дел», «тяготение к кулацкому элементу», «притупление классового чутья»⁸ и т. п.

При этом неугодных судей увольняли одновременно с исключением из партии без права работать в госучреждениях. Оставшись без средств к существованию, некоторые судьи вынуждены были поступиться своими принципами и вернуться в судебные органы⁹.

Власти, реализуя кадровую политику в конце 1920-х — начале 1930-х гг., делали ставку на молодежь, выросшую уже при советском строе. В этот период в

судебные органы Тюменского края набирались преимущественно молодые люди, чуть старше 20 лет, без стажа и специального образования¹⁰.

Например, А. Т. Кокшина, 1905 г. рождения, окончившая сельскую школу, с 1915 по 1918 гг. работала нянкой, в 1918-1921 гг. — разносчицей газет, в 1921-1924 гг. нигде не работала, в 1924-1927 гг. была укупорщицей на пивном заводе, а в 1927 г., окончив 6-месячные юрктуры, начала работать районным нарсудьей, в 1934 г. она стала членом Облсуда Омской области¹¹.

Молодежь в судебные органы привлекала возможность посредством активной общественной деятельности зарекомендовать себя перед местной властью и устроиться в более престижные учреждения. Бывшие судьи работали затем в госструктурах и органах снабжения (Госбанке, маслотресте, райпотребсоюзе и т. п.), делали политическую карьеру, заседали в горсоветах, окружках, возглавляя поселковые Советы и т. д.¹²

В судебных органах оставались работать лица, которые по ряду причин не могли сменить род деятельности. Это были, как правило, малообразованные, морально неустойчивые, склонные к выпивке судьи¹³. Они не были способны защитить себя и отстоять свои решения, и потому в большей степени подвергались мерам нажима и запугивания.

Таким образом, смещая опытных работников с активной гражданской позицией, парторганы делали расчет на то, что «нужные», «классово выдержанные» карательные решения будут принимать в основном три категории судей. Во-первых, молодежь, воспитанная уже на советской идеологии и потому свободная от «буржуазных» гражданских убеждений и принципов. Во-вторых, активные общественники, карьеристы. В третьих — лица, которые не могли найти более высокооплачиваемую и достойную работу в силу ограниченных способностей или низкой квалификации. Именно эти категории судей под давлением отказывались от следования процессуальным нормам и стандартам системы доказательств.

Между тем в судебных органах продолжали работать и принципиальные работники, преданные своему делу. Взаимоотношения местной партийной элиты и «непослушных» судебных органов складывались довольно сложно, а в случаях, когда суд пытался рассмотреть дела, напрямую затрагивающие интересы местной власти, руководители последней шли на прямой конфликт с судебными работниками.

Так, когда нарсудья Ялutorовского района А. А. Юван попытался привлечь к уголовной ответственности ряд руководителей местных органов власти по делу о расхищении склада Ялutorовского отделения Уралторга, Уральский областной суд расценил эти действия как грубейшую ошибку: «тем самым он дал богатую пищу обывателю для всевозможных сплетен и пересудов по дискредитации районных руководящих работников»¹⁴. Руководство местных органов власти избежало уголовной ответственности.

С принятием закона от 7 августа 1932 г.¹⁵ давление руководителей партийных и советских органов на судей еще более усилилось. Показательным является инцидент, произошедший с народным судьей А. Н. Ясюковым, работником с 14-летним судебным стажем. На бюро райкома уполномоченный обкома партии Орлов «заподозрил отдельных работников в гнилом либерализме и ... начал ругать суд в слабости карательной политики»¹⁶, обвиняя его в том, что до сих пор не осужден кулак из местной коммуны. Ясюков возразил, что в отношении этого лица «материалов

в суд не поступало». Орлов заявил, что «никаких материалов не требуется, на это есть постановление обкомитета партии — выезжай и суди»¹⁷. Затем он обратился к секретарю райкома: «Я удивляюсь, что как до сих пор райком партии терпит такой суд ... я предлагаю (смотря на Ясюкова) немедленно выслать»¹⁸. Затем Ясюкова предупредили, что если через два дня перелома не будет, то он будет выслан.

Ясюков обратился в Уральский облсуд с просьбой об увольнении. В ходе предпринятой проверки уполномоченного обкома сняли с работы¹⁹. Однако такой исход дела был исключением. Чаще всего попытки судей, прокуроров и адвокатов указать вышестоящим органам на незакония на местах, приводили к плачевному результату.

Так, судья И. Г. Гагарин сообщил в облпрокуратуру и облсуд о перегибах по хлебозаготовкам в районе. Когда местный райком выяснил это, судья был заключен на три дня под стражу. За это время были проведены массовые облавы на несдатчиков хлеба. Затем судья был выпущен, исключен из партии и снят с работы якобы за «отказ судить за кулацкий саботаж»²⁰. Случаи неправомерного привлечения к ответственности судебных и прокурорских работников стали регулярным явлением, иногда такие факты даже признавались в местной прессе²¹.

Краевые парторганы стали широко практиковать снятие с должностей работников юстиции для работы в других учреждениях, их переброску для выполнения партийных заданий. При этом зачастую вышестоящие судебные органы даже не ставили в известность²². В ряде судебных органов Уральской области обновление аппарата за короткое время происходило на 100% «в результате дискредитации ... работников, ... элементов разложения»²³.

Руководители краевой юстиции в докладных записках, адресованных Уральскому обкомитету ВКП(б), с отчаянием отмечали, что парторганы забирают более-менее стоящих работников судебного аппарата, а взамен присылают «малограмотных, пьяниц и сумасшедших»²⁴. Факты подтверждают справедливость утверждения относительно «малограмотных» и «пьяниц». В основном как руководящие, так и рядовые работники юстиции имели «низшее» образование, сотрудников с высшим образованием, тем более с юридическим, насчитывались единицы²⁵. Факты распространенного пьянства работников юстиции подтверждаются многочисленными взысканиями, предупреждениями в личных делах сотрудников и т. п. Об этом распространенном пороке судей, реже прокуроров и адвокатов, а также о других формах аморального поведения работников юстиции знала общественность²⁶.

Последнее замечание («о сумасшедших») отчасти подтверждают факты, позволяющие судить о расшатанной психике и физическом истощении ряда работников краевой юстиции²⁷. Условия работы судебных органов не способствовали сохранению здоровья: бесконечные авральные кампании, регулярные переброски опытных работников в другие судебные учреждения, элементарная бытовая неустроенность, постоянные материальные затруднения и т. п. Судьи после потери работоспособности не могли рассчитывать на гарантированное лечение, компенсации и т. п. Несмотря на то, что работники органов юстиции формально относились к партактиву, они не пользовались преимуществами, присущими номенклатуре (спецснабжение, путевки и т. д.)²⁸. При практическом отсутствии прав, они имели массу общественных и партийных обязанностей.

Так, партийные органы, для обеспечения успешного выполнения госзаданий, мобилизовали работников юстиции. В 1928-1930 гг. большинство работников юстиции Тюменского края были брошены на хлебозаготовки в качестве уполномоченных²⁹. Порою, получив срочный вызов от местного парткома, судья вынужден был прерывать уже идущее заседание в зале суда: свидетели распускались, подозреваемый возвращался в изолятор, возобновить процесс возможно было лишь спустя продолжительное время³⁰. В Тюмени залы судов вовсе временно закрылись³¹.

Условия аврала не способствовали соблюдению форм ведения судопроизводства и норм правосудия в Тюменском крае. Судебные заседания проходили следующим образом: судьи получали материалы дела прямо на заседании и не успевали проверить полноту расследования. Зачастую задержанные только на суде узнавали, в чем их обвиняют. Судья, народные заседатели и прокурор (и в редких случаях защитник), обвиняемые и свидетели обеих сторон находились в одном тесном помещении вместе с публикой, ни о какой тайне совещания и об исключении давления на судейский состав и свидетелей не могло быть и речи.

В хлебоборных районах Тюменского края суды превратились в придаток административных органов, пытаясь легализовать явно незаконные массовые аресты путем вынесения необоснованных приговоров и даже создания искусственных дел³². Так, в Ишимском округе суд стал мерой воздействия для вовлечения крестьян в колхозы. Суд приговаривал крестьян к принудительным работам на 2-4 недели — «за не вхождение в колхоз»³³. При этом в отношении советских работников суды выносили мягкие приговоры за перегибы. Так, в том же Ишимском округе, суд «за вопиющие злоупотребления в деле коллективизации»³⁴ осудил местное правление на 2 недели принудительных работ.

Иногда факты применения жестких карательных мер к лицам пролетарского происхождения, став широко известными стараниями местной прессы, РКИ, иногда ОГПУ и прокуратуры, получали широкий общественный резонанс, происходило показательное восстановление прав пострадавших лиц³⁵. Но чаще выходящие судебные и партийные органы обвиняли суд в правом уклонизме, мягкотелости по отношению к кулакам. Проблема неправомерного привлечения к судебной ответственности зажиточных слоев деревни упоминалась лишь в секретных сводках ОГПУ-НКВД и закрытых отчетах судебных органов.

Упрощенчество судебного процесса приобретало все более открытые формы и широкий размах. Заместитель председателя Уралоблсуда Гольм отмечал: «Соблюдение революционной законности суда уменьшается с каждым днем. На всякие законы стали смотреть наплевательски. Больше того, нарушение законности норовят считать за проявление революционности»³⁶. Применение статей УК стало формальностью, на первый план выходила «политическая база дел и мнение трудмасс»³⁷.

В целом по всем округам Уральской области по делам о хлебозаготовках 1928-30 гг. к расстрелу были приговорены 30,6% осужденных³⁸. По Тюменскому Округу отмечался самый высокий % расстрелов: из 129 осужденных за месяц (с 1.10 по 1.11.1929 г.) к расстрелу приговорены 53 человека (или 41,08%). Для сравнения, в Верхне-Камске из 37 человек — к ВМСЗ приговорены — 11 (29,73%), в Шадринске из 40 человек — 15 (37,5%)³⁹. Таким образом, в Тюменском округе особо очевидны были перегибы, жесткое применение карательной политики.

В январе 1930 г. Верховный суд осудил неударительную работу Тюменского окружного суда⁴⁰. Особой критике была подвергнута тюменская практика вынесения смертных приговоров на основании голословных обвинений: три четверти судебных заседаний имели место при полном отсутствии свидетелей и пострадавших, в отдельных случаях не было проведено никакого судебного расследования. Из 76 смертных приговоров, вынесенных Тюменским окрсудом во время кампании за коллективизацию 1929-1930 гг., Верховный суд изменил 46⁴¹.

Новый виток судебных репрессий начался с издания закона от 7 августа 1932 г.⁴² «Закон о пяти колосках» в крае стал применяться судебными работниками не сразу и не в полном объеме⁴³. До 12% дел отменялось Уральским облсудом по мягкости, а несколько работников юстиции, «не сумевшие понять необходимость применения нового закона и его сущность»⁴⁴, были сняты с работы.

Судебные органы и прокуратура Тюменского края вновь подверглись шквалу обвинений со стороны партийных органов и прессы в потворстве и покровительстве кулакам и растратчикам — «врагам народа», в оппортунизме и т. д. Местная пресса старательно обличала судебные органы («В суде либеральничают с обнаглевшими врагами народа», «кулацкие приговоры позорного суда»⁴⁵ и т. п.). Также пресса рапортовала об одобрении трудящимися жестких приговоров о хищениях соцсобственности.

Давление местных властей на судей приняло еще более острые формы. Основными мерами нажима были партвызыскания, угрозы высылки и привлечения к уголовной ответственности. В результате властям удалось сломить моральное сопротивление судей и добиться массового применения закона «о пяти колосках»⁴⁶. Даже после циркуляра от 8 мая 1933 г., предписывавшего ослабление массовых репрессий, судьи по инерции некоторое время продолжали выносить жесткие приговоры⁴⁷.

В мае 1933 г. начался активный процесс кассационного пересмотра дел по закону от 7 августа 1932 г. и исправления судебной политики (частичной реабилитации) неправомерно осужденных лиц, преимущественно крестьян-бедняков, середняков и рядовых рабочих⁴⁸. Политику широкого незаконного привлечения к судебной ответственности Уральский облсуд охарактеризовал как «отсутствие чувства политической ответственности за выносимые приговоры со стороны судебно-прокурорских работников, плетущихся в конце у местных загибщиков»⁴⁹. Однако при этом руководители местной юстиции умалчали, что кассационная коллегия Уральского Областного суда в 1 половине 1933 г. утвердила 69% приговоров народных судов, во второй половине — 56 %. Партийные и руководящие судебные органы не признали свою ответственность за развязывание массовых репрессий, вся вина была переложена на местный низовой судебный аппарат⁵⁰.

В целом, карательная политика органов юстиции Тюменского края на рубеже 1920-1930 гг. была одной из самых жестких по стране. Этому способствовало то, что юг Тюменского края был одним из основных хлебозаготовительных районов и районов сплошной коллективизации. Необходимость выполнять госзадания в повышенных объемах предопределяла особо жесткое проведение хозяйственно-политических кампаний, что приводило в том числе к перегибам в судебной политике. Огромная территория края, удаленность от контролирующих органов способствовали наибольшему размаху местного администрирования

и наиболее тяжелым формам зависимости судебных органов от местной власти. Таким образом, Тюменский край был одним из тех регионов, в деятельности юстиции которого тоталитарные тенденции проявились наиболее ярко.

Примечания

¹ В законоположениях признавалось применение таких универсальных демократических принципов, как гласность, состязательность судебного процесса, право обвиняемого на защиту и т. п. Однако ключевыми принципами стали иные (ограничивавшие или исключавшие демократические принципы): вторжение в судопроизводство социальных и политических мотивов, сближение судебной и властно-управленческой деятельности, уменьшение роли судебного профессионализма.

² Тюменский край — условный термин для обозначения территории современной Тюменской области, входившей в течение 1924-1934 гг. в состав Уральской области. В этот период органы юстиции Тюменского края находились в подчинении Уральского областного суда.

³ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 280. Оп. 1. Д. 19. Л. 53; Ф. 282. Оп. 1. Д. 17. Лл. 79 (об.), 113.

⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 4. Д. 321. Л. 14.

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 542. Лл. 130-132; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 221. Л. 203, 204.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2539. Л. 18.

⁷ ГАТО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 15. Л. 95, 99.

⁸ ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 41. Л. 274 (об.).

⁹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 607. Лл. 1, 2, 3, 7-9, 81.

¹⁰ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 259. Лл. 8-15.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 259. Л. 21.

¹² ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 259. Л. 1; ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 607. Лл. 105-108.

¹³ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 608. Лл. 132-134.

¹⁴ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 542. Л. 130-132.

¹⁵ Закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». СЗ СССР. — 1932. -№ 62. — С. 360. («Закон о пяти колосках»).

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 445. Л. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 445. Л. 1.

²⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 541. Лл. 455-466 (об.).

²¹ Уральский рабочий. — 1929 г. — 12 июля.

²² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 324. Л. 39; ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 541. Л. 173.

²³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 324. Л. 129.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 5. Д. 13. Л. 74-75 (об.); Оп. 1. Д. 543. Л. 19.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 364. Л. 50-51 (об.).

²⁶ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 355. Л. 220.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 5. Д. 29. Лл. 59-63 (об.).

²⁸ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 608. Лл. 217, 218.

²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 324. Л. 151.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 607. Лл. 84, 85.

³¹ Из зала совещания. (О работе Тюменского окрсуда) Ч. 1 // Советская юстиция. — 1931 г. — № 3. — С. 22.

³² ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 535. Л. 15.

³³ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 5. Д. 35. Л. 78.

³⁴ Там же.

³⁵ Серп и молот. — 1929 г. — 11 декабря.

³⁶ Уральский рабочий. — 1929. — 9 июня.

³⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2539. Л. 53.

³⁸ По всей Уральской области к лишению свободы было осуждено: в 1928 г. — 84 ч. — из них к расстрелу (ВМСЗ) единицы; в 1929 г. — 582 ч. — из них к расстрелу 188 ч. (т. е. 32,3%); за два месяца 1930 г. — 482 ч. (к ВМСЗ — 66 ч. — 15,6%). ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 324. Л. 182.

³⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 324. Л. 232.

⁴⁰ «О работе Тюменского окрсуда». Постановление Верховсуда РСФСР от 18 января 1930 г. // Судебная практика. — 1930 г. — № 3. — С. 3-4.

⁴¹ Там же.

⁴² СЗ СССР. 1932. — № 62. — С. 360.

⁴³ ГАСО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 543. Лл. 1, 1(об.).

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 5. Д. 36. Л. 12.

⁴⁵ Уральский рабочий. — 1932 г. — 5 сентября и др.

⁴⁶ Всего по всей Уральской области было рассмотрено дел по закону от 7 августа 1932 г.: 2-е полугодие 1932 г. — 121 (количество расстрелов нами не установлено); 1-е полугодие 1933 г. — 216, расстрелов 161; 2-е полугодие 1933 г. — 179, расстрелов 23. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 5. Д. 36. Л. 6; Оп. 1. Д. 535. Лл. 17-23.

⁴⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 196. Лл. 1-4; ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 610. Л. 3; Д. 537. Л. 66; Д. 535. Л. 15.

⁴⁸ Официально было признано неосновательно привлеченными к судебной ответственности по Уральской области только в 1933 г. — 32697 человек или 22% от общего числа осужденных народными судами. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 196. Л. 1.

⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 196. Л. 4(об.).

⁵⁰ В 1934 г. была произведена чистка органов юстиции, в ходе которой было уволено большое количество судей, не соответствовавших своему назначению по профессиональному и моральному уровню. ГАСО. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 355. Лл. 145, 146; Д. 608. Л. 132-134. В последствии, в 1937-38 гг. по политическим обвинениям была репрессирована часть руководства органов юстиции Уральской области.

ШАБАНОВА Инна Константиновна, ассистент кафедры истории и культурологии, преподаватель Тюменского государственного нефтегазового университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.04.2008 г.

© Шабанова И.К.

РЕФОРМИРОВАНИЕ МИРОТВОРЧЕСКОЙ СФЕРЫ СИСТЕМЫ ООН (1992-2007 года)

После «холодной войны» ООН усилила свою миротворческую активность, что привело к реформированию миротворческих институтов организации. Однако это не принесло эффективных результатов в первой половине 1990-х годов, и реформирование миротворческой сферы ООН продолжилось в XXI веке.

С конца 1980-х годов начинается новый этап деятельности ООН. «Разрядка» в международных отношениях между Востоком и Западом, а затем и окончание «холодной войны» привело к небывалой активности ООН в деле установления мира. Увеличилось количество миротворческих операций, усложнился их характер. Все чаще для установления мира требовалось не только прекращение огня и осуществление мониторинга за противоборствующими сторонами, но и проведение комплексных мер по ликвидации причин конфликта и создание условий для эффективного миростроительства, включая достижение политического примирения, экономического развития и демократического управления. В дальнейшем эти изменения миротворческой деятельности ООН нашли свое теоретическое обоснование в докладе Бутроса Гали «Повестка дня для мира» в 1992 году.

Изменение международной обстановки, усиление и усложнение миротворческой деятельности требовало соответствующих структурных преобразований в самой системе ООН. В 1992 году Бутрос Гали спустя несколько месяцев с момента своего избрания Генеральным секретарем создает в составе Секретариата ООН 2 департамента: Департамент операций по поддержанию мира и Департамент по политическим вопросам. Эти департаменты существуют до сих пор. На текущий момент основными функциями Департамента операций по поддержанию мира являются:

- осуществление руководства, управления, планирования, подготовки операций по поддержанию мира;
- обеспечение основных услуг для Совета Безопасности и Генеральной ассамблеи в отношении всех операций по поддержанию мира, предоставление основных и секретарских услуг Специальному комитету по операциям по поддержанию мира;
- подготовка докладов Генерального Секретаря Совету Безопасности и Генеральной ассамблеи по вопросам своей компетенции;
- решение вопросов разминирования;
- проведение переговоров с правительствами о предоставлении необходимых для операций по поддержанию мира материальных и людских ресурсов;
- разработка бюджета операций по поддержанию мира, контроль за его исполнением;
- поддержание контактов со сторонами в конфликтах и членами Совета безопасности для эффективного осуществления решений Совета Безопасности, связи с государствами-членами, учреждениями системы Организации Объединенных Наций и неправи-

тельственными организациями;

— подготовка руководящих указаний и принципов по вопросам подготовки кадров для государств-членов, предоставляющих контингенты, для операций по поддержанию мира.

Департамент операций по поддержанию мира возглавляется заместителем Генерального секретаря [1].

Департамент по политическим вопросам занимается следующими проблемами:

- контроль и оценка глобального политического развития;
- предоставление рекомендаций Генеральному Секретарю по развитию всеобщего мирного процесса, аналитических докладов о политической ситуации для предотвращения потенциальных конфликтов;
- планирование, подготовка, руководство специальных посланников ООН и политических миссий;
- помощь в проведении выборов, поддержки работы Совета Безопасности и других институтов ООН;
- предоставление основных и секретарских услуг Совету Безопасности ООН.

Департамент возглавляется заместителем Генерального секретаря [2].

Создание этих департаментов отвечало требованиям времени, однако их работа не смогла предотвратить неудачи в миротворческих операциях ООН первой половины 1990-х годов. Миротворческая операция в Сомали, проходившая с 1991 по 1994 года, окончилась безрезультатно: миротворцы ООН, понесшие значительные потери, не смогли добиться мира в этой стране. Действия ООН в Боснии и Герцеговине 1991-1995 гг., в самой кровопролитной для миротворцев операции, также не привели к желаемому миру. Решающие операции в этом конфликте проходили без участия ООН и закончились подписанием Дейтонских соглашений, в которых активную роль играли США. Кроме того, ООН не смогла предотвратить этнический конфликт в Руанде, который привел к многочисленным жертвам и дестабилизировал ситуацию во всей Центральной Африке. Следует заметить, что провалы ООН связаны не только и не столько с плохой работой департаментов или Секретариата в целом, сколько с действиями отдельных членов ООН. В Сомали односторонние действия США привели к человеческим жертвам в составе американских сил, выводу американских миротворцев и свертыванию всей операции, а в Боснии и Герцеговине нерешительность и непоследовательность членов Совета Безопасности и стран ЕС привела к многочисленным жертвам среди миротворцев, а вся операция ООН

«погрязла в югославском болоте». Однако основная доля критики досталась именно ООН.

В 1995 году в рамках Департамента операций по поддержанию мира была создана Группа обобщения опыта. Основными функциями Группы являлись «сбор и анализ информации о различных миссиях... и выработки рекомендаций относительно путей повышения их эффективности.... Группа должна была стать постоянным механизмом, выполняющим функции как хранилища опыта отдельных лиц и организаций, так и основного аналитического подразделения для целей планирования, осуществления миссий по поддержанию мира и управления ими» [3]. Создание этой группы объясняется не только необходимостью повышения эффективности миротворческой деятельности ООН, но и реакцией на критику неудачных миротворческих операций ООН первой половины 1990-х годов.

Необходимость адаптации ООН к современным реалиям мира, в том числе ее миротворческой сферы, становится особенно очевидной к середине 1990-х годов после указанных миротворческих операций. В докладах Генеральных секретарей все чаще говорится о необходимости реформирования ООН, в том числе и ее миротворческой составляющей (годовые отчеты Генерального секретаря о работе ООН, доклад Генерального секретаря, «Мы, народы: роль ООН в XXI веке» [4] и др.).

В 1997 году Генеральный секретарь выступил с докладом «Обновление ООН: программа реформ», где говорилось о необходимости проведения комплексной реформы системы ООН для повышения ее эффективности. Генеральный секретарь предлагал усилить координацию между различными органами системы ООН с целью избежать дублирующих функций этих органов. Для осуществления намеченных целей в рамках Секретариата были созданы 4 исполнительных комитета: по гуманитарным вопросам, по экономическим и социальным вопросам, по вопросам развития, и по вопросам мира и безопасности. Последний комитет координирует работу органов ООН, занимающихся и проблемами миротворческой деятельности ООН [5].

В 2000 году был подготовлен доклад группы высокого уровня под руководством Л. Брахими о способах улучшения миротворческой деятельности ООН. Появлению доклада предшествовали трагические события в Сьерра-Леоне, где были атакованы 500 миротворцев ООН, которых затем эвакуировали ВМС Великобритании, а также события в Косово в 1999 году, где проходили военные действия несанкционированные Советом безопасности ООН. В докладе проведен анализ миротворческих операций ООН, выявлены основные проблемы при их проведении и представлены детальные рекомендации по улучшению миротворческой деятельности ООН. В нем, в частности, говорится о необходимости обеспечить политическую, финансовую, оперативную поддержку миротворческой деятельности ООН со стороны стран-членов ООН, беспристрастность ООН в конфликтах, неразрывность усилий в сфере миротворчества и миростроительства, укрепить миростроительные стратегии, изменить саму систему подготовки операции (Секретариат определяет реалистичные потребности миссии, Генеральный секретарь подтверждает получение или наличие обязательств о получении необходимых ресурсов, после чего Совет безопасности издает соответствующую резолюцию), передать функции по составлению бюджета и снабжению миротворческих операций

из Департамента по вопросам управления в ДОПМ, увеличить персонал и финансирование ДОПМ, в большей степени делегировать полномочия в вопросах снабжения на низовые уровни; предоставить полевым миссиям больше свободы в управлении своим бюджетом.

В области структурных преобразований системы ООН предлагалось создать вспомогательные органы Совета безопасности для проведения консультаций стран-членов ООН, предоставляющих свои войска, с членами Совета безопасности для разработки мандата миротворческих операций: Секретариат исполнительного комитета по вопросам мира и безопасности (СИКА) для сбора и анализа информации на основе Оперативного центра департамента операций по поддержанию мира с рядом небольших разрозненных подразделений с целью предупредить развитие новых конфликтов, усилить эффективность самого Исполнительного комитета, назначить старшего чиновника, отвечающего за стратегию и политику в области информационных технологий при проведении операций в пользу мира; эффективные дееспособные силы бригадного размера для оперативного развертывания через Систему резервных соглашений ООН, приготовить и систематически обновлять списки соответствующего военного и гражданского персонала; новый, отдельный орган, занимающийся политикой и процедурами более рационального материально-технического обеспечения полевых операций; комплексные целевые группы из различных подразделений системы ООН для планирования новых миссий и обеспечения их полного развертывания; по 2 отдела в результате разделения Отдела военной и гражданской полиции ДОПМ и Отдела управления полевыми операциями и материально-технического обеспечения ДОПМ.

Кроме того, предлагалось укрепить и включить группу обобщения опыта в Управление операций ДОПМ, укрепить департамент по политическим вопросам, особенно группу по проведению выборов, увеличить потенциал Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в области планирования и обеспечения тех компонентов операций в пользу мира, которые касаются прав человека [6].

В целом доклад Брахими был встречен положительно членами Совета безопасности и принят Генеральным секретарем как руководство к действиям. Однако в системе ООН практически невозможно оперативно решить подобного рода проблемы. Каждая рекомендация доклада требовала согласования, которое нередко затягивалось на годы. Тем не менее часть рекомендаций, указанных в докладе, к настоящему моменту была осуществлена (изменение системы подготовки операции, составление бюджета операции).

В 2003 году Генеральный секретарь снова учреждает группу высокого уровня из «видных деятелей» под руководством Анана Паннярачуна, которая к декабрю 2004 года подготовила новый доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность». В докладе рассматривались основные вызовы безопасности современного мира, давались рекомендации по ее усилению. В качестве основных угроз отмечались нищета, экологическая деградация, болезни, распространение ОМУ, конфликты между государствами и внутри государств, терроризм, транснациональная организованная преступность. В докладе содержатся рекомендации о реформировании Совета безопасности (модели А и В) и Комиссии по правам

человека, изменении работы Генеральной ассамблеи и Секретариата для повышения их эффективности. В области миротворческой деятельности ООН эксперты рекомендовали поддержать доклад группы высокого уровня от 2000 года. Кроме того, они высказали рекомендации о создании постоянного фонда в области миротворчества в размере 250 млн долларов США, о вкладе 0,7% от ВВП развитых стран в фонд по проведению операции по поддержанию мира. В докладе содержатся рекомендации о следующих структурных изменениях системы ООН, непосредственно занимающихся проблемами миротворческой деятельностью:

1. Департамент по политическим вопросам должен получить дополнительные ресурсы, должен быть реорганизован для повышения эффективности посреднических усилий (создать группы профессиональных посредников, хорошо разбираться в тематических вопросах, взаимодействовать со всеми сторонами, вовлеченными в конфликт).

2. Должна быть создана Комиссия по миростроительству со следующими функциями: выявление стран, находящихся в состоянии напряжения или под угрозой сползания к распаду государства, организация в партнерстве с национальным правительством инициативной помощи в деле недопущения дальнейшего развития этого процесса; оказание содействия в планировании перехода от конфликта к постконфликтному миростроительству; и руководство и поддержание усилий международного сообщества в области постконфликтного миростроительства.

3. В Секретариате должен быть создан Отдел по поддержке миростроительства для оказания Комиссии по миростроительству надлежащей секретариатской поддержки и для обеспечения того, чтобы Генеральный секретарь был в состоянии интегрировать общесистемную политику и стратегии в области миростроительства, разрабатывать передовые методы и оказывать согласованную поддержку полевым операциям.

4. В ЭКОСОС следует создать Комитет по социальным и экономическим аспектам угроз для безопасности [7].

Этот доклад вызвал определенные разногласия среди членов Совета Безопасности. Особенно это касается вопросов финансирования операции и реформирования Совета Безопасности. Однако наиболее крупное структурное изменение в системе ООН, о котором говорилось в докладе, — создание Комиссии по миростроительству — ни у кого особых возражений не вызвало.

В декабре 2005 года Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея в своих резолюциях (60/180 и 1645 (2005)) учредили Комиссию по миростроительству, а также Фонд миростроительства и Управление по поддержке миростроительства. Функциями Комиссии по миростроительству являются: сведение вместе всех соответствующих сторон для того, чтобы мобилизовать ресурсы и давать рекомендации и предложения относительно комплексных стратегий постконфликтного миростроительства и восстановления; содействие обеспечению предсказуемого финансирования начальной деятельности по восстановлению и устойчивых финансовых инвестиций в среднесрочной и долгосрочной перспективе; разработка передовых методов сотрудничества в политической сфере, области безопасности, гуманитарной сфере и области развития [8].

Работа Комиссии по миростроительству осуществляется в 3 форматах: Организационный комитет,

заседания по странам и Рабочая группа по обобщению извлеченных уроков.

Фонд миростроительства, имея в своем распоряжении средства в 250 млн долларов (как указано в докладе группы высокого уровня 2004 года), предоставляет необходимую помощь сразу после прекращения конфликта до работы Комиссии по миростроительству. В частности, Фонд миростроительства содействует реализации мирных соглашений, способствует усилиям страны по реализации, направленных на обеспечение мира, учреждает необходимые административные службы, предоставляя необходимые технические и людские ресурсы, организует действия по ликвидации угроз для процесса миростроительства [9].

Управление по поддержке миростроительства занимается оказанием помощи и поддержки Комиссии по миростроительству, управления Фондом миростроительства и оказанием услуг Генеральному секретарю путем координации миростроительных усилий учреждений Организации Объединенных Наций; помощи в поддержании мира в пострадавших от конфликтов странах путем мобилизации международной поддержки усилий в области миростроительства. В состав Управления входят секция стратегического планирования, секция анализа политики и секция внешних сношений [10].

Летом 2007 года произошло еще одно изменение в системе ООН. В рамках Секретариата был создан новый департамент — департамент полевой поддержки, основной функцией которого было обеспечение материально-технической поддержки миротворческих операций. Соответственно, департамент операции по поддержанию мира лишился данных функций. Причиной создания новой структуры был рост миротворческой активности ООН. В 2007 году она проводит одновременно 18 миротворческих операций, а численность миротворцев достигает более 100 тысяч человек. Департамент создан с условием, что если он не докажет свою эффективность в течение ближайших 2 лет, он будет распущен [11].

Таким образом, с начала 1990-х годов по настоящее время миротворческая сфера системы ООН, преимущественно Секретариата ООН, претерпела существенные структурные изменения. В рамках Секретариата были созданы департамент операции по поддержанию мира, занимающийся миротворческими операциями, департамент по политическим вопросам, ведающий проблемами превентивной дипломатии и проведения выборов, Комиссия по миростроительству, осуществляющая меры постконфликтного мироустройства, департамент полевой поддержки для обеспечения материально-технической поддержки миротворческих операций. Все эти меры направлены на повышение эффективности миротворческих усилий ООН, спрос на которые постоянно возрастает. Стоит отметить, что в 2007 году достигнута самая высокая численность миротворцев ООН за всю историю существования организации — более 100 тысяч человек.

О положительных итогах указанных реформ говорить пока рано. Нужно время, чтобы доказать их эффективность. Однако необходимо отметить, что отсутствие крупных провалов миротворческих операций ООН за последние годы вносят определенный оптимизм, хотя говорить о какой-либо завершенности преобразований миротворческой сферы не приходится. Государствам-членам ООН и сотрудникам ООН еще много предстоит сделать в деле реализации рекомендаций докладов групп высокого уровня от 2000 и 2004 годов.

Примечания

1. Укрепление миростроительных стратегий в области применения гражданской полиции, объединения программ разоружения, демобилизации и реинтеграции в рамках начисляемых бюджетов, а также предоставление определенной свобода действий руководителей операций ООН в сфере финансирования

2. Несмотря на то что Департамент операции по поддержанию мира и Департамент по политическим вопросам созданы в 1992 году, их функции с момента создания существенно изменились.

Библиографический список

1. Департамент операций по поддержанию мира // <http://www.un.org/russian/peace/pko/dpko/>
2. The United Nations Department of Political Affairs // <http://www.un.org/Depts/dpa/intro.html>
3. Группа обобщения опыта проведения операций ООН по поддержанию мира // <http://www.un.org/russian/peace/pko/group.htm>
4. Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций,

другие международные организации и их роль в XXI веке. — М., 2007.

5. Динамика реформ по всей системе Организации Объединенных Наций // <http://www.un.org/russian/topics/reform/unfocus/dynamics.htm>
6. Док. ООН A/55/305 — S/2000/809
7. Док. ООН A/59/565
8. Комиссия по миростроительству // <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/>
9. United Nations Peacebuilding Fund: Bridging the Gap Between Conflict and Recovery // <http://www.unpb.org/>
10. Управление по поддержке миростроительства // <http://www.un.org/russian/peace/peacebuilding/pbso.shtml>
11. Jean-Louis Turlin France Wants to Retain Ranks within United Nations // <http://www.globalpolicy.org/security/peacekpg/reform/2007/0705retainranks.htm>

ХАЙРУЛЛИН Эльдар Рафаилович, аспирант кафедры истории и теории международных отношений.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.05.2008 г.

© Хайруллин Э.Р.

УДК 930.1

А. Е. НЕВАКШЕНОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ДИСКУССИЯ О ЦИКЛИЧНОСТИ ПАРТИЙНОЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ США 1970-1980-х гг.

В данной статье направление «новой политической истории» в американской науке характеризуется через исследование ключевой дискуссии о цикличности партийной истории США. Результатом исследования является сравнительный анализ различных подходов к данной проблеме и одновременно выделение общей специфики научного направления.

Становление «новой политической истории» в начале 1970-х гг. обозначило широкое применение количественных методов в исторической науке, что дало возможность исследователям проанализировать огромные массивы информации и объединить результаты выборов в определенные исторические модели электорального поведения. Сопоставление данных моделей, в свою очередь, позволило сделать вывод о цикличности американской истории, о смене типов партийно-электоральной агрегации. Первоначально разработанная В.О. Кеом как теория «критических выборов» (critical elections theory), данная концепция получила дальнейшее развитие в теории «партийно-политических перегруппировок» У.Д. Бернхэма (critical realignment theory), а в конце 1970 — 1980-х гг. стала темой ключевой дискуссии в партийно-политической проблематике. В рассматриваемый нами

период ряд историков и политологов поставил под сомнение адекватность данной теории в изучении специфики американских партий и политической системы в целом, вследствие чего развернулась научная дискуссия о применимости теории «критических выборов» к исследованию американской партийной истории и действительности.

Первенство в разработке теории «критических выборов» принадлежит В.О. Кею. В своей работе автор отстаивает тезис о том, что в определенные периоды американской истории двухпартийная система США претерпевает существенные потрясения, в результате которых происходят значительные изменения партийной приверженности, то есть выборы, проходящие в подобный период, можно оценить как критические. В.О. Кей выделяет следующие признаки критических выборов: краткосрочные, но значитель-

ные изменения традиционных моделей поведения избирателей (партия большинства может стать партией меньшинства, в традиционно однопартийных районах разворачивается жесткая конкуренция партий); серьезная «озабоченность» избирателей ключевыми вопросами развития общества, и как следствие очень высокий уровень явки на выборах; идеологическая поляризация политических курсов демократов и республиканцев и повышенная активность «третьих» партий; результаты выборов обнаруживают значительные перемены в партийной приверженности, и такое перераспределение электората фиксируется на несколько последующих выборов [1].

По мнению В.О. Кея, критические выборы происходят в американской истории каждые 30-40 лет, в течение которых идет процесс усваивания политическими партиями и обществом изменений политического курса [2]. Согласно разработанному признакам исследователь выделяет критические выборы и периоды между ними в американской истории (например, выборы 1890-х гг. как начало прогрессистских реформ, и выборы 1930-х гг. как точку отсчета Нового курса). Таким образом, в концепции В.О. Кея критические выборы выступают механизмом адаптации двухпартийной системы в периоды серьезных политических пертурбаций, а сами партии — ключевым звеном в историческом развитии США.

Развивая идеи В.О. Кея, У.Д. Бернхэм предлагает теорию партийных перегруппировок. Для У.Д. Бернхэма основной категорией является не период, а партийная система. Исследователь выделяет пять партийных систем в американской истории, которые отграничены критическими выборами:

1. 1789 — 1830 федералисты-джефферсоновские демократы
2. 1830 — 1860 виги-демократы
3. 1860 — 1890 республиканцы-демократы
4. 1890 — 1930 республиканцы-демократы
5. 1930 — 1960 демократы-республиканцы [3].

Каждая из партийных систем характеризуется определенным соотношением политических сил, определенными моделями электорального поведения (структурой электоральной поддержки), функциями и ролью партий в политическом процессе. При переходе от одной партийной системы к другой происходит перегруппировка партийной приверженности избирателей, результатом чего становится изменение структуры партийной системы, то есть замена одной из двух партий новой либо смена ролей партий большинства и меньшинства в рамках действовавшей системы. Закрепляют формирование новой партийной системы результаты критических или перегруппирующих выборов. Таким образом, У.Д. Бернхэм соединяет анализ моделей поведения американских избирателей с элементами системного подхода.

Особенно острое внимание исследователь уделяет современной ему партийной системе США. В более поздних работах У.Д. Бернхэм признает, что поскольку его концепция основывается на доминирующей роли политических партий, а их роль в электоральном процессе продолжает снижаться, в будущем теория партийных перегруппировок вряд ли будет применима [4]. Исследователь полагает, что последняя перегруппировка произошла в 1968-1972 гг., но это не партийная перегруппировка в традиционном понимании, это начало упадка американских политических партий, а критические выборы 1968 г. можно считать точкой отсчета политики, сфокусированной на кандидатах (candidate-centered politics).

Исследователь предлагает новое определение пе-

регруппировки — это «моменты интенсивных, всеобъемлющих, периодических системных трансформаций в американской политике» [5]. Такое определение предполагает не только возможность классической партийной перегруппировки электората, но и непартийной перегруппировки. Существенной чертой новой партийной системы после 1968 г. является «разделенный контроль» исполнительной и законодательной власти. Таким образом, исследовательские возможности теории партийно-политических перегруппировок не исчерпаны: она требует актуализации для исследования современной партийной системы.

Однако существенные изменения, произошедшие в политической системе США в 1960-1970-х гг., поставили перед историками и политологами целый ряд вопросов относительно применения теории партийно-политических перегруппировок. Во-первых, практически все исследователи отмечают, что во второй половине XX века значительно снизился уровень партийной приверженности американских избирателей, и вырос процент так называемого «независимого» голосования. Во-вторых, партийной перегруппировки, ожидаемой представителями теории «критических выборов», в 1960-х гг. не произошло — кардинально изменились модели поведения американских избирателей, причем не в сторону поддержки теории перегруппировок, что естественно поставило под вопрос применимость данной теории. Вследствие этого теория была подвергнута детальному анализу, особенно следующие ее аспекты: применимость теории перегруппировок к какому-то конкретному периоду истории США; формирование новой партии большинства после каждого критического выбора; изучение не только элементов трансформации, но и элементов преемственности в перегруппировке; возможность смены партийной приверженности групп не в ходе перегруппировки.

Одними из первых, кто подверг критическому анализу теорию партийно-политических перегруппировок, стали Дж. Силби и Л. Бенсон. В своих работах исследователи отмечают, что, начиная с 1960-х гг., размывание партийной идентификации и рост числа независимых избирателей сделали теорию партийных перегруппировок неприменимой к изучению поведения избирателей, так как американская политика отошла от цикличности [6]. Однако это не означает, что данная теория является бесполезной в принципе, ее необходимо поставить в определенные хронологические рамки. По мнению исследователей, теория перегруппировок объясняет динамику развития американского избирательного механизма с 1830 по 1930-е гг. [7]. Исследования Дж. Силби и Л. Бенсона особенно детально сфокусированы на рассмотрении периода с 1789 г. по конец 1890-х гг. с привлечением анализа результатов штатных и местных выборов, поскольку до них эти данные были изучены слабо. Исследование показало, что период с 1789 г. по 1830-е гг. характеризуется беспорядочным голосованием, волатильностью и фрагментированностью американских избирателей. То есть данный период характеризуется отсутствием полноценной партийной системы, или как определяет его П. Клеппнер является «допартийной партийной системой» (preparty party system) [8].

Первая половина XIX века характеризуется Л. Бенсоном и Дж. Силби как период становления американской партийной системы, роста политического участия граждан и формирования партийных предпочтений. Вторая половина XIX века является периодом стабильного функционирования двухпар-

тийной системы, а с 1890-х гг. начинается период постепенно упадка политических партий. Таким образом, исследователи считают корректным говорить лишь о трех партийных перегруппировках, произошедших в период от формирования до упадка партийной системы США: перегруппировки 1854-1860 гг., 1890-х гг. и 1930-х гг. [9]. Получается, что феномен критических выборов выступает одним из инструментов целостного осмысления политического и исторического процесса США.

Дж. Силби и Л. Бенсон включают партийно-политические перегруппировки в свою более целостную теорию «политических эпох» (political eras). Они выделяют три политических эпохи: 1) 1789-1838 гг.; 2) 1838-1893 гг.; 3) 1893-1950 гг. [10]. Первая эпоха представляет собой догруппировочный (prealignment), допартийный период. После становления партийной системы вторая эпоха характеризуется группировкой и перегруппировкой избирателей (alignment/realignment). Наконец, в третью эпоху происходит последняя партийная перегруппировка, и начинается разгруппировка электората (dealignment), то есть процесс упадка американских политических партий. С 1950-х гг. начинается четвертая политическая эпоха, продолжающаяся и по сей день, — постгруппировочный период (postalignment), характеризующийся непартийным, сфокусированным на кандидатах поведением избирателей.

Таким образом, исследователи делают вывод о некорректности выделения нескольких партийных систем: в истории США единая двухпартийная система, которая пережила несколько периодов развития и упадка. То есть для Дж. Силби и Л. Бенсона характерен более целостный исторический подход с выделением определенных исторических периодов со стабильными моделями электорального поведения, в рамках которых можно рассматривать различные политические феномены (такие как критические выборы и перегруппировки) как отдельные политические явления в жестких временных рамках, но не как критерий периодизации американской истории — исследователи отвергают тезис о цикличности американской истории.

Другое направление критического анализа теории партийно-политических перегруппировок представляет Э. Лэдд. Он также считает данную теорию очень упрощенным вариантом изучения партийно-политической истории США, поскольку ее инструментарий не позволяет детально рассмотреть изменения, происходящие в партийной системе. По мнению исследователя, для существенных политических трансформаций необходимы серьезные социальные потрясения (например: Гражданская война, Великая депрессия), а перегруппировки в концепции У.Д. Бернхэма не всегда совпадают с ними [11]. Не может объяснить данная теория и трансформацию партийной системы США начиная с 1960-х гг.

Э. Лэдд изучает динамическое развитие партийной системы США. В первую очередь, он выделяет специфические постоянные характеристики американской двухпартийной системы: максимально широкая электоральная база, непрограммность, децентрализация и автономия партийных структур, являющиеся следствием конституционного федерализма и разделения властей [12]. С другой стороны, важное место в подходе исследователя помимо неизменных свойств двухпартийной системы занимают переменные факторы, соотношение и серьезное изменение которых позволяет выделять определенные периоды исторического развития американской партийной

системы. Среди этих факторов необходимо отметить следующие: наиболее острые вопросы политической повестки дня; структура партийных организаций на всех уровнях и их взаимосвязь; ключевые группы интересов, объединяемые каждой из партий, и степень устойчивости данной партийной приверженности; электоральные и внутрипартийные процедуры.

Ключевое понятие в концепции Э. Лэдда — «социально-политический период», определяемый как постоянство в течение определенного периода времени социально-экономических отношений и связанной с ними политической повестки дня [13]. Лежащие в основе периода социально-экономические отношения формируют доминирующий «политический класс», интересы которого объединяет партия большинства. Партия становится партией большинства, выражая преемственный политический курс по ключевым вопросам повестки дня. Партия большинства сохраняет власть в течение длительного периода времени, поскольку представляет собой электоральный механизм продвижения коалиции интересов большинства. Так, Э. Лэдд выделяет период с 1800-го до Гражданской войны, в который доминирующий «политический класс» состоял из мелких независимых фермеров, выразителем интересов которого стала партия Джефферсоновских демократов, в то время, как Республиканцы не смогли представить адекватный альтернативный политический курс, пользующийся широкой поддержкой электората. Другие социально-политические периоды, рассматриваемые в работе Э. Лэдда, — с окончания Гражданской войны до Великой депрессии и период после Великой депрессии [14].

Современный период начиная с 1960-х гг. Э. Лэдд определяет как «нестороннический» (nonpartisan), то есть характеризующийся значительным снижением партийной приверженности электората. Исследователь выделяет существенные характеристики партийной системы в этот период: отсутствие партии большинства; усиление либеральности верхних слоев населения; слабая коалиция внутри Республиканской партии; более волатильный электорат с низкой партийной приверженностью; функция коммуникации с избирателями переходит от партий к средствам массовой информации [15]. Таким образом, для современного периода Э. Лэдд не определяет социально-экономических отношений, доминирующего «политического класса» и ключевых вопросов повестки дня, то есть базовых критериев социально-политического периода. С другой стороны, он отмечает факторы, характеризующие партийную систему данного периода, которые также являются важной частью его концепции. Следовательно, подход исследователя выглядит несколько двойственным: критикуя теорию партийно-политических перегруппировок, он сам предлагает концепцию, которая лишь частично применима к изучению американской истории после 1960-х гг. — в вопросах изучения специфики партийной системы.

Еще одним представителем критического направления в отношении теории партийно-политических перегруппировок является Б. Шейфер. Он придерживается схожей с Л. Бенсоном и Дж. Силби позиции о неприменимости данной теории к изучению поведения избирателей во второй половине XX века. Предлагая не отказываться от теории критических выборов, Б. Шейфер вводит понятие «электорального порядка» (electoral order), которое позволяет постоянно отслеживать изменения в партийной системе США. Под «электоральным порядком» он понимает совокупность политических структур, которые

формируют результаты выборов и обеспечивают их трансформацию в определенную электоральную модель [16]. «Электоральный порядок» имеет три составляющих: социальная (электоральная) база, политические посредники (intermediaries) и государственные институты. Электоральная база представляет собой дифференцированную структуру политических предпочтений по ключевым вопросам, формируемых различными социальными группами, результатом которых становится модель электорального поведения. Политическими посредниками выступают политические партии и группы интересов, роль которых в избирательном процессе наряду с государственными институтами определяет текущий «электоральный порядок».

Характеризуя современный «электоральный порядок», Б. Шейфер определяет социальную базу как либеральное большинство по вопросам социального обеспечения, националистское большинство по вопросам внешней политики, традиционалистское большинство по вопросам культуры и ценностей [17]. Проецируя данную электоральную структуру на результаты выборов, исследователь отмечает, что в современном электоральном порядке президентство в основном контролируется Республиканской партией (поскольку она интегрирует националистское большинство по внешней политике и традиционалистское по культуре), а Конгресс контролируется Демократической партией (поскольку приоритет здесь отдается вопросам социального обеспечения). Б. Шейфер приходит к выводу, что переход к современному «электоральному порядку» не является партийной перегруппировкой: ключевой характеристикой нового «электорального порядка» стала система разделенного партийного контроля. Исследователь также отвергает тезис Дж. Силби о «разгруппировке» американского электората после 1960-х гг. Таким образом, подход Б. Шейфера представляет не альтернативную теории партийных перегруппировок концепцию (поскольку не изучает основные пробелы данной теории), а некую параллельную модель исследования изменений в партийной системе. Кроме того, нужно отметить, что концепция Б. Шейфера демонстрирует наименьшую эмпирическую подкрепленность из представленных в рамках дискуссии о применимости теории партийно-политических перегруппировок.

Дискуссия в полной мере характеризует междисциплинарность исследований периода 1970-1980-х гг., поскольку в ее рамках нельзя разделить политические и исторические исследования. Дискуссия обобщила политический опыт США, в ее рамках была пересмотрена историческая периодизация — предложена новая периодизация американской истории на основе партийно-электоральных моделей или систем, существовавших в определенные периоды и выделяемых по специфическим характеристикам. Кроме того, одним из ключевых элементов данной дискуссии является применение количественных методов для обработки значительных массивов информации и формулирование на этой основе исторических моделей электорального поведения американцев. Таким образом, изучение дискуссии о цикличности партийной истории позволяет, с одной стороны, собрать воедино и проанализировать различные подходы исследователей в рамках «новой политической истории», а с другой — охарактеризовать специфику данного направления в целом.

Библиографический список

- [1] Key, V.O. Jr. A theory of critical elections [Electronic resource]: American Political Science Association / Vladimir O. Key. — Mode of access: <http://www.apsanet.org/~pop/criticalelection/VOKey.pdf>, 07.10.2007. — P. 7.
- [2] Ibid. — P. 12.
- [3] Burnham, W.D. The American Party System: Stages of Political Development [Text] / W.D. Burnham, W.N. Chambers. — New York: Oxford University Press, 1976. — P. 36.
- [4] Burnham, W.D. Critical realignment: dead or alive? [Text] / W.D. Burnham // The end of realignment? Interpreting American electoral eras / Ed. by Byron E. Shafer. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. — P. 110.
- [5] Ibid. — P. 117.
- [6] Silbey, J.H. Beyond realignment and realignment theory: American political eras 1789-1989 [Text] / J.H. Silbey // The end of realignment? Interpreting American electoral eras / Ed. by Byron E. Shafer. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. — P. 7.
- [7] Benson, Lee. American political eras 1788-1988: toward a normative, substantive and conceptual framework for the historical study of American political behaviour [Electronic resource]: paper from the annual meeting of the Social Science History Association 1988 / Lee Benson, J.H. Silbey. — Mode of access: <http://www.ssha.org/publication/bens&silbey.html>, 19.10.2007. — P. 19.
- [8] Kleppner, P. Evolution of American electoral systems [Text] / Paul Kleppner. — Westport, Connecticut: Greenwood press, 1981. — P. 136.
- [9] Silbey, J.H. Beyond realignment and realignment theory: American political eras 1789-1989 [Text] / J.H. Silbey // The end of realignment? Interpreting American electoral eras / Ed. by Byron E. Shafer. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. — P. 9.
- [10] Benson, Lee. American political eras 1788-1988: toward a normative, substantive and conceptual framework for the historical study of American political behaviour [Electronic resource]: paper from the annual meeting of the Social Science History Association 1988 / Lee Benson, J.H. Silbey. — Mode of access: <http://www.ssha.org/publication/bens&silbey.html>, 19.10.2007. — P. 32.
- [11] Ladd, E.C. Like waiting for Godot: the uselessness of «realignment» for understanding change in contemporary American politics [Text] / E.C. Ladd // The end of realignment? Interpreting American electoral eras / Ed. by Byron E. Shafer. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. — P. 24.
- [12] Ibid. — P. 29.
- [13] Ladd, E.C. American political parties: social change and political response [Text] / E.C. Ladd. — New York: Norton, 1970. — P. 48.
- [14] Ibid. — P. 150, 167.
- [15] Ibid. — P. 287.
- [16] Shafer, B.E. The notion of an electoral order: the structure of electoral politics at the accession of G. Bush [Text] / Byron E. Shafer // The end of realignment? Interpreting American electoral eras / Ed. by Byron E. Shafer. — Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. — P. 39.
- [17] Ibid. — P. 47.

НЕВАКШЕНОВ Андрей Евгеньевич, аспирант кафедры истории и теории международных отношений ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.05.2008 г.
© Невакшенов А.Е.

РОЛЬ «АДМИНИСТРАТИВНОГО ВОПРОСА» В ФОРМИРОВАНИИ СИБИРСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧАСТНЫМИ ГАЗЕТАМИ СИБИРИ 1870–1880-х гг.

В данной статье на основе анализа материалов неофициальной сибирской периодики 1870–1880-х гг. раскрываются содержание «сибирского административного вопроса» и варианты его решения публицистами частных газет, показано значение сформированного региональной прессой негативного образа сибирского чиновничества в обосновании отсталого, неравноправного положения Сибири в составе Российской империи.

Понятие «идентичность», восходящее к латинскому термину *idem* — «тот же самый», — нередко используется в гуманитарных исследованиях для обозначения некоего социального чувства, заставляющего человека ассоциировать себя с определенной социальной группой на основании тождества/подобия: «мы — члены одной группы и мы похожи, у нас общие признаки и интересы». В этом же ряду находится и региональная (территориальная) идентичность, понимаемая как солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом [1]. Однако осмысление «себя» невозможно без сопоставления с «другими», без осознания собственной «самости» и чужой «инаковости». Норвежский ученый И.Б. Нойманн отмечает, что «коллективные идентичности существуют благодаря тому, что отделяют одних людей от других при помощи определенных маркеров — (показателей)» [2]. Отсюда центральная роль в механизме формирования региональной идентичности принадлежит дихотомии «мы — они» («свой — чужой»): необходимым условием превращения населения региона в сообщество становится противопоставление его другим сообществам подобного рода.

Это справедливо и в отношении сибирской региональной идентичности на этапе ее теоретического конструирования во второй половине XIX века. Самоидентификация жителей колонизируемого края строилась на сопоставлении «Сибири» с «Россией», которые изначально воспринимались как две неодинаковые, нетождественные географические местности [3]. Их соотношение, в частности, приводило к осознанию местным населением неравноправного положения своего региона в имперском пространстве, где символическим, властным, хозяйственным ядром выступала европейская Россия, прежде всего, столичные города (имперский центр). С 60-х гг. XIX века вследствие нераспространения либеральных преобразований Александра II на «далекую азиатскую окраину», долгое время остававшуюся «за изъятием», представление об отсталости, неравноправии региона заняло прочное место в идентификационной матрице Сибири.

Тиражирование мифологемы «Сибирь — забытая, обделенная часть империи» не в последнюю очередь было связано с деятельностью частных сибирских печатных изданий, посвященных местным нуждам, с момента своего появления в 60–80-х гг. XIX в., ставших трибуной региональной интеллектуальной элиты. Неофициальные сибирские газеты 1870–1880-х гг. описывали Сибирь при помощи таких маркеров, как «глушь» [4], «забытая, отсталая страна» [5], «дореформенный край» [6].

Немаловажную роль в обосновании неравноправия Сибири с европейской Россией играло представление об абсолютной неэффективности и тормозящем общественное развитие влиянии сибирской администрации. Публицисты частных сибирских изданий 70–80-х гг. XIX в. стремились как можно более глубоко и всеобъемлюще раскрыть несовершенства местной административной машины. Они с настойчивостью доказывали, что сибирские административные учреждения проникнуты духом «канцелярщины», что здешних чиновников отличает индифферентизм, халатность и безынициативность, незнание особенностей и интересов края, безграмотность и «вопиющая бестолковость», формальное, бюрократическое отношение к делу [7]. Вот одно из типичных описаний деятельности окружного исправника, данное в корреспонденции из Минусинска сотрудником «Сибирской газеты» И.И. Поповым в 1888 году: «Деятельность ... исправника ограничивалась, главным образом, чисто внешней стороной полицейского дела. Он употреблял массу труда и энергии, например, на то, чтобы никто, кроме чинов земской полиции, не ездил с колокольчиками. Всем нам памятный случай, когда три года тому назад каждого подвезжающего к городу останавливала стража и заставляла подвизывать колокольцы. Не менее энергии положено было в деле преследования собак. <...> Поглощенный заботой о внешности, ...исправник не принимал участия во внутренней жизни округа и города. Все, что делалось у нас в видах общественной пользы, шло помимо него» [8].

Редакции частных сибирских газет 1870–1880-х гг. значительное место отводили освещению всевозможных бесчинств и злоупотреблений со стороны сибир-

ского чиновничества, в первую очередь, низшего его звена. На страницах неофициальной региональной периодики край сравнивался с «сонным царством», безмятежное прозябание которого нарушалось лишь «экстраординарными беззакониями и беспардонным произволом сильных людей» [9], изображался «бесправной страной», где из века в век звучит один и тот же припев: «До бога высоко, до царя далеко» [10], «где громадные пространства, дичь и глушь позволяют скрывать от высших властей всевозможные уклонения от законности» [11].

Обилие публиковавшихся в сибирских изданиях обличительных материалов даже стало поводом для критических замечаний в их адрес со стороны коллег-журналистов. «В корреспонденциях — исправник, в фельетоне — исправник, с ярмарки ли пишут — опять об исправнике, в прозе исправник, в стихах исправник, — отмечал в своем письме в редакцию издававшейся в Томске «Сибирской газеты» И.А. Гурвич, публицист народнического направления, оказавшийся в 1881 — 1885 гг. в сибирской ссылке, и наставительно советовал местным публицистам, — бросьте вы все говорить о заседателях и писарях и расскажите нам что-нибудь на пользу и поучение» [12]. Однако представители независимой региональной прессы считали себя не вправе игнорировать беззакония местной администрации как неотъемлемую и весьма существенную часть общественной жизни Сибири. «Как будто жизнь народная не связана теснейшими узами с исправниками, заседателями, которые «блюдут» каждый шаг народа, заглядывают бесцеремонно и в его мощу и в его душу», — отвечал И.А. Гурвичу И.П. Белокопский, будучи сотрудником газеты «Сибирь» [13]. Того же взгляда придерживалась редакция «Сибирской газеты»: «По самой нашей программе обличению злоупотреблений отведено место постольку, поскольку эти злоупотребления отражаются на жизни обывателя, тормозят естественный рост их умственного развития и мешают правильному течению экономической их жизни» [14].

Наиболее часто в обозрениях, корреспонденциях и хроникальном отделе частных сибирских изданий встречались сюжеты, разоблачавшие административные злоупотребления в форме вымогательства и взяточничества. Продажность сибирских чиновников неоднократно отмечалась авторами публиковавшихся в газетах беллетристических произведений, в частности, этот порок местных администраторов не раз высмеивался К.М. Станюковичем в частном приставе Спасском — одном из героев его романа «Не столь отдаленные места», печатавшемся на страницах «Сибирской газеты»:

— Мы здесь, в Сибири, имеем репутацию, так сказать, классических воров! — с веселым смехом прибавил Спасский.

— Но эта репутация, конечно, преувеличенная? — деликатно подал реплику Невежин.

— Ну... лгать не стану. Где можно благородно взять, берем... Понимаете ли: благородно... Этак сорвать с какого-нибудь толстоногого купчины или жида... Ведь и они рвут?... Или, например, приобрести какой-нибудь предмет необходимости или роскоши за пятерню... Это мы любим...

— Что это значит, за пятерню?

— А это значит, на чиновничьем жаргоне, за пожатие руки... Ха-ха-ха!.. Но опять-таки повторяю: благородно...

— ...Да и кто этого не знает! — прибавил Спасский. — Беда только в том, что многие неблагородно берут...

— То есть как это неблагородно?

— Вымогает, пристает или сорвет, да ничего не сделает... По-моему, это вовсе уж неблагородно!..

— пояснил, садясь в телегу, Спасский [15].

Немало статей в неофициальной сибирской периодике 70 — 80-х гг. XIX века было посвящено обнаружению растрат и хищений общественных сумм из казны со стороны местного чиновничества. «В Ужурской волости Ачинского округа, — читаем в одной из октябрьских корреспонденций «Сибири» за 1879 год, — в одну прекрасную ночь испарились из кладовой волостного правления восемь тысяч крестьянских денег, собранных в уплату податей. Улетучение сие так искусно совершилось, что спавший головою на шкатулке волостной староста сего чуда не заметил и самая шкатулка, по осмотре ее, оказалась якобы поврежденною» [16]. Региональные издания констатировали и другой противозаконный источник получения доходов сибирскими администраторами — их участие в золотопромышленности, винном, соляном деле и пр. видах частного предпринимательства: «Один из местных эскулапов служит агентом от страхового общества; собраты его завели по городам привилегированные аптеки; в одном месте двое земских в своем округе занимаются поисками золота, а в другом тоже земские содержат варшавские магазины на имя жен своих и разыгрывают от них же лотереи по волостям» [17].

Особое возмущение частных сибирских газет вызывали повсеместные проявления самоуправства и вседозволенности низшего чиновничества в крае, служившие основанием для возникновения паремии «Сибирь — страна административного произвола». «Кажется, и без того уже закон дает достаточно мер и средств ко взысканию податей и недоимок: для этого есть и круговая порука, и права общества отдавать неплательщиков на заработки, продавать их имущество — чего же больше? Но вот окружной администратор, сидя в кабинете, как говорится, не спросясь, не помоясь, решит, что пугнуть военной командой при сборе недоимок — очень полезная штука, и, не задумываясь, приводит ее в исполнение. Ему и в голову не приходит, что подобные нововведения вовсе не по плечу какому-нибудь исправнику», — сокрушался «передовик» «Сибирской газеты» С.А. Чудновский [18]. Весьма красноречиво описывала «подвиги» сибирских «слуг народа» газета «Сибирь»: «Много было говорено о самовластии сибирских писарей... Не удивительно ли, в самом деле, что какой-нибудь ссыльный, много-много мещанин, делает в волости все, что ни захочет, вертит делами нескольких селений и держит в своих цепких руках десятки тысяч населения? Он произвольно распоряжается подводами, налагает дани и подати даже на нищих, садит, кого хочет, в тюрьмы, разъезжает со своими помощниками по гостям и требует угощения, раздает направо и налево затрешины... и так без числа» [19].

Детально раскрывая изъяны сибирского чиновничьего аппарата, независимые региональные газеты 1870 — 1880-х гг. стремились разобраться в порождающих их причинах. Одной из таких причин называлась неэффективность сформированной имперским центром структуры власти в Сибири, включавшей генерал-губернаторов, советы управлений, губернаторов, губернские советы и правления, полицейские управления во главе с полицмейстерами и исправниками, массу всевозможных заседателей, стряпчих, палат, гражданских чинов всех наименований и пр. Непомерная раздутость сибирской администрации вызывала серьезную путаницу в осуществлении

правительственной деятельности, среди которой было «трудно, если не невозможно, найти самому благонамеренному представителю власти» [20].

Другой причиной объявлялся дефицит «коренных сибиряков» в среде местного чиновничества, связывавшийся, во-первых, с практически полным отсутствием в Сибири образованных людей, которым можно было бы поручить административные должности; а во-вторых, с целенаправленной политикой имперской власти, отдававшей предпочтение «несибирякам» по происхождению в деле привлечения управленцев в край. В частности, Н.М. Ядринцев в «известиях» газеты «Сибирь» писал, что в вопросе поступления на службу в Западную Сибирь «до сих пор ... сибиряки пользовались меньшими преимуществами, чем все другие. Многие поэтому остались в России, хотя они могли бы быть особенно пригодны и полезны в своем месте» [21]. «Если ни обыватель, ни начальство от выписанных цивилизаторов не получают ничего такого, чего они не могли бы получить от исполнителей доморожденных, то зачем же огород городить? — тем более, что туземный исполнитель всегда имеет перед привозным преимущество «дешевизны»?» — высказывал свое недоумение по этому поводу фельетонист «Сибирской газеты» Ф.В. Волховский [22].

В результате сибирские административные кадры комплектовались приезжими из европейской России, никогда ранее не слышавшими о Сибири, не знакомыми с ее нуждами и интересами, для которых край этот был «не более, как станцией в дороге жизни», «ступенью в чиновничьей лестнице» [23]. «Бракованные сибирские чиновники, — заявлял анонимный корреспондент газеты «Сибирь», — во всяком начинании первым делом норовят наблюдать свой интерес, потому связи с народом у них никакой не существует, сердце у них ни над чем не болит и ничем не надрывается, так как все они с Камы да с Волги, приехали в Сибирь нажить и выслужиться. Это так заведено с давних пор» [24]. Полицейские же канцелярии и волостные правления, как правило, наполнялись поселенцами, создававшими там, по замечанию сибирских публицистов, «невозможную нравственную атмосферу» [25], торговавшими правосудием и совершавшими «наглый грабеж под видом самоуправления» [26].

Важнейшей причиной совершения сибирскими чиновниками многообразных злоупотреблений неофициальные сибирские газеты 70—80-х гг. XIX века считали также отсутствие контроля над их деятельностью со стороны общественности, невозможность противостоять администрации за неимением хоть сколько-нибудь не зависящих от нее общественных сил в крае в виде земства, гласного суда или влиятельных общественных деятелей. «В распоряжении сибирского обывателя слишком мало средств для ограждения себя от злоупотреблений. Слабой гарантией можно признать пока местную печать, но последняя... по-прежнему остается на общем положении провинциальной цензурной печати», — откровенно признавал на страницах «Сибирской газеты» С.Л. Чудновский [27].

Какие же меры предлагались независимой региональной периодикой для решения наболевшего «административного вопроса» в Сибири? Прежде всего, сибирские публицисты были твердо убеждены в бесплодности единичных мероприятий, затрагивающих исключительно административную сферу. В частности, не вполне эффективным средством представлялся более осмотрительный подход к отбору сибирских администраторов, хотя признавалась

насущная необходимость посылать из европейской России в регион умных, здравомыслящих, энергичных деятелей [28].

Главными мерами для оздоровления местного чиновничьего аппарата неофициальные сибирские газеты считали отмену ссылки в Сибирь, которая должна была содействовать устранению «разъедающего нравственность поселенческого элемента» из сибирской чиновничьей среды, а также распространение на Сибирь либеральных (в первую очередь, земской и судебной) реформ: «Юрисдикция мирового суда, институт присяжных и земство много могут содействовать укоренению в обществе законности, сознания личных прав, поднятию уровня общественной совести» [29]. Самое же значительное место в деле устранения несовершенств сибирской административной машины отводилось сибирскими публицистами развитию гласности, просвещения и общественного мнения в крае, местных интеллигентных сил для привлечения их к административной деятельности [30].

Таким образом, рассматривая недостатки региональной администрации, частная сибирская периодика 1870—1880-х гг. транслировала представление о Сибири как о «крае вопиющих злоупотреблений», «стране административного произвола». Эти паремии выступали своеобразными самоидентификационными символами Сибири, являясь немаловажной частью мифологемы «Сибирь — забытая, отсталая страна». Они активно использовались сибирскими публицистами для обоснования необходимости проведения в регионе того комплекса либеральных преобразований, который бы уравнивал Сибирь в статусе с губерниями европейской России, о чем прямо свидетельствуют высказывания самих представителей региональной прессы: «Да не подумает читатель, что в обличениях мы видим панацею от всех зол и бедствий, целебное средство против «несовершенств нашей жизни», нет, нам известно, что благодаря обличениям иногда меняются только обличаемые лица, вместо Петрова общественным захребетником делается Иванов и пока только. Но дальше, мы уверены, что масса собранных местной печатью фактов о злоупотреблениях..., тормозящих правильное развитие общественной жизни, послужит наглядным доказательством необходимости для Сибири коренных реформ» [31].

Библиографический список

1. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности / Л.В. Смирнягин // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 конвента РАМИТ: [в 10 т.] ; под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. — М. : МГИМО-Ун-т, 2007. — Т. 2 : Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий ; под ред. И.М. Бусыгиной. — С. 87.
2. Нойманн И. Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Извр Б. Нойманн; [пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова]. — М. : Новое изд-во, 2004. — С. 14—15.
3. Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования / Н. В. Сверкунова. — СПб. : НИИ Химии СПбГУ, 2002. — С. 28.
4. Вопросы дня // Сибирь. — 1875. — № 1. — С. 1; Картины сибирской жизни // Сибирь. — 1875. — № 19. — С. 7.
5. К вопросам дня «Сибири» // Сибирь. — 1875. — № 22. — С. 1; Накануне реформ // Сибирь. — 1875. — № 23. — С. 1; Сибирские реформы и восточный вопрос // Сибирь. — 1877. — № 4. — С. 1; Пятьдесят лет назад: [Библиографическая заметка] // Сибирь. — 1877. — № 12. — С. 5; За год // Сибирь. — 1881. № 1. — С. 1—2; К родине // Сибирская газета. — 1883. — № 1. — С. 24; К сестре // Сибирская газета. —

1884. — № 20. — С. 522; Из сибирских и столичных газет // Сибирская газета. — 1884. — № 38. — С. 940; Жалкие потомки славных предков // Сибирская газета. — 1885. — № 4. — С. 91 и т.д.

6. К вопросу о сибирском университете // Сибирь. — 1875. — № 16. — С. 1; От редакции: [Комментарии к телеграммам] // Сибирь. — 1881. — № 8. — С. 1; Сибиряки — студенты // Сибирь. — 1881. — № 39. — С. 1; Накануне юбилея // Сибирь. — 1882. — № 49. — С. 1; Корреспонденция из Благовещенска // Сибирь. — 1883. — № 35. — С. 5; Сибирская хроника // Сибирь. — 1884. — № 46. — С. 3 и т.д.

7. «Голос» о Западной Сибири // Сибирь. — 1875. № 8. — С. 1; Иногородние известия из Красноярск // Сибирь. — 1876. — № 36. — С. 3; Опыт сибирского родиноведения // Сибирь. — 1881. — № 8. — С. 4; Во мраке канцелярии // Сибирь. — 1885. — № 30. — С. 2; Сибирское обозрение // Сибирская газета. — 1881. — № 1. — С. 12; Омские итоги: [Письмо в редакцию] // Сибирская газета. — 1888. — № 20. — С. 8 и т.д.

8. Корреспонденция из Минусинска // Сибирская газета. — 1888. — № 22. — С. 8.

9. Мачтет Г.А. Из области журналистики: [Фельетон] // Сибирская газета. — 1888. — № 37. — С. 7.

10. Загоскин М.Н. Сибирские крестьяне // Сибирь. — 1881. — № 2. — С. 1.

11. Одна из задач провинциальной прессы // Сибирь. — 1885. — № 40. — С. 3.

12. Задачи местной печати: [Несколько слов господам корреспондентам «Сибирской газеты»] // Сибирская газета. — 1883. — № 20. — С. 520–521.

13. Народники в Сибири: [Ответ на статью «Задачи местной печати» в № 20 «Сибирской газеты» за 1883 г.] // Сибирь. — 1883. — № 31. — С. 10.

14. Передовая // Сибирская газета. — 1883. — № 20. — С. 510.

15. Томский Н. Не столь отдаленные места. Гл. XVII: Неприятная экскурсия // Сибирская газета. — 1888. — № 21. — С. 3.

16. Корреспонденция из Красноярск // Сибирь. — 1879. — № 42. — С. 3.

17. Сибирская хроника // Сибирь. — 1879. — № 11. — С. 3.

18. Передовая // Сибирская газета. — 1885. — № 3. — С. 60.

19. Волостной писарь // Сибирь. — 1883. — № 42. — С. 2.

20. Ближайшие нужды Сибири // Сибирская газета. — 1881. — № 4. — С. 103.

21. Иногородние известия из Санкт-Петербурга // Сибирь. — 1876. — № 23. — С. 2.

22. Волховский Ф.В. «Дешевка»: [Фельетон] // Сибирская газета. — 1888. — № 34. — С. 5.

23. Катанаев Г.Е. К вопросу о сибирском университете // Сибирь. — 1875. — № 24. — С. 1.

24. Налогимест: [Страницы истории] // Сибирь. — 1879. — № 33. — С. 4.

25. В. Лесевич о Сибири: [Библиографическая заметка] // Сибирь. — 1887. — № 18. — С. 10.

26. Наше настоящее и наше ближайшее будущее // Сибирь. — 1886. — № 42. — С. 3.

27. Передовая // Сибирская газета. — 1885. — № 43. — С. 1143.

28. Попов И.И. Корреспонденция из Петропавловска (Камчатка) // Сибирь. — 1879. — № 1. — С. 4.

29. Необходимость исследования обычного права в Сибири // Сибирь. — 1883. — № 49. — С. 2.

30. «Голос» о Западной Сибири // Сибирь. — 1875. — № 8. — С. 1; Добрые намерения // Сибирь. — 1884. — № 37. — С. 2; Одна из задач провинциальной прессы // Сибирь. — 1885. — № 40. — С. 3; Обязательные расходы наших городов // Сибирская газета. — 1888. — № 34. — С. 4 и т.д.

31. Волховский Ф.В. Сибирский музей: [Новогодний фельетон] // Сибирская газета. — 1885. № 1. — С. 23–24.

ЯРЕМЕНКО Мария Евгеньевна, аспирантка кафедры отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.05.2008 г.

© Яременко М.Е.

Книжная полка

Отечественная история новейшего времени, 1985-2005 гг. [Текст] : учеб. для вузов по специальности 030402 «Историко-архивоведение и направлению 030400 «История» / А. Б. Безбородов [и др.] ; под ред. А. Б. Безбородова ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М. : Изд-во РГГУ, 2007. — 803, [1] с. : табл. — Библиогр.: с. 722-724. — ISBN 5-7281-0573-4.

В данном учебнике прослеживается история последних лет существования Советского Союза и начало истории современной России. Анализ событий охватывает период предпосылок реформ М. С. Горбачева и их реализации в 1985-1991 гг., что позволяет глубже и детальнее осмыслить историю реформирования российского государства в 1990-2000 годы. Попытки советского руководства осуществить перестройку государства и общества в рамках социалистической системы рассматриваются как ответ на вызовы времени, глобализацию мировых процессов, а становление новой российской государственности — как сложный путь вхождения в мировое пространство, обусловленный внутренними и внешними факторами. Учебник создан на основе новейших исследований, документальных публикаций и мемуаров, что позволило ее авторам поставить новые темы, которые ранее не освещались или мало освещались в учебной литературе, многоаспектно интерпретировать события недавней истории.

Учебник предназначен для студентов вузов исторических и политологических специальностей, а также для всех интересующихся историей России.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 90-е гг. XX в. (К постановке проблемы)

На основании проведенного нами исследования доказано, что в Иркутской области существовали широкие возможности для развития творческих способностей учащихся и педагогов, которые были реализованы в достойной мере. Стремление школьников к научно-исследовательской деятельности с каждым годом в регионе росло. В результате учебно-исследовательской деятельности повышался интерес учащихся к самостоятельному добыванию знаний, проведению практических исследований, более успешному профессиональному самоопределению и способствовало развитию познавательной, организационной, коммуникативной и исследовательской компетенции.

Любому обществу нужны одаренные люди, и задача общества состоит в том, чтобы развивать способности всех его представителей. Значительный вклад в обновление воспитания, в разрушение авторитарного педагогического стиля внесло массовое движение сторонников методики коллективного творческого воспитания. Важным шагом на пути к гуманному и свободному воспитанию стало решение коллегии Минобразования РСФСР в январе 1991 года «О демократизации воспитательной деятельности в образовательных учреждениях» [1].

В 1993 – 1996 годах Министерством образования Российской Федерации разработан и принят ряд документов, развивающих и конкретизирующих принципы обучения и воспитания, организации учебно-воспитательного процесса. В их числе решения коллегии о стратегии развития школьного воспитания, педагогического и дополнительного образования, исторического и литературного образования, художественно – эстетического воспитания, о поддержке детских объединений и организаций, социально – педагогической работе, приказы и методические письма о гражданско-правовом образовании и патриотическом воспитании и другие, реализующие национальную доктрину вариативного развивающего образования [2].

Все эти документы Минобразования России ориентировали органы управления образованием всех уровней, коллективы образовательных учреждений на сохранение и обеспечение целостности учебно-воспитательного процесса, укрепление в нем творческих начал, повышение мотивации детей к познанию и самовоспитанию. Что было отмечено и в Федеральной программе развития образования, утвержденной Правительством РФ в 1994 году [3].

Данные решения проявлялись в приобщении учащихся к научно-исследовательской, просветительской деятельности, разработке проектов, организация которых при соблюдении ряда дидактических условий позволяла включить ребят в продуктивную деятель-

ность, где нет готовых ответов. Для этого нужны талантливые педагоги, которые постоянно находились бы в обстановке творческого сотрудничества и соперничества.

Не остались в стороне от этих процессов и педагоги региона – в 90-е гг. XX в. в школьных учреждениях области проходили многочисленные мероприятия, связанные с научно-исследовательской деятельностью школьных коллективов, где были задействованы все участники (субъекты, объекты) образовательного процесса. Мероприятия проходили в форме конференций и конкурсов – областная научно-практическая конференция «Байкальское кольцо», региональная научная и инженерная выставка «Шаг в будущее», региональные интеллектуальные соревнования юных исследователей «Шаг в будущее, Юниор» историческая конференция «Декабристы в Сибири», экологическая программа «Живи, Земля», городские исторические чтения «Моя малая Родина» (г.Шелехов) [4], археологические конференции [5], конкурс исследовательских работ для старшеклассников «Человек в истории. XX в.» [6]. Проводились ежегодные туристско-краеведческие походы, слеты [7], организовывались лагеря юных этнографов и геологов [8], устраивались литературные и исторические мероприятия – праздник «Сибирской поэзии и прозы» [9], «России верные сыны» [10:277], «Ломоносовские чтения» (г.Ангарск) [11], историческая игра «Колесо истории» (г.Шелехов), проводилась «Неделя науки, техники и производства» [12].

У истоков развития школьного краеведения и туризма стояли учителя школ: Нефедьев С.Е. (с. Хомутово), Ганзбург Н.А. (Иркутск), Марков Н.К. (п. Усть-Кут), Ревякин Н.Н. (с. Хужир), Шаманский В.Ф. (г. Усолье-Сибирское), Перетолчин В.Н. (с. Урик), Титов М.П. (с. Олонки), Фетисов Н.В. (с. Каменка), Федоров А.В. (г. Братск), Хантаева М.Х. (Усть-Ордынский автономный округ), Шелковникова А.Н., Василенко А.И. (г. Зима), Алагуева Е.А. (Ольхонский район), Судакова А.К. (Усольский район), Балакшина М.И.

(Катангский район), Курилович Г.П. (г. Иркутск) и мн. другие [13].

В 1972 году станцией юных туристов был объявлен поход «Байкальское кольцо». Вместе с учеными научно-исследовательских институтов была разработана программа по разным направлениям: истории, биологии, археологии и этнографии, гидрогеологии и геоморфологии, топонимики. Вместе со взрослыми юные геологи изучали богатства земных недр Прибайкалья, юные ботаники собирали лекарственные травы, изучали их свойства, метеорологи исследовали туманы. [14:17-20].

В программу «Байкальское кольцо» были включены археологические экспедиции, фольклорные, геологические походы по следам исчезнувших деревень (не только по берегам озера, но и всего Прибайкалья, в ходе которых ребята могли работать по краеведческим темам «Малоизученные страницы Прибайкалья»). Ежегодно в рамках программы «Байкальское кольцо» проводились конференции школьного, районного, областного и общесоюзного (общероссийского) уровня, на которых школьники выступали с результатами своих поисков и исследований [15].

Победители конкурса получали поощрительные призы и право на участие в Всесоюзной конференции «Моя Родина СССР». В течение 1990-2000 гг. ребята не участвовали в конференции из-за недостатка финансирования, вызванного экономическим кризисом в государстве. На всероссийский уровень — конференция «Отечество» — ребята вновь стали выезжать только в начале XXI в. [16]. В рамках «Байкальского кольца» проводились разнообразные олимпиады и экологические слеты и конкурсы видеофильмов [17: 8-11].

Очень интересна по своему характеру и научно-социальная программа «Шаг в будущее», в которой принимали активное участие школьники, под руководством учителей. Российская научно-социальная программа для молодежи и школьников «Шаг в будущее» осуществляет свою деятельность с 1991 года под руководством Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, при активном участии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Мероприятия программы: семинары, конференции, конгрессы, выставки начались в России с 1993 года [18:4].

Иркутская область подхватила эту волну в 1994 году. В регионах: субъектах Федерации, городах, районах были созданы координационные центры программы «Шаг в будущее». Они проводили собственные мероприятия: конференции, конгрессы, симпозиумы, конкурсы, выставки, откуда лучшие научные работы направлялись на российские и международные мероприятия. Так, координационный центр программы «Шаг в будущее» по Иркутской области находился на базе Усольского политехнического лицея (г. Усолье-Сибирское).

Для более объективной оценки исследовательских работ в качестве экспертов выступали преподаватели иркутских вузов. Взаимоотношения школ и высших учебных заведений перешла на более высокую ступень развития. Программа оказывала прямую финансовую помощь в виде научных именных стипендий, грантов на выполнение исследования. С каждым годом «Шаг в будущее» приобретал все большую популярность, ведь его победители поступали без экзаменов в МГТУ им. Н.Э. Баумана, а также пользовались льготами при поступлении в региональные вузы.

С целью широкого привлечения учащихся к активному изучению природы, её защите, координации экологических действий, сбору информации, оказа-

нию помощи на местах, пропаганде экологических знаний в марте 1990 года при станции юных туристов был создан центр детского экологического движения. Было утверждено положение об областном экологическом движении «Живи, Земля!», которое стало одной из форм туристско-краеведческой работы со школьниками [19]. В рамках областного движения «Живи, Земля!» в 1991 г. проведена научно-практическая конференция. Лучшими признаны доклады «Влияние антропогенного фактора на юго-западную часть Прибайкалья» (уч. Панова Оля, shk. № 39 г. Иркутска), «Влияние предприятий города на экологию» (Шевелев Алеша, shk. № 7, Усть-Илимск) [20].

В Иркутской области не все конференции выходили на областной уровень. Так, например, в г. Шелехове с 1996 года проводились городские исторические чтения «Моя малая родина», организаторами которого являлся городской отдел образования и городской краеведческий музей им. Г.И. Шелихова. Тематика научно-исследовательских работ разнообразна. Но главное направление посвящено изучению родного края: его истории, экологии, растительному миру. Большое внимание уделялось истории Иркутского алюминиевого завода, людям города и района. Все выступления участников публиковались в информационном вестнике. Так, в 1998 г. одним из лучших были признаны: исследование краеведческого кружка школы № 11 (Шелеховский район) на тему «История школы в с. Введенщина» (1891-1940), выступление ученицы Шелеховского лицея Дроздовой Е. «История сельского хозяйства Шелеховского района в 1930-1990 гг.» и др [21].

Для старшеклассников города в конце 90-х также проводилась историческая игра «Колесо истории». Данный конкурс проходил в два этапа. На первом этапе участникам выдавался ряд вопросов викторины по определенной эпохе, и ребята вместе с учителями истории вели подготовку. Каждая школа придумывала название команды и готовила костюмы. Во второй тур попадали те команды, которые правильно отвечали на все вопросы первого тура викторины. Игра проходила в виде путешествия по определенной эпохе.

Школьники области, посещающие станции юных техников, принимали активное участие в областном смотре-конкурсе по начальному техническому моделированию (НТМ). Подобные конкурсы являются творческим отчетом учащихся, педагогических коллективов, руководителей кружков в области технического творчества. Так, в 1990 году за лучшую постановку работы по развитию технического творчества, активное участие в областном смотре-конкурсе были награждены Почетными грамотами и ценными подарками кружок НТМ СЮТ г. Шелехова, г. Слюдянки (руководитель Маршеева Т.В.), г. Саянска (руководитель Гилева З.Г.). За достижение высоких результатов в техническом творчестве непосредственные конкурсанты, занявшие призовые места, также награждались почетными грамотами и ценными призами: Трофименко Таня (г. Байкальск) за экспонат «Шкатулка», Татарникова Марина (г. Шелехов) за экспонат «Сервиз Огонек» и ряд других участников. [22].

В соответствии с письмом Министерства образования РСФСР и планом мероприятий Главного управления народного образования Иркутской области с марта 1990 года стал проводиться областной конкурс учащихся общеобразовательных школ «России верные сыны», который был связан с 165-летием восстания декабристов [23]. По результатам конкурса, проходившего в марте 1990 года, лучшими работами признаны и были рекомендованы на Все-

российский литературный праздник «России верные сыны» следующие конкурсанты: Савицкая Ольга, ученица 11 класса школы № 3 г. Черемхова с её исследованием-рефератом «Поэт-декабрист К. Рылеев», стихи собственного сочинения Игошкиной Надежды, ученицы 10 класса г. Нижнеудинска, и другие [24].

Учащиеся школ развивающего обучения области (система Эльконина-Давыдова) принимали активное участие в заочных интеллектуально-творческих играх, которые проводились в городе Иркутске [25].

Приказом ГлавУНО в соответствии с решением областного оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий в связи с памятными событиями военной истории Отечества и по делам ветеранов [26]. с 1997 во всех школах области проводились уроки мужества, создавалась система поисково-патриотического воспитания учащихся, вводились в практику отчеты по патриотическому воспитанию школ. Во всех школах практиковалось проведение конкурсов чтецов, клубов выходного дня, КВН, конкурсов «Живи и помни», «А ну-ка, мальчики», «А ну-ка, девочки», а также фестивали авторской песни, конкурсы инсценировали песни военных лет.

Для создания в педагогических коллективах обстановки творческого сотрудничества и соперничества, выявления их творческого потенциала в раскрытии воспитательных функций учебно-воспитательного учреждения проводились многочисленные мероприятия, в которых учителя принимали активное участие. К их числу относятся смотр-конкурс «Учитель года», конкурс авторских программ, конференции «Педагогические чтения», «Дуловские чтения» и др.

В целях реализации «Основных направлений развития образования области» и стимулирования творческой активности педагогических коллективов, педагогов учебно-воспитательных учреждений проводились ежегодные конкурсы авторских проектов и программ. Конкурс проходил в три тура. По его итогам участники конкурса, занявшие призовые места, получали поощрительные премии [27].

Авторские программы представляли собой разработку воспитательной системы отдельного учебно-воспитательного учреждения, группы учреждений, а также отдельных звеньев функционирования воспитательных систем. На такой конкурс в 1993 году педагогами Иркутской области для участия во II туре было представлено 49 программ из 7 городских и 4 районных отделов образования по следующим направлениям [28]:

- туризм и краеведение;
- нравственно-патриотическое воспитание;
- экология;
- маркетинг;
- общеразвивающие программы и др.

Для большинства программ были характерны новизна подходов и реализации проблем воспитания, универсальность применения психолого-педагогической практики в процессе воспитания, а также попытки внедрения в практику научных исследований в области организационного процесса.

Оргкомитет конкурса отмечал, что педагогические коллективы области, решая проблемы дополнительного образования, обновляли содержание деятельности учащихся, творчески используя эффективные формы и методы работы с учащимися во внеурочное время. Разработки основывались на принципах личностного развития творческих способностей учащихся. Авторские программы применялись в педагогической практике, способствуя формированию базовой культуры учащихся.

Для активизации творческой деятельности учителя ежегодно, начиная с 1991 года, проводился смотр-конкурс «Учитель года» [29]. Предназначение конкурса организаторы видели в формировании образа современного учителя, работающего на будущее России.

6 июня 1989 года «Учительская газета» [30]. пригласила своих читателей к разговору о конкурсе «Учитель года». За рубежом подобное состязание проводится уже без малого сорок лет. У нас идея «носились в воздухе» с начала перестройки. В частности, она прозвучала во время учредительного съезда творческого Союза учителей. В стране, где так много талантливых педагогов — и маститых, и со званиями, и никому не известных самородков, — просто необходимо чествовать «героев духа». Вывод напрашивался сам: нам необходимо педагогическое состязание, способное выявить лучших из лучших — тех, кто собственным примером доказывает необходимость и разносторонность учительской профессии.

30 декабря 1989 года увидело свет первое Положение о конкурсе «Учитель года»: конкурс проводил оргкомитет совместно с редакцией «Учительской газеты» при участии Гособразовании СССР, ЦК профсоюза работников народного образования и науки, АПН СССР, ЦК ВЛКСМ, общественных педагогических объединений [31]. В мае 1990 года на первый, заочный тур всесоюзного «Учителя года -1990» вышло 99 учителей. Письменные работы в Москву прислали около 70 человек. А в столицу приехали 19 педагогов. Вскоре жюри определило шестерку лауреатов, одним из которых стал учитель изобразительного искусства из Абакана (Красноярский край) — Виктор Анцупов.

Конкурс проводился в II тура:

I тур — городские смотры-конкурсы;

II тур — областной.

В программу областного конкурса входило шесть самостоятельных конкурсов: «Предмет преподавания», «Педагогика и психология», «Урок», «Экскурсия в творческую лабораторию», «Эрудиция», «Хобби».

По окончании смотра-конкурса все участники награждались дипломами за участие. Победители получали звания и были награждены знаками отличия, а также им была установлена персональная зарплата. Приказом Министерства образования РФ № 339 от 6 августа 1993 года было утверждено Положение о нагрудном знаке «Учитель года». Уже к концу 90-х данное положение утратило свою силу, но традиция награждать участников всероссийского финала почетным знаком осталась. Нагрудный знак «Золотой пеликан» конкурсанты получали из рук учредителей педагогического состязания [32].

Победитель II тура имел право принимать участие на Всероссийском смотре-конкурсе «Учитель-года». Получив золотой приз на смотре-конкурсе «Учитель года-99» в Иркутской области, Александр Соснин, стал финалистом всероссийского конкурса «Учитель года-99» [33]. В Иркутской области лауреаты конкурсов прошлых лет создали клуб «Байкальские пеликаны» [34].

В Иркутской области после проведения в январе 1990 года конференции для творческих работников народного образования, где приняли участие более 200 учителей общеобразовательных школ, преподавателей и мастеров ПТУ, воспитателей дошкольных учреждений, был создан областной творческий клуб работников образования «Вдохновение» [35], где учителя делились своим опытом работы, обсуждали вопросы творческого развития учащихся в учебно-воспитательном процессе, повышая тем самым свой

уровень подготовки создавая проблемные ситуации.

Таким образом, проведенные нами исследования показали, что в Иркутской области существовали широкие возможности для развития творческих способностей учащихся и педагогов, которые были реализованы в достойной мере. Многие из выше перечисленных внешкольных мероприятий имеют и сегодня свое развитие. Стремление школьников к научно-исследовательской деятельности с каждым годом в регионе росло. В результате учебно-исследовательской деятельности повышался интерес учащихся к самостоятельному добыванию знаний, проведению практических исследований, более успешному профессиональному самоопределению и способствовало развитию познавательной, организационной, коммуникативной и исследовательской компетенции.

Новизна исследования заключается в том, что впервые были проанализированы архивные материалы по изучаемому вопросу, систематизированы сведения о ходе и результативности исследовательской деятельности учителей и учащихся в последнее десятилетие XX в. Данная работа представляет интерес для педагогов, студентов и школьников, занимающихся изучением темы развития образования в Иркутской области. Статья адресована всем, кто неравнодушен к проблемам и достижениям российского образования

Библиографический список

1. Законодательство Российской Федерации. — 2006. — <http://infopravo.by.ru/fed1996/ch04/akt17782.shtm>.
2. Там же.
3. Федеральная программа развития образования // Учительская газета. — 1997. — № 14. — С.4-6.
4. Пойдем ныне по своему Отечеству (информационный вестник городского музея Г. И. Шелехова). — г. Шелехов. — 1998. — № 3; От чистого истока (информационный вестник городского музея Г.И. Шелехова) — г. Шелехов. — 2000. — № 4.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Ф.р-1929, оп.3, д.1582, л.176.
6. Радзиминович М.П. Страницы летописи (к 60-летию ЦДЮТиК) / М.П. Радзиминович. — Иркутск, 2002 г. — 357 с.
7. Радзиминович М.П. Областная экспедиция «Байкальское кольцо» // Байкальский ветер (вестник Иркутского областного Центра детско-юношеского туризма и краеведения). — Иркутск. — 1995. — № 1.
8. ГАИО Ф.р-1929, оп.3, д.1582, л.39.
9. ГАИО.Ф.р-1929, оп.3, д.1582, л.113.
10. Радзиминович М.П. Страницы летописи (к 60-летию ЦДЮТиК) / М.П. Радзиминович. — Иркутск, 2002. — 357 с.
11. Сайт Ангарского лицея № 2. — 2004. <http://www.allmath.ru/liceum/scientific1.html> -
12. ГАИО, Ф. р-1929, оп.3, д.1583, л.100.

13. Сердце отдавая детям (к 60-летию ЦДЮТиК) ; сост.-ред. Радзиминович М.П. — Иркутск, 2002.

14. Радзиминович М.П. Областная экспедиция «Байкальское кольцо» // Байкальский ветер (вестник Иркутского областного Центра детско-юношеского туризма и краеведения). — Иркутск, 1995. — № 1.

15. Радзиминович М.П. Областная экспедиция «Байкальское кольцо» // Байкальский ветер (вестник Иркутского областного Центра детско-юношеского туризма и краеведения). — Иркутск, 1995. — № 1.

16. Радзиминович М.П. Страницы летописи (к 60-летию ЦДЮТиК) / М.П. Радзиминович. — Иркутск, 2002. — 357 с.

17. Информация о центре детско-юношеского туризма и краеведения в 1994 г // Байкальских ветер (вестник Иркутского областного Центра детско-юношеского туризма и краеведения) — Иркутск. — 1995. — № 1. — С. 8-11.

18. Тарасевич Г. Шаг в будущее: построим мостки от школы к ВУЗу и от Вуза к науке // Учительская газета. — 1996. — № 17. — С. 5.

19. ГАИО, Ф.р-1929, оп.3, д.1582, л.176.

20. Радзиминович М.П. Страницы летописи (к 60-летию ЦДЮТиК) / М.П. Радзиминович — Иркутск, 2002 г. — С. 357.

21. Пойдем ныне по своему Отечеству (информационный вестник городского музея Г. И. Шелехова). — Вып. № 3. — 1998. г. Шелехов; От чистого истока (информационный вестник городского музея Г.И. Шелехова). — Вып. №4. — 2000. г. Шелехов.

22. ГАИО.Ф.р-1929, оп.3, д.1582, л.39.

23. ГАИО, Ф. р-1929, оп.3, д.1583, л.100.

24. ГАИО, Ф.р-1929, оп.3, д.1583, л.205.

25. ГАИО.Ф.р-1929, Оп. 3, д. 1835, л.52.

26. ГАИО. Ф. р-1929, оп.3, д.1835, л.18.

27. ГАИО. Ф. р-1929, Оп.3, д.1639, л.78.

28. ГАИО. Ф. р-1929, Оп.3, д.1644, л.56.

29. ГАИО. Ф. р-1929, Оп.3, д.1644, л.76.

30. Учитель года // Учительская газета. — 1989. — 6 июня. — С. 2.

31. Положение о конкурсе «Учитель года» // Учительская газета. — 1989. — 30 декабря. — С. 7.

32. Официальный сайт конкурса «Учитель года» — 2006. — <http://teacher.org.ru/content/view/3/9/>

33. Кез Э. Байкальских пеликанов пришло // Учительская газета. — 1999. — № 20. — С. 11.

34. Учитель года-99 // Учительская газета. — 1999. — № 42. — С.11.

35. ГАИО.Ф.р-1929, оп.3, д.1582, л.113.

ТОЛСТИКОВ Алексей Валерьевич, аспирант кафедры истории, философии и социальных наук Иркутского государственного лингвистического университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.03.2008 г.

© Толстиков А.В.

НАСЕЛЕНИЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

В статье предпринимается попытка выявить основные тенденции воспроизводства населения Ямало-Ненецкого округа в годы Великой Отечественной войны. Война, не подвергнув резким трансформациям возрастную структуру жителей округа, оказала деформирующее воздействие на их половой состав и, следовательно, на процессы воспроизводства в целом. Отток мужского населения приводил к вынужденному бесплодию женщин, что влекло за собой сокращение рождаемости в течение почти всех военных лет. Наряду с этим имело место и сокращение значений относительных показателей смертности.

Одним из важнейших событий XX в., затронувших все сферы жизни общества, в том числе и демографическую, является Великая Отечественная война. Несмотря на то, что воздействие последней не имело таких ярко выраженных последствий для более южных территорий Урала и Сибири, определенные перемены она повлекла и для такого отдаленного региона, как Ямало-Ненецкий автономный округ, который на протяжении почти всей войны (до августа 1944 г.) входил в состав Омской области.

Проблемы демографического развития отдельных регионов не раз назывались в историографии среди малоизученных вопросов отечественной истории [1]. Тем не менее историко-демографические аспекты развития Ямало-Ненецкого округа в первой половине XX в. в целом (в т.ч. и в годы войны) находятся на некоторой периферии исследований и практически не изучаются [2]. В силу этого в рамках настоящей статьи задачи раскрытия всего многообразия демографических процессов, протекавших в округе в военные годы, не ставится. В ней предпринимается попытка выявить некоторые основные тенденции в развитии процессов воспроизводства жителей округа в указанный период.

Непосредственное влияние на показатели воспроизводства оказывают особенности возрастной структуры населения. Имеющиеся источники не позволяют точно определить возрастные изменения всего населения региона в годы Великой Отечественной войны. По Салехарду — окружному центру, жители которого в этот период составляли в среднем 24% всего населения округа, — данные отсутствуют вообще [3]. Текущий же учет сельского населения, содержащий интересующую информацию (сельсоветская отчетность по форме «С»), был введен по распоряжению Совнаркома СССР лишь с 1 января 1943 г. [4]. Согласно этим сводкам, изменения, произошедшие за два военных года в половозрастном составе наличного сельского населения Ямало-Ненецкого округа, выглядели следующим образом (табл. 1).

За 1943 и 1944 гг. сельское население региона увеличилось на 15% (с 35937 до 42472 чел.), положительно динамике при этом показали все возрастные

группы. Что касается изменений в возрастной структуре, то, согласно данным табл. 1, основная группа в трудоспособном возрасте 25-49 лет сохранила свою долю, и в 1943, и в 1945 гг. составлявшую 28,9%. Превысившая доля осталась и у групп 14-15 лет (5,3%), и 55 лет и старше (9,2%). Сокращение удельного веса в возрастной структуре населения произошло у групп 0-7 лет (с 21,2 в 1943 до 18,9 в 1945 г.) и 16-17 лет (с 5,5 до 5,1% соответственно). В то же время увеличение удельного веса фиксируется у групп 8-13 лет (с 13,1 до 15,1%), 18-24 (с 11,8 до 11,9%), 50-54 (с 5 до 5,5%). Таким образом, кардинальной ломки возрастной структуры населения округа на протяжении 1943-1945 гг. не наблюдалось. Доля экономически активного населения в возрасте 16-54 года оставалась в этот период фактически постоянной — 51,2 и 51,4% соответственно.

Существенных изменений не обнаруживается и при сравнении данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. и сельсоветского учета на начало 1945 г. За этот шестилетний промежуток времени абсолютная численность сельских жителей округа увеличилась на 22%. Соотношение же категорий трудоспособного (16-54 года) и нетрудоспособного населения (0-15 и 55 лет и старше) оказывается по существу аналогичным — 51,5 и 48,5% в 1945 г. и 51 и 49% в 1939 г. В разрезе возрастных групп за период 1939-1945 гг. уменьшили свой удельный вес группы 0-7 (с 24,8 до 18,9%) и 25-49 (с 33,8 до 28,9%), увеличили — 8-13 (с 11,7 до 15,1%), 14-15 (с 3,3 до 5,3%), 16-17 (с 2,5 до 5,1%), 18-24 (с 11,6 до 11,9%) и 50-54 (с 3,1 до 5,5%). Точно такой же осталась доля группы 55 лет и старше (9,2%).

В отличие от возрастной структуры населения округа, которая в годы войны не подверглась резким трансформациям, его половой состав в связи с мобилизациями мужчин в РККА испытал на себе серьезное деформирующее воздействие последней (табл. 2). По переписи 1939 г. (см. табл. 1) соотношение полов в сельских местностях Ямало-Ненецкого округа было примерно одинаковым — 50,5 на 49,5%. К 1943 г. возникла очевидная диспропорция: доля женщин увеличилась до 55,6%, а мужчин соответственно уменьшилась до 44,4%. Данные за 1945 г. свидетельствуют о сохранении и укреплении этой тенденции —

Таблица 1

**Возрастно-половая структура сельского населения Ямало-Ненецкого округа
по данным сельсоветского учета и материалам переписи 1939 г., чел., %***

Возраст, лет	по переписи 1939 г.			01.01.1943 г.			01.01.1945 г.		
	Муж.	Жен.	О. п.	Муж.	Жен.	О. п.	Муж.	Жен.	О. п.
0-7 Абс. %%	4180 25	4029 24,6	8209 24,8	3749 23,5	3855 19,3	7604 21,2	3769 20,9	4271 17,5	8040 18,9
8-13 Абс. %%	1992 11,9	1885 11,5	3877 11,7	2344 14,7	2380 11,9	4724 13,1	2981 16,5	3426 14	6407 15,1
14-15 Абс. %%	559 3,3	523 3,2	1082 3,3	894 5,6	1019 5,1	1913 5,3	1072 5,9	1193 4,9	2265 5,3
16-17 Абс. %%	436 2,6	387 2,4	823 2,5	935 5,9	1046 5,2	1981 5,5	921 5,1	1228 5	2149 5,1
18-24 Абс. %%	1690 10,1	2147 13,1	3857 11,6	1542 9,7	2685 13,4	4227 11,8	1723 9,5	3337 13,7	5060 11,9
25-49 Абс. %%	5861 35,1	5303 32,4	11164 33,8	4207 26,4	6191 31	10398 28,9	4849 26,9	7418 30,4	12267 28,9
50-54 Абс. %%	505 3	528 3,2	1033 3,1	822 5,2	979 4,9	1801 5	1021 5,6	1331 5,4	2352 5,5
55 Абс. и старше %%	1486 8,9	1565 9,6	3051 9,2	1451 9,1	1838 9,2	3289 9,2	1712 9,5	2220 9,1	3932 9,2
Итого Абс. %%	16709 100	16367 100	33076 100	15944 100	19993 100	35937 100	18048 100	24424 100	42472 100

*Составлено и подсчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
Ф. 1562. Оп. 336. Д. 608. Л. 218, 219, 220; Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
(ГАЯНАО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 24. Л. 60; Д. 36. Л. 400.

Таблица 2

**Соотношение полов по возрастным группам в сельских местностях
Ямало-Ненецкого округа в 1939-1945 гг.***

Возрастная группа, лет	Число мужчин, приходящихся на 100 женщин в данной возрастной группе		
	по переписи 1939 г.	на 01.01.1943 г.	на 01.01.1945 г.
0-7	103,7	97,2	88,2
8-13	105,7	98,5	87
14-15	106,9	87,7	89,8
16-17	112,7	89,4	75
18-24	78,7	57,4	51,6
25-49	110,5	67,9	65,4
50-54	95,6	84	76,7
55 и старше	95	78,9	77,1
В среднем	102,1	80	73,9

*Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 1.

удельный вес мужчин понизился до 42,4%, а женщин — вырос до 57,5%.

В мужской части населения за 1943-1945 гг. во всех возрастных интервалах, за исключением групп 0-7, 16-17 и 18-24, устанавливается — пусть иногда и не-

значительный, в несколько десятых процента — рост их удельного веса. Тем не менее соотношение полов во всех группах было не в пользу мужчин. Их доля уменьшалась во всех возрастах. В среднем по региону на 100 женщин в 1943 г. приходилось 80 мужчин, а в

**Динамика общих коэффициентов рождаемости населения
Ямало-Ненецкого округа, 1940-1946 гг. %***

Наименование районов	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Шурышкарский	49,4	40,2	33,6	20,5	20,9	26,1	34,0
Приуральский	21,0	35,7	20,6	18,8	15,8	21,3	28,8
Ямальский	25,4	23,4	14,3	12,2	19,9	28,7	32,5
Надымский	42,6	46,0	36,6	32,2	24,2	25,5	29,6
Тазовский	32,6	26,5	24,4	22,5	13,8	20,3	27,1
Пуровский	30,2	33,1	34,3	38,9	30,2	38,4	31,8
Красноселькупский ¹	— —	— —	— —	— —	— —	14,5	29,0
Итого по округу без города	32,3	32,3	24,6	20,4	19,1	25,8	25,7
Салехард	45,8	45,1	34,1	19,5	20,7	24,8	35,4
ИТОГО ПО ОКРУГУ	35,3	35,2	26,7	20,2	19,4	25,6	27,9

*Составлено и подсчитано по: Государственный архив Омской области.

Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1133. Л. 19, 20, 20 об.; Д. 1137. Л. 139, 140, 140 об.; ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8а. Л. 259, 259 об.; Ф. 34. Оп. 1. Д. 17. Л. 224; Д. 24. Л. 132, 238, 238 об., 239, 239 об., 245, 245 об.; Д. 28. Л. 257, 258, 258 об., 262, 263, 263 об., 264, 264 об., 265, 265 об., 266, 266 об.; Д. 36. Л. 681, 681 об., 682, 682 об., 683, 683 об., 684; Д. 45. Л. 73, 73 об., 74, 74 об., 75, 75 об., 76, 76 об., 77, 77 об., 78, 78 об., 79. При расчетах использована средняя численность населения районов и округа за период 1940-1946 гг.

1. Создан в августе 1944 г.

Таблица 4

Дефицит рождаемости в Ямало-Ненецком округе в 1941-1945 гг., чел.*

Год	Фактически родилось	Должно было родиться	Дефицит рождений
1941	1630	1630	0
1942	1237	1630	393
1943	937	1630	693
1944	900	1630	730
1945	1186	1630	444
Итого	5890	8150	2260

*Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 3.

1945 — 73-74, тогда как по переписи 1939 г. этот показатель составил 102-103 мужчины. Важно также подчеркнуть, что подобная деформация имела место прежде всего в репродуктивных возрастах (16-49 лет). Так, по сравнению с 1939 г. соотношение количества мужчин на 100 женщин уменьшилось следующим образом. В группе 16-17 лет — к 1943 г. на 20,7%, к 1945 г. на 33,4%, равняясь теперь 75; в группе 18-24 — на 27,1 и 34,4%, составляя в 1945 г. 51,6; наконец, в группе 25-49 — на 38,6 и 40,8% соответственно, равняясь в 1945 г. 65,4. В результате к 1943 г. женщин в возрасте от 16 до 49 лет, проживавших в районах Ямало-Ненецкого округа, было в 1,5 раза больше, чем мужчин, а к 1945 г. — в 1,6 раз. В конечном же итоге все эти процессы вели к значительному ухудшению условий воспроизводства населения.

Действительно, оказав влияние на возрастную структуру населения Ямало-Ненецкого округа и подвергнув серьезной деформации его половой состав, Великая Отечественная война не могла в связи с этим не сказаться и на течении основных демографических процессов. Одним из измерителей интенсивности последних являются, как известно, общие относительные коэффициенты. Динамика общих коэффициентов рождаемости населения Ямало-Ненецкого округа с 1940 по 1946 гг. представлена в табл. 3.

Как показывает таблица, в условиях описанной выше деформации половой структуры населения округа значения общих коэффициентов рождаемости понизились. Их снижение с довоенного очень высокого и высокого уровня продолжалось в течение 1941 и 1942 гг. и привело к тому, что в 1943 и 1944 гг. интен-

Таблица 5

**Динамика общих коэффициентов смертности
населения Ямало-Ненецкого округа, 1940-1946 гг., %***

Наименование районов	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Шурышкарский	24,2	20,2	26,4	17,6	20,5	9,6	16,7
Приуральский	13,6	15,0	17,4	13,7	15,5	8,7	6,4
Ямальский	10,5	12,8	16,9	10,4	8,5	7,1	8,0
Надымский	20,0	19,0	23,4	25,2	13,0	7,5	9,9
Тазовский	10,2	8,5	11,0	18,0	6,4	4,0	7,4
Пуровский	19,8	14,9	18,6	27,3	6,6	7,0	5,0
Красноселькупский ¹	— —	— —	— —	— —	— —	8,0	17,0
Итого по округу без города	15,4	14,4	18,6	16,2	12,3	7,8	10,2
Салехард	34,4	28,8	47,0	23,9	35,6	20,0	14,9
ИТОГО ПО ОКРУГУ	19,6	17,6	24,9	17,9	17,5	10,5	11,3

* Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 3. При расчетах использована средняя численность населения районов и округа за период 1940-1946 гг.

1. Создан в августе 1944 г.

Таблица 6

**Динамика коэффициентов младенческой смертности населения
Ямало-Ненецкого округа, 1940-1946 гг.***

Показатель	Население	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.
Родилось, чел.	Сельское	1166	1166	886	736	687	931	1143
	Городское	471	464	351	201	213	255	365
	Все	1637	1630	1237	937	900	1186	1508
Умерло в воз- расте до 1 года, чел.	Сельское	179	139	170	102	66	46	70
	Городское	123	132	130	45	34	30	65
	Все	302	271	300	147	100	76	135
Коэффициент младенческой смертности, %	Сельское	— —	119,2	173,6	129,8	93,8	54,1	65,3
	Городское	— —	283,0	334,5	179,3	162,7	124,5	198,0
	Все	— —	166,0	219,3	141,8	109,6	69,7	96,4

* Составлено и подсчитано по тем же источникам, что и табл. 3.

1. Рассчитан по формуле И. Ратса.

сивность рождаемости в целом по округу оказалась уже средней, а в некоторых районах — Приуральском, Ямальском и Тазовском — даже низкой. Высокий уровень рождаемости продолжал сохраняться лишь в Пуровском районе. Наименьшая величина коэффициента рождаемости для городского населения фиксируется в 1943 г. (19,5 против 45,8% в 1940 г.), а для сельских жителей региона — в 1944 г. (19,1 против 32,3% в 1940 г.). В дальнейшем, хотя показатели и стали заметно повышаться, их довоенные значения не были достигнуты ни в городе, ни на селе в целом.

Исходя из имеющихся материалов, можно оп-
ределить и дефицит рождений в регионе, образо-

вавшийся в годы Великой Отечественной войны. В основу расчетов положена методика, разработанная в свое время Б.Ц. Урлианисом, исчислившим дефицит рождений России за период Первой мировой войны. Известный российский демограф сопоставил количество фактически родившихся с числом младенцев, которые должны были родиться, если бы не начались военные действия [5]. И хотя, отмечают современные исследователи, данная методика не учитывает всех сложностей исторического процесса, она вполне применима, поскольку в основном правильно отражает ведущие тенденции развития населения [6]. Наши расчеты представлены в табл. 4.

Расчеты свидетельствуют, что косвенные потери Великой Отечественной войны в округе составили 2260 чел. В 1941-1945 гг. в регионе могло родиться 8150 чел., а фактически появилось на свет лишь 5890 чел. Таким образом, общий ущерб вследствие падения рождаемости составил 2260 чел. Конечно, этот показатель меньше того огромного урона, который война нанесла демографическому развитию более южных территорий Сибири или Урала. Тем не менее для такого малонаселенного региона, как Ямал, эта потеря являлась достаточно ощутимой. Ее величина была сопоставима с численностью населения целого района округа, такого как Пуровский или Красноселькупский. Кроме того, необходимо сказать, что соотношение между числом фактически родившихся и числом новорожденных, которые должны были появиться на свет, если бы не началась война, в Сибири составило 1,8, на Урале в целом — 1,9 [7]. В Ямало-Ненецком же округе оно равнялось 1,4, или всего на 22% меньше, чем в Сибири, и 26% меньше, чем на Урале, то есть непреодолимой пропасти между ними не существовало.

Вторым фактором, определяющим интенсивность воспроизводства населения, являются процессы смертности. Расчеты общего коэффициента смертности приведены в табл. 5.

Данные таблицы прежде всего более выраженно указывают на различия в изменениях показателей смертности городского и сельского населения округа. Увеличение коэффициентов смертности населения в начальный период войны в городе происходило более резко, чем в сельской местности. В 1942 г. по сравнению с 1941 г. показатели смертности горожан возросли на 38,7% (с 28,8 до 47,0‰), сельских жителей — на 22,6% (с 14,4 до 18,6‰). Однако имевшее место в последующие годы снижение смертности и среди городского, и среди сельского населения происходило примерно одинаковыми темпами. К 1944 г. значение коэффициента смертности в городе против 1942 г. уменьшилось на 32%, в сельских местностях — на 33,9%. В 1945 г. это снижение составило 57,4 и 58,1% соответственно. В связи с этими обстоятельствами — более крутым, чем в селе, увеличением коэффициентов смертности в городе в начале войны и равными темпами их дальнейшего снижения — к концу войны уровни последних разошлись в 2,6 раза. В 1945 г. коэффициент смертности для городского населения равнялся 20,0%, а для сельского — 7,8%. Сближение уровней смертности в городе и на селе наблюдалось лишь с 1946 г. В целом же за годы войны относительные коэффициенты также свидетельствовали о постепенном понижении интенсивности процессов смертности с высокого и очень высокого в 1940 г. до среднего уровня в 1945-1946 гг.

Важным компонентом динамики общих коэффициентов смертности выступает детская, а особенно младенческая смертность, оказывающая значительное воздействие на особенности естественного движения населения. Неокрепший детский организм, — справедливо указывают В.В. Алексеев и В.А. Исупов, — с его пониженной сопротивляемостью влиянию внешней среды очень чутко реагировал на изменение социальной и экономической обстановки в годы войны [8].

Представленные в табл. 6 показатели младенческой смертности свидетельствуют, что, несмотря на ощутимое снижение абсолютного числа смертей в возрасте до 1 года — к 1945 г. против 1940 г. таковое составило для сельского населения 74,3%, для городского — 75,6%, а для всего — 74,8%, — коэффициенты

младенческой смертности рисуют картину более медленного уменьшения интенсивности последней. Величины этих коэффициентов для всех категорий населения достигли своих минимальных значений к 1944-1945 гг. В сравнении с 1941 г. применительно к районам округа это снижение к 1944 г. выразилось 21,3%, к 1945 г. — 54,6%. В Салехарде — 42,5 и 56%, а в целом по округу оно равнялось 34 и 58% соответственно. При этом нужно отметить, что даже после такого уменьшения, значения коэффициентов продолжали соответствовать высокому (для сельского) и чрезвычайно высокому (для городского населения) уровню младенческой смертности.

Для объяснения такого необычного для периода войны явления, которое фиксировалось и в других регионах страны, современные исследователи называют на два основных фактора, а именно: работу органов здравоохранения и резкое снижение рождаемости [9].

Что касается повышения эффективности служб здравоохранения, то этот фактор в регионе существенного влияния на снижение младенческой смертности оказать не мог. Нельзя, конечно, отрицать, что деятельность последних в военные годы заметно активизировалась. Так, в приказе наркома здравоохранения РСФСР от 6 января 1945 г. «О состоянии здравоохранения в Ямало-Ненецком национальном округе Тюменской области» констатировалось, что «за время войны медицинскими работниками ... округа проведена большая работа по медико-санитарному обслуживанию населения». За годы войны окрздравотдел значительно расширил сеть медицинских учреждений. В глубинных районах округа, в тундре были вновь открыты 2 врачебных амбулатории, 25 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, развернуто 4 детских яслей. Кроме того, «значительно улучшено медобслуживание местного национального населения и рыбаков государственного лова непосредственно на рыбных промыслах и в чумах». В то же время в качестве «существенных недочетов» работы здравотдела были отмечены неполная укомплектованность врачебных участков врачами, отсутствие инспектора по детству и родовспоможению в аппарате отдела, а также отсутствие во всех районах райпедиатров и как итог — «высокая смертность среди детского населения» [10]. Поэтому, принимая во внимание данное обстоятельство, следует согласиться с Г.Е. Корниловым и признать, что большее влияние на понижение детской смертности имел в этот период дефицит рождаемости и вытекавшая отсюда возможность лучшего ухода за детьми [11].

Итак, Великая Отечественная война, не подвергнув резким трансформациям возрастную структуру жителей Ямало-Ненецкого округа, оказала серьезное деформирующее воздействие на их половой состав. В связи с этим неизбежное влияние войны испытали на себе и процессы воспроизводства. Отток мужского населения приводил к вынужденному бесплодию женщин, что, в свою очередь, влекло за собой сокращение рождаемости, наблюдавшееся в течение почти всех военных лет. Одновременно с этим имело место сокращение значений относительных показателей смертности. Они свидетельствовали о постепенном понижении интенсивности летальности с высокого и очень высокого в 1940 г. до ее среднего уровня в 1945-1946 гг.

Библиографический список

1. См., например: Поляков Ю.А., Дробижев В.З., Шелестов Д.К. Историческая демография: проблемы изучения //

Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). — Кишинев, 1985. — С. 16-18.

2. Камынин, В.Д. Основные этапы и проблемы изучения истории Ямало-Ненецкого национального округа // Ямал в панораме российской истории. — Екатеринбург, 2004; Его же. Историография истории Ямала в годы Великой Отечественной войны // Путь на Север: вехи истории : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историческое краеведение Ямала-2006». — Салехард-Екатеринбург, 2006; и др.

3. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 8а. Л. 259.

4. См. подробнее: ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 24. Л. 40-44.

5. Урланис, Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. — М., 1963. — С. 22-23.

6. Алексеев, В.В., Исупов, В.А. Население Сибири в

годы Великой Отечественной войны. — Новосибирск, 1986. — С. 94.

7. Там же; Корнилов, Г.Е. Уральское село и война. — Екатеринбург, 1993. — С. 62.

8. Алексеев, В.В. Исупов, В.А. Указ. соч. С. 118-119.

9. Корнилов Г.Е. Указ. соч. С. 71.

10. ГАЯНАО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 38. Л. 11-12.

11. Корнилов, Г.Е. Указ. соч. С. 72.

МИХАЛЕВ Николай Анатольевич, аспирант Института истории и археологии УрО РАН отдела отечественной истории XX в.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.04.2008 г.

© Михалев Н.А.

930.9 УДК

Г. Ю. ЛАЗНОВСКАЯ

Волгоградский государственный
педагогический университет

ВСЕМИРНЫЕ ПАРИЖСКИЕ ВЫСТАВКИ 1889 И 1900 гг.: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ РОССИЙСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

В статье на основании мемуаров и писем впервые показаны противоречивые впечатления русских посетителей от Всемирных Парижских выставок 1889 и 1900 гг., которые стали самыми посещаемыми и на которых достижения русской культуры были представлены наиболее ярко. Представленный материал будет полезен для историков, культурологов, философов.

Во второй половине XIX в. прообразами современных биеннале, международных экономических форумов и фестивалей были Всемирные выставки. С момента своего первого созыва в 1851 г. Всемирные выставки торговли, промышленности и искусств стали приобретать все большие популярность и престиж — их называли «свиданиями народов» [10;3]. Благодаря зарождающемуся институту PR и профессиональной рекламе здесь можно было осуществить презентацию организации и ее продукции, упрочить конкурентные позиции в своей стране и в мире. На Всемирных выставках не только состязались, но и общались, заключали сделки, обменивались технологиями и вступали в долгосрочное сотрудничество. Молодая фабричная промышленность пореформенной России делала на мировой арене лишь первые шаги, поэтому участие страны во Всемирных выставках было исключительно важным. Интерес русских предпринимателей, специалистов, чиновников высокого ранга, журналистов и просто обывателей к «свиданиям народов» был очень высок. Каждая такая выставка сопровождалась международными конгрессами, на которых обсуждались самые разнообразные темы.

Для государств-партнеров того времени участие национальной промышленности во Всемирных выставках становилось важным средством решения и внешнеполитических проблем. Однако главным было то, что сотни тысяч посетителей могли познакомиться с образом жизни, достижениями разных стран и народов, в частности, России, которая по-прежнему оставалась для многих стран экзотической. Тысячи туристов, специалистов, путешественников и просто любопытных привлекали результаты научной, промышленной деятельности: машины, изделия редких ремесел, колониальные товары, а также атмосфера интернационального праздника: «<...> На улицах особенно оживленно», — писал посетитель Выставки 1889 г. художник М. В. Нестеров, — каких народов не увидишь здесь: и арабы в своих костюмах, и негры, мулаты, индейцы».

Крымская война сделала невозможным участие России в первой Парижской Всемирной выставке 1855 г. О. фон Бисмарк писал, что в самый ее разгар — 15 августа 1855 г. (день рождения Наполеона I) — по улицам Парижа проводили русских пленных [3;216]. Однако впоследствии Россия участвовала во Все-

мирных выставках в Париже в 1867, 1878, 1889 и 1900 годах. Особого внимания заслуживают Всемирные выставки 1889 и 1900 гг., на которых наша страна была представлена наиболее ярко.

Если Всемирная выставка 1867 г. была, по словам Н.М. Шапова, символом «торжествовавшей, но не прочной империи», то выставка 1889 г. — «торжествовавшей и оказавшейся прочной республики» [15; 46]. В первый же день ее посетили около 500 тысяч человек. Приуроченность выставки к юбилею Великой французской революции, а также внутрироссийские события (борьба царского правительства с революционерами) обусловили отказ российского правительства официально участвовать в ее работе. Поэтому экспозиция России была в основном составлена усилиями и на средства заинтересованных предприятий, учреждений и частных лиц. Все, что было связано с Россией, пользовалось огромной популярностью и к русским здесь относились с огромной симпатией: «<...> Русских здесь чествуют. Недавно был на выставке Пастера и Шарко (кажется), — писал художник М. В. Нестеров, — их приветствовали, в это время увидели русского студента, сейчас же его подхватили, начали качать и возгласы — «Да здравствует Россия и да здравствует Франция!» — огласили Выставку, и часто подобные истории можно здесь встретить» [9; 56]. Одним из наиболее посещаемых и производивших впечатление павильонов был «Дворец машин» («какой-то ад», по выражению М. В. Нестерова), где демонстрировались новые образцы техники.

Приезжих русских художников, например М. В. Нестерова, в первую очередь интересовал французский отдел живописи: «<...> ... семнадцать зал. Тут все лучшие вещи Франции, много из них получили всемирную славу. Все это сперва ошеломляет, блеск удивляет, смелость необыкновенная, ходишь как в чаду, ноги подкашиваются от усталости, а впереди все новое и новое...<...> Но все это хорошо, прекрасно, оригинально, но не гениально, а между французами есть и гении, которые перевернули все... Не ушла от них ни одна нация, начиная от нас, многогрешных, кончая американцами. Первый и величайший из современных французов, по-моему, есть Бастьен-Лепаж. Каждая его вещь — это событие, это целый том мудрости, добра и поэзии» [9; 54].

Что касается экспозиции российского отдела изобразительных искусств, то, по мнению М. В. Нестерова, она была не самой удачной: «Вот русский отдел позорный» — писал он родным [9; 55]. Однако многие произведения пользовались вниманием, например картины К.Е. Маковского, получившего здесь золотую медаль.

Гвоздём Выставки стала Эйфелева башня, воздвигнутая на Марсовом поле металлическая ярко-красная трехъярусная конструкция высотой 305 м. — «сказка Жюль Верна» [5; 79]. Она, возвышаясь над Выставкой, как «великан над малыми ребятами», шокировала как французов, так и иностранцев: «Вечером пошли в Notre Dame de Paris, по дороге еще видали Эйфелеву башню. Она, как столб на небе, снизу покрыта туманом, лишь верхушка ее видна ясно электрическим фонарем...». Поражала ее иллюминация, как, впрочем, и всей Выставки: «<...> особенно грандиозный вид на Трокадеро. Он был залит огнем, башня Эйфеля была вся красная, как раскаленное желе. Фонтаны были пущены и били разноцветной водой: то зеленой, то лиловой, то красной, а то радужной — красиво и величественно» [5; 79]. На башню мог взобраться любой желающий, предлагались также и другие не менее экстремальные услуги: «<...> еще не

решил, — писал В. М. Васнецов, — может быть, предпочту подняться (за ту же цену 5 франков) на шаре, будешь на несколько аршин выше башни, да и диплом дадут, что летал, мол, собственной своей особой на 400 метров от земли» [5; 79]. К услугам проголодавшихся посетителей была так называемая «Русская изба XV века», где торговал некий Дмитрий Филимонович — уфимский купец: «<...> Снаружи лежит черный хлеб, самовары, внутри обтянуто кумачом, и на полках русская деревянная посуда, и на столе большой самовар. <...> К избе подходят группы любопытных и смотрят, как на жилище дикарей, улыбаются и отходят дальше» [5; 79]. В «Русской избе» можно было попробовать традиционные русские блюда: щи, кашу, чай. Так, М. В. Нестеров на удивление француженок, выпил пять стаканов чаю и ушел «как ни в чем не бывало...» [5; 79].

На выставке 1889 г. Франция, что называется, подавила все другие страны, выставив, по сравнению с ними, гораздо больше качественных товаров. Однако и в русском отделе было чем похвастаться «<...> хороши ситцы Баранова и Морозова, шёлк и парча Сапожникова, серебро Хлебникова и Овчинникова. Из технических новостей испробовали телефон — на выставку передавали оперу с расстояния 5 километров. Новостью был и крематорий» [15; 46]. На выставке восхищались «шелком, бархатом, мебелью, бронзой, фарфором, искусственными цветами, бархатными платьями («ума помрачение»), наконец, машинным отделением, где все машины работали, а публика смотрела на них с медленно двигавшегося под крышей моста; светящимися фонтанами («как они красивы и рассказать нельзя <...>») [15; 46]. Русские радовались калейдоскопу впечатлений, ради которого, собственно, и приезжали: «<...> чего только не увидишь — и пляску альмеев из Алжира, и китайский театр в аннамском отделе, и скачку каирских оборванных мальчишек на белых осликах. Пробовали мы и кофе восточного приготовления и еще всякой всячины можно тут наглядеться» [12; 437].

Парижская Всемирная выставка 1900 г. подвела итоги завершавшегося столетия, превзойдя по затратам и великолепию все предыдущие Выставки. Внешне она выглядела «неказистой», «огромной» и «раскинувшейся на много верст». Архитектурой напоминала «сад Немецки» — театр в Петербурге, основанный актрисой В. А. Линской-Немецки [9; 185]. Для привлечения публики и прибыльности на территории Выставки были устроены многочисленные места увеселений и развлечений, например, колесо обозрения диаметром 93 м, большой телескоп, гигантский глобус и многое другое. Открывшийся в июле 1900 г. парижский метрополитен стал одним из своеобразных и любопытных экспонатов для французских и иностранных посетителей.

Россия, как основной торговый, культурный и военно-политический партнер Франции, приняла самое активное и заметное участие в этом грандиозном мероприятии. Впервые Россия имела здесь свои отдельные национальные павильоны. Главный из них находился на склоне холма в парке Трокадеро, на который французская публика «жадно накинута <...> частью потому, что больше почти еще нечего было смотреть на выставке, частью из чувства того «alliance'a», которым теперь пропитано малейшее соприкосновение французского с русским» [7; 156]. Рядом располагался «Кустарный павильон», в котором экспонировалось декоративно-прикладное искусство, произведения традиционных и современных народных промыслов. После прекращения работы Выставки

во французской печати высказывалось сожаление о том, что исчезли жители этой «деревеньки» — русские рабочие, которые ее строили: «Французы дивовались на их меховые шапки картузы с кожаными козырьками, на растрепанные бороды, на остриженные в скобку волосы, на детски добродушные глаза и ласковые улыбки. Наши рабочие особенно удивляли французских товарищей артистическим умением владеть топором и с помощью его выделывать из дерева такие вещи, для которых француз употребляет целый набор разнообразных инструментов» [7;159]. Любопытное сообщение, также относящееся к постройке кустарного павильона, сделал в Обществе архитекторов А. А. Стаборовский, производитель работ в русском отделе Всемирной выставки. Он рассказал о том, что первая партия русских плотников, прибывшая на постройку отдела, произвела в Париже настоящую сенсацию. Во-первых, русские рабочие, благодаря красным рубашкам и смазным сапогам представлялись французам редкой диковинкой: «Мальчишки гурьбой бегали за ними, забегали вперед, кричали им «vive la Russie!», дарили табак, папиросы и для чтения газеты, которые наши мужички употребляли на цыгарки. Взрослые также выказывали свое расположение к ним, угощали их коньяком, которые наши рабочие пили пивными бакалами и повергали в изумление собиравшуюся вокруг компанию. Прекрасная половина рода человеческого тоже не осталась равнодушной к *ces petits Russes*. В комиссариат стали приходить за сведениями о материальном благосостоянии некоторых рабочих; одного молодого парня не женили только потому, что он оказался уже женат» [11;4]. Во-вторых, сами методы работы и обустройство русского быта казались французам по меньшей мере странными и удивительными. Так, например, французы страшно боялись пожара, в связи с чем на выставке применяли самые строгие противопожарные меры: «<...> больших трудов стоило получить разрешение на устройство русской печи и кухни для рабочих. Русская печь приводила французов в ужас, и они предлагали устроить газовые очаги» [11;4]. Кроме того, для ускорения работ, несмотря на наличие 125 русских плотников, все-таки пришлось взять и французов: «Плотники французские были не совсем удобны: топоров у них нет, тесать не умеют. Русские рабочие своим природным умом и сметкой, а также выносливостью и умением приспособиться ко всевозможным обстоятельствам вызвали среди французов большое удивление. Своими почти первобытными инструментами наши рабочие достигали подчас тех же результатов, что и французы. Плотники французские много дивились ловкости топора наших рабочих и стали покупать запасные топоры у них, а так как наши плотники неохотно расставались со своим единственным инструментом, то французы, не задумываясь, крали наши топоры, так как в Париже их не по чем не достать. Надо отметить, что французов, когда они сталкивались с простыми русскими людьми, всегда во все времена восхищали такие их качества, как услужливость, мастерство и проворство: массу инструментов им подчас заменял один топор, которым они творили чудеса [1;276]. Впрочем, это не мешало французам сознавать свое превосходство над русскими рабочими. И действительно, благодаря своей школьной подготовке, они далеко ушли вперед. «<...> Далеко не все наши десятники понимали так чертеж, как французские простые рабочие. Самые сложные конструкции и рисунки исполняются ими чрезвычайно просто и аккуратно. Несмотря на наши работы, они никак не могли себе уяснить наш сруб, скобы, леса и пр. и старались предлагать свои спо-

собы. Все деревянные здания и башни возводились у себя французскими плотниками без лесов, а при помощи сборных лестниц, и привычка так работать развивала в них способности акробатов, так что сами наши рабочие называли их «отчаянными» [11;4]. В общем, работы на Выставке показали, что талантливым и смекалистым русским рабочим не хватает лишь элементарной школьной подготовки, технического образования, о чем на каждом шагу сожалели российские инженеры: «Наш рабочий — талантливый самоучка, что и видно из того, что все было сделано не хуже профессионалов французов, исключительно лишь благодаря его способности» [11;4].

На выставке был сооружен и Военный павильон. Но в целом место, предоставленное русским, было, по словам княгини М. К. Тенишевой, «крайне невыгодное <...>, потому русский отдел на выставке не вышел таким эффектным, как он мог бы быть. <...> Однако, несмотря на неудачное место, все же некоторые русские отделы были очень интересны» [13;171].

Всемирная выставка 1900 г. стала самой посещаемой за всю их предыдущую историю — свыше 48 млн человек. Художник И. С. Остроухов писал В. Д. Поленову в сентябре 1900 г.: «<...> я с утра до ночи жил на выставке, которая в тысячу раз интереснее и серьезнее обеих мною виденных 1878 и 1889 годов. Эту выставку действительно стоит посмотреть [12;640].

Не у всех размах широкомасштабного действия вызывал восторг, так как эти «места паломничества к товарному фетишу» с их «жизненным нервом — фетишизмом» возводили «товарную вселенную» [2]., в которой иногда не хватало места самим парижанам: «Парижанин чувствует себя как бы уничиженным, он задущен, задавлен экзотическим элементом, развившемся под рамами дворца промышленности <...> Присутствие 500000 иностранцев в Париже, прежде всего, проявляется усилием толкотни на главных пунктах столицы и совершенной невозможностью достать наемный экипаж» — читали в России о Выставке 1855 г. [8;68]. По наблюдениям русских ту же картину можно было наблюдать и десятилетия спустя, только еще в больших масштабах: «Этот тип международных сношений, — писал П. Боборыкин, — наложил на него (Париж) печать не к выгоде того, что представлял собою главную привлекательность парижской уличной жизни. Выставки развили погоню за курьезной новизной, наводнили Париж всякого рода приезжим народом, который идет только на приманку рекламы и курьеза». [4;38]. Первое впечатление художницы Е. Д. Поленовой от Выставки 1889 г. было также неприятное, как от «огромной, дешевой и неталантливой рекламы. Много лубочного, — писала она, — а тонкого очень мало» [12;438]. Это потом, уже при более внимательном изучении она нашла здесь массу интересных вещей. Главным недостатком Выставки, по мнению художницы, стало то, что она «слишком велика, и хорошая вещь затеряна в огромном количестве вещей неважных, посредственных и часто даже плохих». » [12;437]. «Жить в Париже хорошо, — писала она Е. Г. Мамоновой, — но не тогда, когда выставка, а то ужасно утомительно. <...> Духом я чувствую себя опять очень подвинченной, чего не было первое время по приезде сюда» [12;439].

Достижения человечества у некоторых представителей русской интеллигенции вызывали подчас смешанные чувства восторга и ужаса, так как представить себе еще более совершенное развитие науки и техники было почти невозможно. Небывалый прогресс, пронзающий стрелой исход XIX в., непре-

менно должен был упереться, по мнению отечественных наблюдателей, в какой-то тупик и привести к деградации. Из Парижа образца 1889 г., в котором можно «решительно все забыть, и отца, и мать, и род, и племя», В. Васнецов писал: «А выставка? Это, я думаю, нечто ужасное по своей бесконечности, по необозримому скоплению богатства, труда, культуры (!), гения, таланта. Я представляю непременно, что это должно ужасать, ибо куда же идти? Что же еще остается доделывать? А между тем люди пойдут еще и еще дальше. Господи! Да это уже совсем страшно! Непременно, должно быть, будут людей есть!» [5;79]. Религиозному философу Н. Федорову Выставка в Париже 1889 г. и французская выставка в Москве («и это в такой год, как голодный 1891-й год») представлялись почти одушевленными монстрами: «Ожидать же, чтобы слепая сила, отданная в управление этому сознательному существу и им не управляемая, стала бы сама производить только благо, давать одни хорошие урожаи, — это верх ребячества <...>. Как не сказать, что Господь, видимо, прогневался на наше продолжительное несовершенство!» [14;12]. Он полагал, что промышленность и торговля — «вся эта мелочь, которую так гордится современный человек, которую он собирает со всех концов земли под неподходящим названием «Всемирных (выставок)» и которая держит под гнетом человеческую мысль и деятельность, самые даже физические кабинеты и лаборатории — все это лишь «детские» науки [14;448].

В октябре 1900 г. 18-летняя Маргарита Сабашникова, в будущем известная художница, поэтесса, писательница и жена поэта М. Волошина, отправилась в Париж: «Лицо любимого города <...>, — вспоминает она, — было искажено этим чудовищем — так я воспринимала Выставку. <...> я чувствовала себя затерянной в этой сутолоке. Освещенные бенгальскими огнями водопады Трокадеро, также освещенные бенгальскими огнями коловращение юбок Луизы Фуллер, ложноэкзотические танцы знаменитой красавицы Клео де Мерод, а особенно ослепительная публика оставляли в моей душе только чувство пустоты и уныния. Среди всевозможных машин и зрелищ все время преследовали меня вопросы о смысле всей этой культуры и о смысле жизни вообще» [6;94-95]. На Выставке — квинтэссенции материально-технического прогресса, натурализм которой так ранил тонкую юную душу, Сабашникову по-настоящему восхитил только японский театр со знаменитой актрисой Садакко, первой женщиной на японской сцене: «Это искусство, — думала я, — проистекает из древней культуры, почему же нам, в наше время, такое искусство недоступно? Древние культуры в художественном отношении были, значит, выше нашей!» [6;95]. О «нервной сутолоке Парижа», усталости от гипербуляющей жизни в «столице мира» пишет меценатка и собирательница коллекций русской старины, супруга Генерального комиссара Русского отдела — М. К. Тенишева, сыгравшая одну из ведущих ролей в организации успеха России на международном представительстве. Сама Выставка оставила в ее памяти мало приятных впечатлений: «<...> Я считаю ее вполне неудавшейся. В ней не было ничего оригинального, нового, и, изучая и осматривая ее, я ничего, кроме утомления, не выносила. Начиная с ее расположения и все той же Эйфелевой башни, уже до выставки намозолившей глаза, кончая полным упадком творчества, обнаруженным французской нацией, — все вместе было неприятно. Бедные французы никак не могли вырваться из стиля Людовика XVI, и все наскоро возведенные постройки носили на

себе отпечаток падения вкуса и свидетельствовали о скудости художественных задач. Противно было видеть этот бесконечный ряд строений, огромных выставочных сараев, с гипсовыми лепными украшениями. Глядя на них, я думала что, если Франция не сделает усилия и не сорвет этих оков двухсотлетнего копирования, несомненно, великого прошлого, она умрет для искусства, и возродиться будет уже не так легко. Даже прикладное искусство (l'art appliqué) и отрасль его, прежде составлявшая славу Франции — «l'art précieux», стоят теперь там очень низко» [13;171-172]. В. Васнецов писал брату в сентябре 1900 г.: «Полученные тобою впечатления от выставки не очень поощряют ехать туда. Устанешь, а существенного ничего не увезешь в душе. Зачем же нас надували, что место для наших картин прекрасно!» [5;176]. Убеденным противником Всемирных выставок выступал и французский политический журналист — А. Леруа-Болье. Они, по его словам, по своим неимоверно растущим размерам и затратам становятся все более и более невозможными и бесполезными, превращаясь в какие-то базары, на которых посетитель ищет только развлечений. Он мечтал о том, чтобы Выставка 1900 г. стала последней [7;166].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, парижские выставки выглядели «парадами национальных тщеславий», на которых не всегда уютно и комфортно ощущали себя как парижане, так и русские. Но, с другой, на протяжении своей истории выставки являлись местом широких и разносторонних познавательных, деловых и творческих контактов, ареной взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур. Успех на Всемирных выставках имел не только экономическое, политическое, но и важное человеческое измерение. Российские промышленники, журналисты и другие представители русской культуры были приняты на них с воодушевлением, постепенно разрушались стереотипы взаимовосприятия русского и французского народов.

Библиографический список

1. Ancelot, J.-A. Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826, à l' époque du Couronnement de S. M. Empereur. 2-me éd. /Ancelot J.-A. — Paris, 1827. — 48 p.
2. Беньямин, В. Париж, столица девятнадцатого столетия. /Беньямин В. // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости; под. ред. Ю. А. Здороваго. — М.: Медиум, 1996. — С. 48-60.
3. Бисмарк Отто фон. Воспоминания, мемуары. — Том 1. /О. Бисмарк. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 592 с.
4. Боборыкин, П. Столицы мира. Тридцать лет воспоминаний. /Боборыкин П. — М., Сфинкс, 1911. — 516 с.
5. Васнецов, В. М. Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников / В. М. Васнецов; сост., вступ. ст. и примеч. Н. А. Ярославцевой. — М.: Искусство, 1987. — 496 с.
6. Волошина, М. (Сабашникова, М. В.) Зеленая змея. История моей жизни / М. Волошина; перевод с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступ. ст. С. О. Прокофьева. — М.: Энигма, 1993. — 413 с.
7. Всемирная Парижская выставка 1900 г. в иллюстрациях и описаниях; сост. М. А. Орлов; иллюстрированное приложение к «Вестнику иностранной литературы» 1900 г. — СПб., 1900. — 165 с.
8. Иностранные известия // Современник. 1855. — Т. 53. — С.68-69
9. Нестеров, М. В. Письма. Избранное / М. В. Нестеров // — Л.: Искусство, 1988. — 536 с.
10. Ронин, В. К. Россия на всемирных выставках 1885

и 1894 годов / В. К. Ронин // Славяноведение. — 1994. — № 4. — С. 3-22.

11. Русские рабочие на постройке Парижской выставки // Новое время. — 1900. — № 8853, 19 октября. — С. 3-4.

12. Сахарова, Е. В. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников : общая редакция А. И. Леонова / Е. В. Сахарова — М. : Искусство, 1964. — 838 с.

13. Тенишева, М. К. Впечатления моей жизни / М. К. Тенишева — Л. : Искусство, 1991. — 288 с.

14. Федоров, Н.Ф. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства: Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим / Н.Ф. Федоров. — М. : АСТ:

АСТ М. : Хранитель, 2006. — 539 с.

15. Шапов Н.М. Я верил в Россию. Семейная история и воспоминания инженера о Москве и послереволюционной России / Н.М. Шапов — М. : Мосгорархив, 1998. — 336 с.

ЛАЗНОВСКАЯ Галина Юрьевна, аспирантка кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного педагогического университета, преподаватель кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (представительство в г. Волгограде).

Дата поступления статьи в редакцию: 05.04.2008 г.

© Лазновская Г.Ю.

УДК 941/949(410)

Е. Ш. ЕФИМОВА

Омский государственный
технический университет

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЖЕНСКИХ «БЛАГОРОДНЫХ» ПРОФЕССИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

В последней трети XIX в. область труда англичанок среднего класса была ограничена немногими занятиями, подобающими благородным женщинам. Статья освещает дополнительные способы заработка для женщин, не требующие специальной подготовки и редко упоминаемые в исторической литературе. Тема профессиональной деятельности представительниц среднего класса Англии указанного периода в отечественной исторической науке раскрывается впервые.

В последней трети XIX в. оплачиваемая работа в целом не поощрялась среди представительниц средних слоёв, но если необходимость в ней всё-таки возникала, она должна была соответствовать занимаемому социальному статусу. Говоря о профессиональных занятиях англичанок среднего класса в XIX в., скорее всего придут на ум преподавание, рукоделие; возможно, к этому добавится литературный труд, машинопись и то, что некоторые сумели добиться признания в юридической и медицинской сферах. Но этим список доступных для женщин занятий не исчерпывался.

Существовали менее известные способы заработка, которыми могли воспользоваться обычные женщины среднего класса без солидных специальных познаний, необходимых, к примеру, для профессий врача, адвоката, бухгалтера или медсестры. В 1870-1980-е гг. существовал спрос на гравёров по дереву для иллюстрирования женских журналов и на некоторые другие специальности, связанные с прикладным искусством: на конструирование и создание узоров для ковров, обоев, лент, вышивки; на роспись разнообразных открыток, на раскрашивание

карт и фотографий, создание иллюстраций для книг, роспись по стеклу и т.д. [1], то есть на работу тех, кого мы сегодня называем дизайнерами. Разумеется, всё это требовало наличия художественных способностей и некоторого обучения.

Показателен случай, отмеченный в американском журнале «The Art Amateur» («Любитель искусства»). В 1885 г. некая Л. Хиггин указывает редакции на ошибку в статье о Королевской школе изящного рукоделия (Royal School of Art Needlework), в которой говорилось, что в этом заведении стараются не выставлять напоказ оплачиваемую женскую работу, так как это не приветствуется и самими женщинами, и английским обществом (работницы в статье называются «ladies», что подразумевает их принадлежность к слоям не ниже среднего класса.) Однако корреспондент называет это мнение неправильным, а главное, способным «произвести на Америку впечатление, которое мы, англичанки, считаем не соответствующим действительности» [2]. На самом деле, по её словам, ни в Королевской школе, ни среди работающих там женщин нет чувства неловкости из-за необходимости трудиться, наоборот, этим гордятся. Непонимание

возникло лишь потому, что женщины в этом заведении выполняют тонкую и тщательную работу, для которой посетители «являются помехой и источником раздражения» — только по этой причине посторонние и не допускаются в мастерские [2]. Данное объяснение противоречит распространённым в прошлые десятилетия мнениям о крайней щепетильности англичанок в вопросах поддержания своего статуса, которому могла повредить работа вне дома. Полагаем, причина лежит в специфике самой художественной работы, к которой, вероятно, относились в первую очередь не как к заработку, а как к возможности реализовать свои творческие способности.

В журнальном обзоре женских профессий 1900 г. обращалось внимание на несколько занятий, которые могли показаться привлекательными и где существовал спрос именно на женский труд. Отмечалась фотография как сфера, где трудится довольно много женщин, в частности колорирование (раскрашивание), ретуширование и монтаж снимков. Недостатками признавались низкая оплата труда и малое количество собственно женщин-фотографов. На счёт целесообразности работы парикмахерами и флористами у автора статьи были сомнения, так как пользоваться их услугами предпочитали люди обеспеченные, а потому в качестве стабильного источника дохода эти занятия вряд ли подходили.

Более перспективным, по мнению автора данного обзора в «Домашнем руководстве Касселлз» являлась должность библиотекаря. Как ни странно, в конце XIX в. в Англии она не пользовалась популярностью у женщин, в отличие от Соединённых Штатов, чья практика и приводилась в пример англичанкам. «Странно, — писала Изабелла Майо, — что работа библиотекарем так и не стала популярна среди женщин Великобритании». Во многих публичных библиотеках там были лишь помощницы библиотекарей с низким жалованьем [3], тогда как в Америке количество женщин в должности главных библиотекарей превышало число мужчин¹. Как показала история, со временем данная профессия стала повсеместно почти исключительно женской. Но в 1880-х гг. «Руководству Касселлз» приходилось заинтересовывать читательниц её преимуществами: «Сама работа такова, что ею с радостью может заниматься образованная и достойная женщина. Здесь не требуется больших физических усилий, не надо находиться на улице, и в целом нет никаких тягот, от которых уклонились бы наиболее чувствительные и слабые особы. Жалованье в этой профессии невелико и не будет достаточным для семейного человека, не привлечёт оно и более или менее целеустремлённого одинокого мужчину. Однако оно может подойти незамужней женщине, которая даже при таком мизерном заработке сможет жить подобающим для благородной женщины образом, соблюдая экономию» [1, С. 2]. Таким образом, одной из причин, почему женщины смогли успешно работать библиотекарями, была очень маленькая заработная плата, практически полностью исключавшая конкуренцию со стороны мужчин.

В 1900 г. наряду с прочим женщинам на рассмотрение предлагались профессии садовода (выращивание цветов или овощей и фруктов на продажу), пчеловода (с тем примечанием, что это занятие процветает в Канаде и может приносить хороший доход в Англии), няни на время путешествий, медсестры (медсестры уже существовали, и составители «Руководства Касселлз» надеялись, что этой профессией также заинтересуются женщины более высокого

происхождения). Отдельного внимания удостоились родственные занятия: агент по покупкам («Ladies' Commission Agent») и «сопровождающая / гид» («Lady Cicerone»), первое из которых по обязанностям находилось ближе к социальному работнику в современном его понимании. «Ladies' Commission Agent» должна была делать разнообразные покупки в пределах разумных сумм, при необходимости заказывать одежду, мебель и прочие детали домашнего быта для инвалидов, тех, кто находился за пределами Англии (в колониях, к примеру), или для тех, кому требовалась помощь «сообразительной, добросовестной женщины с манерами леди и хорошим вкусом» в хозяйственных делах [1, С. 2]. «Lady Cicerone», как явствует из итальянского слова «чичероне» — проводник, гид — брала на себя обязанность познакомиться приезжую леди, англичанку или иностранку, с лучшими магазинами и достопримечательностями Лондона. То, что эта профессия оказалась востребованной, подтверждает наличие Женской ассоциации гидов.

В начале века среди не столь известных женских занятий можно было увидеть «card leavers» — тех, кто оставлял визитные карточки своих нанимателей за 5 шилл.² в день и с оплатой дорожных расходов, «caddies» — помощниц в гольф-клубах, подносивших клюшки и т.п., «dog-walkers» — тех, кто занимался выгулом собак или следил за ними за 2 шилл. 6 пенсов в час, а также «fly-tiers» — женщин, готовящие принадлежности для рыбалки, чьи услуги могли оцениваться от 20 до 30 шилл. в неделю [4].

Несмотря на относительно небольшое количество рабочих мест для женщин, живущих в последней трети XIX — начале XX вв., у них всё же была возможность зарабатывать себе на жизнь, не роняя своего социального статуса. Главной помехой широким возможностям трудоустройства являлось недостаточно глубокое образование и связанное с ним отсутствие у женщин необходимых навыков для получения какой-либо профессии, ведь качественного женского среднего образования в стране до недавнего времени просто не было. То, что необходимость в таком образовании появилась, демонстрировало создание Общества по содействию женской занятости (действующее с 1859 г.³ и дававшее учащимся практические навыки некоторых профессий), различные рекомендации наилучшего трудоустройства для «достойных леди», обсуждение вопросов женской занятости в печати, основание многочисленных школ для желающих получить основы избранных специальностей. А то, что таких школ было много, свидетельствовало, в свою очередь, о том, что для самих женщин и, что самое главное, для рядовых представительниц среднего класса, становилась очевидной недостаточность их подготовки к реальной самостоятельной жизни. Потребности экономики в женском труде и стремление представительниц среднего класса работать меняли как отношение общества к работающим женщинам, так и их собственное отношение к труду.

Примечания

¹ В Публичной библиотеке Бостона, например, работало 70 женщин, а несколько мужчин занимались только тем, что поднимали самые тяжёлые книги на верхние полки.

² Шиллинг — монета и расчетная денежная единица в Англии до 1971 г. равная 1/20 фунта и 12 пенсам.

³ The Society for Promoting the Employment of Women, с 1926 г. и по сегодняшний день носит название Society for Promoting the Training of Women.

Библиографический список

- [1] Cassells Household Guide, New and Revised Edition (4 Vol.) [Электронный ресурс] — 1880s. — P. 93. / Режим доступа: <http://www.victorianlondon.org/cassells/cassells-19.htm>.
- [2] Higgin L. English ladies not ashamed to work / L. Higgin // The Art Amateur: A Monthly Journal Devoted to Art in the Household. — Mar 1885. — №12. — P. 94.
- [3] Mayo I. F. The employments of women / I.F. Mayo // Eclectic Magazine and Monthly Edition of the Living Age. — Dec

1900. — №135. — P. 752.

[4] Crow D. The Edwardian woman. — L.: George Allen & Unwin, 1978. — P. 140.

ЕФИМОВА Екатерина Шахидовна, методист факультета повышения квалификации ОмГТУ.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.06.2008 г.
© Ефимова Е.Ш.

УДК 94/470.40/.43+94(613/614):39

И. А. ГАТАУЛЛИНА

Казанский государственный
архитектурно-строительный университет

ПИТАНИЕ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В 1920-е ГОДЫ

На основе анализа данных по питанию определены динамические ряды потребления населения Среднего Поволжья в годы новой экономической политики. Согласно уровню физиологической нормы, произведен расчет основных компонентов калорийности, снижение которой обусловило голод в регионе в начальный период а восстановления её — стабилизацию продовольственной обстановки к середине 1920-х годов. В исследовании обосновывается, что питание является отражением состояния экономики, когда ослабление регулирующих функций государства насыщает рынок продовольствия, а их усиление, напротив, ведет к его оскудению.

Изучение проблемы питания важно не только с точки зрения определения его физиологических норм и основных компонентов, влияющих на качество жизни людей и, прежде всего, их здоровье. Представляется, что средняя величина дневного рациона человека, так же как его доход или цены на продукты, в равной степени отражает состояние экономики на повседневном житейском уровне. Проблема оптимального соотношения белков, жиров и углеводов как показателей сбалансированного питания разрабатывалась отечественными учеными ещё до революции. Послевоенный период и голод 1920-х годов, вызванный главным образом непомерными реквизициями новой власти, актуализировали данный вопрос: определение физиологического минимума потребления, за которым следовал этап накопления, было главной исследовательской целью.

Опираясь на западно-европейские данные в этой области, русские учёные определили следующие величины дневного рациона человека в состоянии покоя: белки — 142 г, жиры — 51 г, углеводы — 510 г, всего — 3076 калорий [1]. Согласно Е. Кабо, физиологическая норма взрослого едока в граммах для категории «рабочие» составляет: белки — 105 г, жиры — 60 г, углеводы — 600 г, или 3600 кал.; для служащих — 105 г, 50 г, 500 г, или 3000 кал. соответственно [2]. Уместно заметить, что потребление и соотношение этих компонентов до войны было иным: по белкам — 116 г, жирам — 73 г, углеводам — 685, или 3960 калорий [2, с.46], и соответственно на 360 и 960 калорий больше

по вышеуказанным категориям населения. Расчёты настоящего исследования выполнены с опорой на показатель средней нормы питательности, выведенный проф. Б.И. Словцовым и составляющий 100 г белков, 70 г жиров, 500 г углеводов или 3160 калорий [3].

Обследование питания выборочных групп городского населения Симбирской губернии 23-29 мая 1920г. уже выявило снижение уровня потребления ряда продуктов. Дневной рацион шести обследованных семей, имевших разные показатели по их количественному составу и доходности, отражает несбалансированность питания и выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Население остро ощущало недостаток в продуктах, главным образом, белкового происхождения и жирах, компенсируемый углеводистой пищей. Простейшие расчёты в сравнении со средней нормой потребления показывают, что необходимые в день 100 г белка могла себе позволить семья портного из 4-х человек с доходом в 18 500 руб. Только эта семья могла питаться в обед мясными щами, есть кашу с маслом, купив за месяц 4 раза молоко, остро ощущая недостаток в жирах, который восполнялся хлебом. Самую низкую норму потребления белка — 29,3 г — показала семья сапожника из 3-х человек с доходом в 5 500 руб. Семья курьера потребляла 40 г белка на одного едока, тогда как семья сапожника (доход 1 020 руб.) — 133 г этого компонента. Однако это количество потребляемого мяса семья оценивала как недостаточное, вероятно, по причине низкого дохода.

Таблица 1

Дневной и месячный рацион городского населения Симбирской губернии*

Категория и количество членов семьи	Доход (в руб.)	Дневной рацион			Месячный рацион (в фунтах)								1)Недостаток продуктов 2) Их восполнение (в день)
		утро	обед	вечер	молоко	хлеб	мясо	соль	масло		крупы	карто-фель	
									раст	слив			
Семья курье-ра из 4-х чел.	11 680	морков-ный чай с хлебом	1-е суп пост-ный; 2-е каша с молоком	чай с хлебом или моло-ком; суп от обеда	40 бут. (12 ф.)	140	12	3	0,5	1,0	40	28	1) мясо, жир, соль, молоко 2) хлеб (5 ф.), картофель (4 ф.)
Семья сапож-ника из 2-х чел.	1 020	питание по опросу отмечается как достаточное			30 бут.	120	20	4	4	—	8	—	1) мясо, пше-ничная мука 2) карт., ржаная мука
Семья сапож-ника из 3-х чел.	5 500	кофе с хлебом	1-е суп с кар-тофель. без масла; 2-е каша пшенная	кофе с хлебом; вареный картофель	3 бут.	168	5,5	1	1	—	30	280	1) белый хлеб, сахар, мясо, молоко 2) 6 ф. хлеба 10 ф. картофеля
Семья порт-ного из 4-х чел.	18 500	чай с саха-ром; хлеб	1-е суп из кислой капусты с мясом; 2-е каша пшенная с маслом	что осталось от обеда	30 бут.	224	30 гов. бар. свин.	4	1 (сала)		40	—	1) недостаток в жирах 2) 8 ф. хлеба
Портной	25 000	чай с хлебом, леденцами	1-е суп с гриба-ми; 2-е каша без масла	что осталось от обеда	70 бут.	168	6,5 гов. бар.	7	5	—	40	—	1) сахар, пше-ничная мука 2) 6 ф. хлеба
Семья рабо-чего-столяра патронного завода (10 чел.)	1 475	сведений нет	сведений нет	сведений нет	60 бут.	320	—	8	4	—	—	—	1) всех продук-тов 2) 11,4 ф. хлеба

* Сост. по данным: ГА УО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 28. Л. 1, 2, 5, 11, 13.

Таблица 2

Дневной и месячный рацион крестьянских семей Самарской губернии*

Категория	Доход	Дневной рацион			Рацион на месяц (в пудах, фунтах)								1) Перестали есть 2) Восполнение
		утро	обед	вечер	молоко	хлеб	картофель	мясо	масло	крупы	овощи	мука	
Семья вальщики из 6 человек	от своего хозяйства (2 коровы)	щи, каша с тыквой	нет	щи, тыква, молоко	30 четв.	с 1/5 п. свеклы с 1/6 п. тыквы	2 п.	—	—	3 п.	—	1 пуда	1) яйца, мясо, масло, сало 2) ничем
Семья канцелярского работника из 5 человек		лапша с салом чай, пирог с мясом	суп мясной, лапша, макароны, карт. с мясом	остатки от обеда	1 четв.	с примесью лебеды	50 ф.	18 ф.	—	4 ф.	—	40 ф.	1) масло, сметана, яйца, творог, хлеб 2) лебедой, желудями
Семья из 8 человек	от своего хозяйства	блины, пироги со свеклой, кашица	щи, тыква, чай, пирог с морковью	щи, тыква с хлебом, помидоры, чай с хлебом	30 четв.	—	45 ф.	—	10 ф.	—	—	300 ф.	1) мясо, яйца. не хватает хлеба, жиров, круп 2) овощами
Семья секретаря сельсовета из 9 человек		хлеб, каша, щи, огурцы	хлеб, мясо, молоко, яблоки	хлеб, яйца, тыква	—	—	125 ф.	35 ф.	70 ф. масло подсолн. 3 ф. коров. масла 2,5 ф. сала	60 ф.	—	320 ф.	1) свинина, курица 2) лебедной хлеб
Семья предволисполкома из 8 человек		ничего	пшено	1 ф. хлеба, 2 бут. мясного бульона 1/2 ф. мяса, 2 стак. молока	12 четв.	—	1 пуда	4 п.	—	7 пуда	—	4 п.	1) яйца, мясо уменьшилось 2) в хлеб примешивалась до 4 пудов лебеды 3) не достает хлеба, картофеля, пшена, капусты

* Источник. ГАСам О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2142.

Самый высокий уровень потребления жиров имела семья портного — 5 ф. растительного масла в месяц, или 66 г в день, что соответствовало норме. Семья сапожника употребила всего 1 фунт такого масла, что составило 4,4 г на едока в день при необходимых 70 г. Основная масса обследованных питалась кашами без масла, постным супом, восполняя недостаток белков и жиров исключительно углеводами в виде картофеля и хлеба. Например, при средней норме их потребления в 500 г, в семье сапожника на каждого члена приходилось 1263 г картофеля в день. В среднем его потребление в неделю составляло 14 кг, в месяц — 56-72 кг. Самым веским аргументом в пользу снижения калорийности питания и скудости дневного рациона служит показатель потребления молока. При норме в 7 бутылок молока (2 400 кал) I [3,с.9] в сутки только портной мог позволить себе 1030 г молока в день, что составляло всего 67,6 кал. от указанной единицы. Потребление молока остальными группами семей было мизерным. Семья сапожника при норме в 21 бут., или 10,5 л в день, потребляла всего 3 бут., или 1,5 л в месяц, а семья рабочего-столяра патронного завода из десяти человек при потребности в 70 бут., или 35 л в день, выпивала всего 60 бут., или 30 л молока в месяц. Несмотря на существенную разницу в доходах, дневной рацион всех групп городских семей выглядит одинаково скудно. В нём отчётливо просматриваются признаки надвигающейся нужды, где самым тяжёлым

в этот период можно считать положение семьи рабочего патронного завода из 10 человек. Имея доход всего 1475 руб., эта семья не смогла сформулировать содержание своего дневного рациона, сведения о котором отсутствуют. Домочадцы кормились хлебом (4,571 кг — в день, 32 кг — в неделю, 128 кг — в месяц), частично молоком (60 бутылок в месяц). Из других продуктов фигурирует 4 ф. масла постного и 8 ф. соли в месяц, что составляло 5,3 г и 1,06 г соответственно на одного человека в день. Семья «ощущала во всём страшную нужду» [4].

По сравнению с городским населением положение средневожских крестьян в 1920 г. было не таким удручающим. Чарльз Бекстон, посетивший дер. Озеро в соседней — Самарской губернии, так описывает встречу с её жителями. «Меня потчевали яйцами, хлебом высшего качества, маслом — вещью неслыханной после Эстонии, молоком, сыром, рыбой, иногда даже мясом. Я как сыр в масле катался» [5], — вспоминает англичанин. Озерчане в отсутствие мыла при помывке в бане использовали кислое молоко, что говорит о его избытке в крестьянских хозяйствах. Однако описанный случай был скорее исключением, поскольку продовольственная ситуация в регионе неумолимо ухудшалась, о чём свидетельствуют данные обследования питания крестьянских семей в Самарской губернии во второй половине 1921 г. (см. табл. 2).

Показания сельчан говорят о существенном сни-

Таблица 3

Среднедушевое потребление городского населения (рабочих и служащих) в Татреспублике за 4 недели в декабре 1921 г.*

Категория работающих.	Потреблено за месяц (в фунтах)	Потреблено в день на 1 взр. едока (в фунтах)	Белки	Жиры	Углеводы	Калорийность
Рабочие	34 813,8	1 243,3	86,4	44,2	631,5	3 352
Служащие	26 755,4	955,6	87,1	62,4	499,2	2 982

* Источник. НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 203. Л. 21 — 22.

Таблица 4

Всего употреблено населением г. Казани продуктов (в фунтах) за неделю*

Год	Хлеб ржаной	Крупы	Картофель	Всего растит. продук.	Свинина и жирн. баранина	Молоко	Яйца	Всего жив. продуктов	Сахар	Фрукты
1923 октябрь	5886,0	1054,0	4884,0	15896,7	88,0	1340,3	15,07	2456,37	140,0	20,0
1924 февраль	7094,0	847,2	6537,0	83620,9	231,0	3270,8	242,52	6138,37	442,0	1442
% увеличения потреб.	120,5	80,4	133,8	526,0	262,5	244,0	1609,20	249,80	315,7	7205,0

* Источник. НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 257. Л. 15 (Подсчет процентов увеличения потребления продуктов произведен автором).

Таблица 5

Ежедневная норма потребления в Татреспублике в 1925 г. и в Российской Федерации в 2000 г. (в г)*

Вид продукта	Норма в день в Татреспублике в 1925 г.	Норма в день в РФ в 2000 г.
Хлеб черный	902,0	> 400
Картофель	600,0	> 340
Овощи	890,0	> 250
Фрукты	9,7	< 45
Сахар, конд.изделия	32,9	< 55
Мясо	177,2	> 86
Рыба	17,6	< 37
Молоко и мол.продук.	144,4	< 577
Масло растительное	24,4	< 30
Соль, специи	26,0	> 13
Яйца	13,8	> 0,5 шт.

* Источник: Усольцев В.Ф. Указ.соч. С. 74; Аргументы и факты. 2000. 20 января. С. 3.

Дневной рацион горожанина*

Семья помощни-ка тех-нич. агента из 3-х чел.	Семья столяра из 3-х чел.	Семья зав. страх. отд. из 3-х чел.	Семья учительницы рукоделия из 5 чел., сестра-фельдшер	Семья бухгалтера из 7 чел.	Семья слесаря из 5 чел.	Категория	Дневной рацион		Месячный рацион (в фунтах)														
							Доход (в руб.)	утро	обеда	вечер	хлеб печеный	хлеб пшеничный	картофель	мясо		сельдь	масло		крупы	яйца	творог	молоко	
														говядина	свинина		растительное	топленое					
107 – 55 32 – 50 (доход жены)	58	77	35, 33 – 60	80	25	Доход (в руб.)	чай с хлебом, маслом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	чай с белым хлебом, молоком	–	70	98	30	8	70	2	3	–	–	–	–	25 бан	1)Недостаток 2)Восполнение
чай, хлеб, слив. масло, сыр	чай, хлеб, селедка	чай с хлебом, молоком мог быть: пирог с рисом (по воскресеньям)	чай с белым хлебом, маслом, молоком	чай с белым хлебом; м/б слив. масло	чай с молоком, хлебом, манная каша	утро	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб печеный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
щи мясные, жареные кот-леты с бараниной (утка)	щи мясные, картоф. жар с мясом, могли быть по воскресеньям: пирог с мя-сом, какао	мясной суп с лапшой, клюквенный кисель; могли быть: плов из баранины, котлеты с макаронами, жареный леб с картоф., лапша из курицы, какао	чай с белым хлебом, маслом, молоком	щи мясные, жареный картоф. или греч. каша с мясом	суп из свини-ны, вареный картоф. с селед-кой; мог быть суп из баранины с картоф.	обеда	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб печеный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
хлеб, чай, молоко, сыр или чай с пирогами	чай с хлебом, чернос-ливом	сосис-ки, чай с хлебом. могли быть: какао, суп, пюре от обеда молоко	чай с белым хлебом	чай с белым хлебом, молоком		вечер	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб печеный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
20		20 + муки		–	70	хлеб печеный	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб печеный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
64	120 муки	56	120	200	98	хлеб пшеничный	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
48	60	40	60	60	30	картофель	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
40	60	35	80	80	8	мясо	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
36	15			–	70	мясо	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
					2	сельдь	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
		1ф сл.	+ 4 сл.	6	3	растительное	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
66		6,5	3	–	–	топленое	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
			6	30	–	крупы	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
		35	–	20	–	яйца	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
		3	–	–	–	творог	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
36 бут		70	20 бут	25 бан	25 бан	молоко	чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		
всем доволен	1) масло	всем довольны	–	1) масло, молоко	–		чай с белым хлебом, молоком	лапша мясная, каша рисовая; могли быть: котлеты с макаронами, суп мясной, биточки с картоф., жареный картоф. с салатом, биточки с макарон.	пельмени. чай с хлебом, молоком	хлеб пшеничный	хлеб пшеничный	картофель	говядина	свинина	сельдь	растительное	топленое	крупы	яйца	творог	молоко		

*Источник. ГА Сам. О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3312. Л. 4.

жении физиологического уровня питания. Вместо недостающих белковых продуктов (яйцо, свиное и куриное мясо, творог, масло, сметана) крестьяне употребляли лебедный хлеб или просто лебеду. В данном перечне имелись семьи, которые питались относительно сбалансированно. Например, если семья вальщика давно перестала есть мясо, масло, яйца, то семья канцелярского работника могла позволить себе 18 ф. мяса, 2 ф. сала [6], испытывая недостаток только в хлебе. Семья секретаря сельсовета из 9 человек имела в день 466 г совокупного продукта на каждого члена, тогда как не вошедшая в перечень семья из пяти человек, живущая на доход от своего хозяйства, съела за месяц 20 фунтов овощей, 6 ф. мяса, что в пересчёте на едока составило 16 г в день. Поэтому меню последней выглядело скверно: утро — кишки от лошади; обед — ничего; вечер — щи без хлеба [7]. К концу 1921 — нач. 1922 года из рациона крестьянских семей исчезли картофель, крупа, масло. Ощущая недостаток всех продуктов, крестьяне добавляли в хлеб мякину, ели суррогаты, резали лошадей. Основа питания в этот период — конинный суп, лебедный хлеб — определённо не дотягивающая до средней величины питательности. Добавление в пищу суррогатов свидетельствовало о переходе за черту физиологического минимума, означавшем начало голода. В октябре 1921 г. голодная норма составляла 935,5 ккал. Потребление соломы, древесной коры, картофельной кожуры, а также земли и торфа было преобладающим в питании I пол. 1922 г., достигнув своей критической отметки в июне 1922 г., когда количество потребляемых продуктов составило 53,09 % по отношению к декабрю 1921 г. [8]. Самыми калорийными продуктами были хлеб (суточное потребление 0,586 ф. — 328 кал.), картофель (среднесуточное потребление 1294 ф. — 334 кал.), молоко (0,318 ф. — 85 кал.). Лишь год спустя был достигнут уровень потребления декабря 1921 г., составивший 4851 ф. на одного взрослого едока или 1832,4 г, в составе 66,1 белков; 24,7 жиров; 483,5 углеводов или 2484 кал. [8]. Однако данный уровень продолжал сохраняться как низкая физиологическая норма.

Голод гнал крестьян в благополучные районы. Скажем, в Тверской губернии в 1921-1922 гг. отмечалась продовольственная стабильность и даже увеличение потребления с 3260 до 3660 кал., тогда как в Самарской губернии, где ещё в 1919-1920 гг. на взрослого едока в сельской местности приходилось 4479 ккал., в 1922 г. — всего 1275 ккал [9].

Продовольственная ситуация в средневолжских городах в этот период была относительно терпимой по сравнению с сельскими районами. Данные среднесуточного потребления городского населения в Татарстане в конце 1921 г. показывают разные его величины для отдельных социальных групп (табл. 3).

Данные демонстрируют преимущественную позицию потребления рабочих в сравнении со служащими. Но при низком удельном весе количества потребляемых продуктов в целом питание служащих было более сбалансированным: содержало больше белков и жиров. Служащий в месяц съедал 13 ф. творога, 24332 ф. молока, 214,4 ф. масла коровьего, рабочий — всего 6 ф. творога, 1053,8 молока, 85,7 масла коровьего. Месячное потребление служащим жирной свинины или баранины составляло 561 ф., тогда как рабочим всего 109 ф. в месяц. Мяса всякого первый съедал 988,0 ф., второй же — всего 438,5 ф. Затраты энергии рабочий восполнял потреблением картофеля — 11306 ф. в месяц (служащий — 7646 ф.). Служащий съедал в месяц 1344 ф. яиц, рабочий — всего 24,1 ф. Всего обе

группы употребили за месяц 70115,1 ф., что составило 2504 ф. продуктов в день [10].

Таким образом, питание рабочих и служащих было на порядок лучше питания сельского жителя, но по физиологическим нормам в 2-3 раза меньше необходимого минимума. На начало 1922 г., согласно опросу, 100 семей вышеуказанных групп г. Казани были зафиксированы самые низкие нормы потребления, стоявшие на угрожающе голодном уровне: 27564,05 ф. продуктов в месяц; 3715 ф. в день на 1 взрослого едока; из них, белков — 55,3; жиров — 28,0; углеводов — 353,9; калорийность — 1927. Иначе говоря, продовольственная ситуация в городах в 1922 г. ухудшалась также, как и в селениях, где в июне 1922 г. на 1 взрослого едока приходилось всего 2490 ф., а калорийность составляла всего 1035 ккал [10, л. 22].

Лишь к октябрю 1922 г. питание начало приближаться к нормальной величине, и с зимы 1922-1923 гг. закончился период хлебного голодания. Обследование семей г. Самары в феврале 1923 г. показало улучшение питания горожан, выраженное в увеличении норм потребления хлеба как ржаного, так и пшеничного. Так, семья журналистки с доходом 243 руб. из 4-х человек употребила в месяц 40 ф. хлеба, что в среднем составило почти 3 ф. на одного едока в день. Дневной рацион горожанина расширился, и заметное место в нём стали занимать белковые вещества. В семье служащего Губюста при сравнительно низком доходе в 180 руб. на каждого члена семьи приходилось по 100 г мяса, а в семье врача с доходом в 414 руб. — по 400 г мяса ежедневно [11]. Все опрошенные семьи показали недостаток в рационе сахара, жиров, а в семьях с низким доходом — молочных продуктов.

Сравнительный анализ питания городского населения Казани в 1923 и 1924 г. отражает усиление положительной динамики в этом вопросе (табл. 4).

Цифры впечатляют, красноречивее всего по белковым веществам: на 262,5% увеличилось потребление мяса, на 1609,2% — яиц. Всего по животным продуктам потребление горожан в 1924 г. по сравнению с 1923 г. увеличилось на 249,8% [12]. Таблица показывает отсутствие дефицита продуктов питания. Напротив, увеличение белковой пищи вызвало сокращение потребления углеводистых продуктов, скажем, круп, которое в 1924 г. составило уже 80% от их уровня в 1923 г. Начавшееся восстановление деревни в целом, которая, оправившись от голода, стала поставлять городу продукты сельского хозяйства, явилось главной причиной установления полноценного питания в городе. С октября 1924 г. по февраль 1925 г. горожанин увеличивает норму потребления белков животного происхождения, повышает величину потребления жиров и к маю 1925 г. достигает нормального соотношения питательных веществ в своём рационе. Дальнейший рост потребления белков превышает физиологическую норму, а соотношение между растительной и животной пищей становится более сбалансированным. Так, питательность рациона жителей г. Самары выросла на 116% и приблизилась к довоенному уровню в объёме 3900 кал. [1, с. 98]. В Татарской Республике средняя норма в день на человека составляла 3570 кал. и складывалась из употребления в месяц: 45 ф. чёрного и 15 ф. белого хлеба, 45 ф. картофеля, 7,5 ф. крупы, 15 ф. говядины, 9,75 ф. сала (жиров), 3755 ф. сахара [13]. Общей тенденцией в питании стало снижение хлебных и увеличение мясных продуктов, а так же молока. Анализ бюджетных данных по питанию волей-неволей подталкивает к сравнению уровней прожиточного минимума в 1920-е годы и в начале 2000 г., рисуя весьма любопытную картину (табл. 5).

Таблица 7

**Рацион городского и сельского населения
в октябре 1926 г. (на душу населения в день в фунтах)***

Население	Х л е б		картофель	Масло постн.	Сахар, леденцы	Говядина	Свинина	Баранина	Телятина	Птица, дичь	Пр. мяс. продук.	Молоко	Творог
	ржаной	пшен.											
Городское	0,186	0,612	0,555	0,048	0,077	0,241	0,006	0,035	0,001	0,01	0,007	0,365	0,005
Сельское	1,456	0,231	1,493	0,023	0,016	0,037	0,005	0,073	0,002	0,04	0,001	0,857	0,013

Население	Сметана	Яйца	Соль	Чай	Масло коровье	Сало всякое	Рыба	Сыр
Городское	0,002	0,011	0,041	0,004	0,025	0,003	0,006	0,002
Сельское	0,018	0,008	0,052	0,003	0,014	0,007	0,006	-

*Источник. ГА Сар. О. Ф. 441. Оп. 1. Д. 643. Л. 3.

Таблица 8

Дневной рацион горожанина Ульяновска (в кг)*

Год	Х л е б		Картофель	Масло	Сахар	Говядина	Свинина	Масло сливочное	Молоко	Творог	Сметана	Сыр	Яйца	Итого по субъективным отзывам в день
	ржаной	пшеничный												
1925 г.	1,117	0,490	0,888	0,034	0,089	0,324	0,045	0,025	0,875	0,004	0,001	0,002	0,022	3,916
1927 г.	0,480	0,246	0,414	0,013	0,043	0,133	0,014	0,003	0,251	0,001	0,000	0,000	0,008	1,606

*Источник. ГАСам. О. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1426. Л. 8.

Из данных видно, что показатели ежедневной нормы 1925 г. значительно превосходят уровень потребления 2000 г.: по хлебу — на 502 г, по картофелю — на 260 г, по овощам — на 640 г, по мясу — на 91,2 г, по яйцам — на 13,3 г. Современный россиянин превзошёл жителя 1925 г. только по потреблению сахара — на 22 г, рыбы — на 19 г, молочных продуктов — на 432,6 г, масла — на 5,6 г и фруктов на 35 г.

Можно утверждать, что питание середины 1920-х годов, несмотря на преобладание углеводистой пищи (хлеб, картофель, овощи), энергетически было более насыщенным за счёт увеличения потребления яиц и мяса, превышающего норму 2000 г. почти в 2 раза. Основным продуктом современного жителя России является молоко (577 г), потребление мяса стоит на V месте (86 г), уступая верхние позиции потреблению хлеба (400 г), картофеля (340 г) и овощей (250 г). Представляется, что нынешнее потребление продуктов ниже прожиточного физиологического минимума, и в этом отношении мы живём хуже населения середины 1920-х годов.

Выборочное обследование питания городского населения в 1926 г. рисует довольно благостную картину потребления, особенно в сравнении с тяжёлым периодом 1921-1922 гг. Вот как выглядело меню жителя Самары в 1926 г. (табл. 6).

Представленный рацион горожанина не только разнообразен по названиям блюд, но и весьма насыщен по калорийности. Сбалансированным является питание семей слесаря, учительницы, страхового агента, где в среднем на человека приходилось 3041,4; 3014,18; 3053,82 калорий соответственно. Значительно превосходят среднюю величину дневной

калорийности показания членов семьи столяра из 3-х человек, где на каждого приходилось 4646,5 кал. при сравнительно небольшом доходе 58 руб. Вместе с этим имеется очень низкий показатель питательности — всего 1757,2 кал., приходящихся на членов многодетной семьи бухгалтера из 7 человек при доходе в 80 руб. Самым благоприятным можно считать положение семьи помощника технического агента из 3-х человек с доходом 140 руб. В ней на одного члена приходилось от 6513 кал., что превышало среднюю норму питательности в 2 раза. Это означало, что если в семьях со средним достатком на завтрак могло не быть сливочного масла, то в семье с высоким уровнем дохода постоянным продуктом было не только масло, но и сыр, пироги ели не только по воскресеньям, а ежедневно с чаем или молоком.

Однако картина потребления городского населения контрастировала с потреблением сельского населения. Уже в 1924 г. на этапе достижения средних показателей нормальных величин в питании в целом, между сельским и городским населением наметилось явное расхождение в потреблении крупяных изделий и мяса. Если горожане сократили потребление разных круп до 80% потребляемого количества 1923 г. [12], то сельчане показали рост в 109,2% [14]. Потребление мяса первые увеличили до 262,5%, вторые же, напротив, сократили до 52,4% уровня 1923 г. В то же время в деревне увеличилось потребление жирной баранины на 695,7%, творога на 468,5%, сметаны на 730,4%, показав рост потребления животных продуктов в среднем на 224,2%. Горожане эту позицию увеличили на 249,8% [14]. Необходимо заметить, что положение крестьянского населения по питанию

Таблица 9

Дневной рацион горожанина Ульяновска в 1927 г. (в фунтах)*

Категория семьи	Доход	Меню на день	Требовалось продуктов на месяц (в фунтах)																		
			хлеб печ. ржаной	хлеб пшеничный	мука	крупа	картофель	творог	говядина	свинина	баранина	птица	сало свиное	сельдь	рыба	молоко в бут.	масло топ.	масло слив.	яйца (шт.)	яблоки	сахар
1. Семья часового мастера из 5 чел	60=00	Утро: чай с вчерашним пирогом с яблоками или ватрушкой. Обед: борщ, гречневая каша. Ужин: чай, каша с молоком. На обед могли быть: суп мясной, жареный картофель со свиной, борщ, лапша мясная, судак холодный; а на ужин – пирог с капустой, яйцами.	28	24	16	8	9,6	0,8	16	2	2	2	2	0,8	4	43,2	1,6	0,8	2,6	-	-
2. Семья слесаря из 4 чел.	60=00	Утро: чай с сахаром, молоко, хлеб ситный. Обед: вареный картофель, суп мясной. Вечер: чай с вареньем, сахар, молоко. На обед могли быть: гречневая каша с молоком, яблочный кисель, рассольник, винегрет; на завтрак – чай ситный, варенье.	52	16	-	10	64	-	18	0,6	0,8	1	-	2,4	-	132	3,4	2	3,1	-	-
3. Семья служащего из 3 чел.	125=00	Утро: чай с хлебом, вареньем, медом, булка с маслом. Обед: суп, жареный картофель с бараниной. Вечер: чай с булкой, ватрушкой, мед. На обед могли быть: картофель вареный, суп мясной, котлеты мясные, суп с грибами, пирог с мясом, компот.		25,6	16	1	20	0,8	14	2	6	-	1	-	-	19	3,4	1,2	2,64	16	3,4

*Источник. ГА Сам. О. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1784. Л. 2.

среди его различных групп было неодинаковым. Так, малопосевные хозяйства показали снижение по всем продуктам, составившее 49%. Потребление среднеспосевной категории сократилось по: крупам — до 96,9%, мясу — до 53,7%, маслу коровьему — до 62,4% к уровню 1923 г., тогда как в 1924 г. — увеличилось на 126,8%. Многопосевная группа показала значительное увеличение потребления — до 415,9%, хотя она так же испытывала недостаток в мясе, составлявшего всего 52,4%, сократила потребление масла коровьего до 97,9% к уровню 1923 г. [15].

Анализ рациона сельчан и горожан по потреблению на душу в день в октябре 1926 г. Саратовской губернии показывают неустойчивость достигнутых уровней (табл. 7).

Сравнительные данные показывают, что крестьянское потребление существенно не дотягивает до нормы: 62,8г белка, 8,4 г жиров при норме в 100 и 70 г соответственно. Недостаток белковой пищи восполнялся молоком (0,857 ф.), творогом (0,013 ф.), сметаной (0,018 ф.), составлявшими вкупе 352 г продуктов, а так же большим количеством углеводов, которых при норме в 500 г употреблялось 1560 г в сутки. Питание городского населения было более сбалансировано и составляло по белкам — 115,6 г и углеводам — 5592 г, тогда как по жирам — всего 32 г. Их горожане потребляли всего 45% от нормы, недостаток восполняя творогом, сметаной и сыром, вовсе не употреблявшимися крестьянами.

В итоговом выражении сельский житель съедал на 1741 фунт больше горожанина. Однако переведа дневной рацион обеих категорий в перечень названий меню, видим, что горожанин в день потреблял 400 г хлеба и хлебобулочных изделий, порцию картофеля (222 г) с котлетой или биточками (116 г), полстакана

молока, 1/4 яйца, пол-ложки чайной творога, 6 ч. л. сахара (80 г); крестьянин съедал полбуханки хлеба (674 г), полкилограмма картофеля (597 г), кусочек (61,2 г) мяса, около двух стаканов молока (342 г), чайную ложку творога (5,2 г), 3 ч. л. сметаны (7,2 г), 1 ч. л. сахара [16].

Высчитанная калорийность выявляет заметное отклонение от нормы: у горожан — в потреблении жиров, у сельчан — мяса, сигнализирующее о сбое экономики в этот период и показывающее, что благополучие городского населения в сфере потребления носило обманчивый характер. Тенденция существенного снижения уровня питания, наметившаяся в 1927 г., доказывает это. Питание соответствовало уровню физиологического минимума по основным его компонентам, но с количественной точки зрения уменьшилось, что подтверждается сравнительными данными питания городского населения Ульяновска в феврале 1927 г. в сравнении с октябрём 1925 г. (табл. 8).

Данные таблицы показывают, что снижение уровня потребления в феврале 1927 г. составило 41% от уровня 1925 г. почти по всем видам продуктов. Если сведения за 1925 г. показывают потребление белков и углеводов сверх нормы в три (0,369 г) и шесть раз (3,009 г) соответственно, то данные за 1927 г. фиксируют трёхкратное снижение показателей: белка до 147 г и углеводов до 140 г или значений нормы [17]. Потребление жиров в 1925 г. составляло 84%, а в 1927 г. всего 22,8% от нормы. На повседневном уровне питание жителя Ульяновска в 1927 г. выглядело следующим образом (табл. 9). Подсчёт количества потребляемых продуктов и показателей калорийности питания горожанина выявляет незначительную картину. Так, при равности дохода (60 руб.) семей часового мастера и слесаря, на членов первой приходилось 1837,1 кал.,

а второй — аж 3836 кал. в день на человека. Семья служащего при доходе в 125 руб. не достигала даже до уровня потребления семьи часового мастера и составляла всего 1787 кал., т.е. около 60% от физиологической нормы [17]. Приходящиеся на 1 едока семьи часовщика 69,3 г белка, 11,7 г жира и 238,2 г углеводов — показатели низкого уровня, доказывающего поступательное ухудшение продовольственной обстановки в городе так же, как и в деревне. Весной 1929 г. в ряде городов Средневолжского региона осуществлялся переход на нормированное снабжение населения хлебом, предельный уровень которого постоянно снижался. Так, в Ульяновске его норма для работающего составляла 300 г, для кустарей и ремесленников — до 200 г, а для безработных — до 100 г в сутки. Детям до 3-х лет полагались 160 г в день, а так называемое «нетрудовое население» или обыватели вообще снимались со снабжения [18]. К лету 1929 г. в городах появились длинные очереди за продуктами. Госинфосводка сообщала, что в регионе начались затруднения со снабжением мяса, перебои с молочными продуктами, рыбой, колбасой, дешёвыми видами кондитерских изделий [18, с.530].

Данные бюджета рабочих завода № 40 г. Казани отражают содержание потребления в этих условиях на повседневном уровне. Так, за октябрь 1929 г. рабочий употребил 9 кг 614 г картофеля, 19 кг 231 г хлеба, 3 л молока, 2 кг 426 г мяса, 921 г сахара, 560 г рыбы, 1 кг 940 г овощей [19]. Это означает, что в день рабочий съедал 3 столовые ложки картофельного пюре, чуть больше — овощного салата, 1 кусочек (80,8 г) мяса, 18,6 г рыбы, вероятно, отварных, поскольку масло в рационе отсутствовало; выпивал полстакана молока (103 г), чай с тремя чайными ложками сахара и с кусочком хлеба, которого съедал 641 г в день. Переводя данные в показатели калорийности, видим, что питательность достигала 3092,2 кал, что соответствует физиологической норме. Но расклад на белки, углеводы и жиры показывает, что первые составляли 80,8 г при норме 100 г, вторые — 641 г к 500 г, а последние — отсутствовали в рационе. Местные аналитики отмечали факт усиленного употребления хлеба и низкого уровня — мяса, а так же то, что при душевой норме в 641 г, фактическое потребление хлеба как взрослых, так и детьми составляло 425 г. Уровень физиологической нормы показывает, что голода ещё не было, но снижение потребления ряда продуктов или их отсутствие в рационе позволяет сделать вывод о нарушении сбалансированности питания. Его неустойчивость является фактором, как правило, предвещающим начало голода. Продовольственная ситуация в деревне — доказательство тому. Так, в 1929 г. в Ульяновской области норма выдачи хлеба для бедняцких хозяйств составляла от 3 до 6 кг в месяц, что составляло от 100 до 200 г в день [18, с.15]. Хлебозаготовительные трудности второй половины 1920-х годов вследствие дисбаланса промышленного и сельскохозяйственного производства, вызванного неограниченным вторжением государства в эти сферы и использованием жёстких методов их регулирования, создали катастрофическую продовольственную ситуацию. Отобранное у крестьян зерно ссыпалось под открытым небом, в помещениях клубов или в вагоны, стенки которых рушились от его обилия. В городах тем временем выдавался по карточкам суррогатный хлеб с применением опилок, соломы, щепок, песка, отходов, овсяной муки, гнилой рыбы, испорченных овощей [18].

Представленный анализ выявляет определённые тенденции потребления, когда в первые годы нэпа население жило в условиях голода, к середине 1920-х —

стало нормально питаться, а с 1929 г. — перешло на суррогаты. Резкая смена показателей потребления и соответственно уровней качества жизни отражала нестабильность социально-экономического развития, которая, в свою очередь была следствием противоречивой сущности складывающейся общественно-политической системы. Либерализация экономики в рамках нэпа вывела страну из военно-коммунистической катастрофы, и население региона, спустя два года после окончания голода, сумело быстро восстановить нормальный уровень потребления. Сворачивание нэпа, усиление государственного вмешательства в хозяйственный механизм привели к такому же стремительному ухудшению продовольственной обстановки и соответственно системы потребления к концу 1920-х годов.

Примечания

1. Расчёт таков: 1 гр. жира равен 9,3 кал.; 1 гр. белка — 4,1 кал.; 1 гр. углеводов — 4,1 кал.
2. К сожалению, проф. Б.И. Словцов не указывает объёма одной бутылки, что делает расчёт потребления молока условным. Исходя из современных показателей калорийности одного литра молока, составляющего 5300 ккал при жирности 2,3%, можно предположить, что речь идёт о поллитровой ёмкости.
3. Подсчёт процентов увеличения потребления продуктов произведён автором

Библиографический список

1. См.: Прив. по кн.: Артищев Р.Т. Бюджеты самарских рабочих. — Самара, 1925. — С. 53.
2. См.: Кабо Е.О. Питание русского рабочего до и после войны. — М., 1926. — С. 23.
3. См.: Словцов Б.И. Питание и работа. — М.: Френкель, 1923. — С. 10.
4. Государственный архив Ульяновской области (далее: ГАУО). Ф.101. Оп. 2. Д. 28. Л. 17.
5. Бекстон Ч. В русской деревне. — М.-П., 1923. — С. 15.
6. См.: Государственный архив Самарской области (далее: ГАСам. О.). Ф. 76. Оп. 1. Д. 1694.
7. См.: ГАСам. О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2142.
8. См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее: НАРТ). Ф. 1296. Оп. 2. Д. 231. Л. 2.
9. См.: Большаков А.М. Советская деревня за 1917-1927 гг. — Л.: Прибой, 1924. — С. 49.
10. См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 203. Л. 21.
11. См.: ГАСам. О. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2175.
12. См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 257. Л. 15.
13. См.: Усольцев В.Ф. Бюджет рабочих г. Казани // Труд и крестьянство. — 1925. — №10. — С.73.
14. См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 365. Л. 2.
15. См.: НАРТ. Ф. 1296. Оп. 2. Д. 367. Л. 3.
16. См.: Государственный архив Саратовской области. Ф. 441. Оп. 1. Д. 643. Л. 3.
17. См.: ГАСам. О. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1784. Л. 2.
18. См.: «Совершенно секретно...» Т. 7: 1929. — С. 14.
19. См.: НАРТ. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 33. Л. 28.

ГАТАУЛЛИНА Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.04.2008 г.

© Гатауллина И.А.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СТАРООБРЯДЧЕСКИХ БРАКАХ И СЕМЬЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье анализируется законодательство первой половины XIX в., регламентировавшее брачно-семейные отношения старообрядцев, и выявляются особенности практического осуществления правительственного курса в этой сфере, связанные в первую очередь с окраинным положением региона и спецификой сибирского аппарата управления. Конечный вывод об отличии западносибирского варианта самодержавной политики и теоретической программы центра претендует на научную новацию.

Браки старообрядцев между собой или смешанные браки с православными являлись главным источником распространения и численного пополнения раскола. В связи с этим правовое регулирование данного вопроса являлось одним из важнейших направлений правительственной политики в борьбе с расколом. Реализация правительственного курса в конкретном регионе имела характерные особенности, связанные с личными и ведомственными интересами местных чиновников, а применительно к Западной Сибири к тому же обусловленные окраинным положением региона и спецификой сибирского аппарата управления.

«Недостаточная информированность центра о положении дел в регионе», вызванная его удалённостью от центра страны, «низкая оперативность передачи управленческих решений» препятствовали эффективной реализации курса самодержавия в русле сформированных им теоретических принципов и установок [1. С. 6]. Осуществлению поставленных правительством задач препятствовала и разница позиций центральных и региональных властей как светских, так и духовных. Известно, что отношение сибирских чиновников к старообрядцам было более лояльным, чем в центре: давление фискальных и колонизационных задач вынуждало отодвигать на второй план конфессиональный фактор имперской политики, а именно государственную задачу поддержки и распространения православия [2. С. 62]. Отношение к староверам местного духовенства, традиционно занимавшего в Западной Сибири более сильные позиции по сравнению с центром страны [3. С. 154], напротив, отличалось жёсткостью и бескомпромиссностью.

Неопределённость и запутанность законодательства, регламентировавшего семейные права старообрядцев, предоставляла местной администрации право выбора тех законодательных актов, которые соответствовали её пониманию государственных задач. Сложившаяся ситуация во многом являлась следствием отсутствия чёткой позиции у светских властей и сохранения Св. Синодом своих полномочий в сфере законодательства [4. С. 60]. Существование церкви как единого внутренне обособленного социального

организма с собственным аппаратом управления позволяло членам Синода рассылать по епархиям циркулярные указы, которые должны были разъяснять, развивать или дополнять затруднительные моменты в законе. В действительности Синод превышал свою законодательную компетенцию: «небольшие» дополнения таких циркулярных предписаний могли противоречить сути указов светской власти.

Так, несмотря на общую либерализацию правительственной политики в начале царствования Александра I, передачу дел о расколе в ведение МВД, указом Св. Синода 1808 г. браки староверов были признаны незаконными, «блудом и прелюбодеянием», а дети, рождённые в таких браках, незаконнорождёнными [5. С. 27]. Со стороны же светской власти до конца правления Александра I так и не последовало закона, ни подтверждающего, ни опровергающего фактически возведённое в закон мнение Синода. Вместо этого МВД предписывало следовать в этом вопросе «правилам кротости, принятым основанием в распоряжениях правительства» [6. С. 10-11].

При Николае I первым законодательным актом, определившим отношение верховной власти к бракам раскольников, являлось постановление Комитета министров 9 января 1826 г., предписывавшее «местным начальствам не входить ни в какие розыскания о тех старообрядцах, которые издавна находятся в сей секте, а наблюдать только дабы они никого из православных не совращали в свой раскол» [7. Л. 313]. Заметим, что помимо общего характера самого постановления, расплывчатая формулировка «издавна состоящие в расколе» предоставляла местным властям большой простор для действий, поскольку доказать подобный факт не всегда было возможно.

В постановлениях, изданных до 1835 г. (т.е. до создания официальной классификации «раскольничьего движения»), раскол не подразделялся на течения, толки или согласия, что автоматически подразумевало распространение закона на все группы староверов и сектантов. Так, во время восьмой ревизии в 1833 г. сожительницы беспоповцев, даже федосеевцев, были показаны их жёнами [6. С. 39].

До 1837 г. беглые священники поповцев вели метрические книги, что было подтверждено внесением соответствующего постановления в «Свод законов» [8]¹. Затем это право было отменено, «поелику выдача на сем основании свидетельств может давать расколу вид законности и через то служить его укреплению» [5. С. 129]. Регистрация рождений и смертей раскольников всех течений была возложена на полицию [5. С. 235]. Между тем метрические книги, как известно, служили основным средством регистрации актов гражданского состояния в императорской России. При таких условиях семейные отношения, наследственные права поповцев, а также беспоповцев, уставники которых никогда не имели права вести метрические книги, были юридически неопределёнными: хотя по свидетельству полиции жёны и дети старообрядцев причислялись к семье, в которой они в действительности состояли, присутственные места не признавали их законными членами без метрических свидетельств.

Со второй половины 30-х гг. XIX в. на территории Западной Сибири получили распространение «сводные», или бессвященнословные браки, заключенные без участия священника, с помощью мирян. Это было связано, во-первых, с изменением и ужесточением правительственного курса в отношении беглых попов, во-вторых, с переходом большого числа поповцев на беспоповские позиции ввиду распада единой беглопоповской организации с центром в г. Екатеринбурге. О массовости бессвященнословного способа заключения браков свидетельствуют материалы судопроизводства. Например, только с 1852 по 1854 гг. между горнозаводскими крестьянами Бийского округа было заключено 110 таких союзов [9. С. 205-210]. Если до середины 30-х гг. XIX в. большая часть судебных дел была возбуждена по факту уклонения из православия, соращения в раскол; то позднее доля дел о «сводных» браках стала составлять 60-70 % от общей массы, об уклонении — всего 5-10 % [10]. В связи с этим в 1839-1840 гг. вышли три указа Николая I «Об особых мерах к преграждению распространения среди раскольников Пермской, Тобольской и Оренбургской губерний «беззаконных браков» [11. Л. 28-30]. «Сводителей» предписывалось предавать суду и поступать с ними как с совратителями: их приговаривали к телесному публичному наказанию (не менее 25 ударов розгами), которое могло быть заменено тюремным заключением сроком от одной недели до двух месяцев. «Сведённым» запрещалось проживать вместе, даже после многолетней совместной жизни и наличия общих детей. На приходских священников возлагалась обязанность ушачество вступивших в «сводный» брак и приглашать узаконить их союз венчанием в единоверческой церкви, где совершалось служение по старопечатным книгам, к которому они привыкли, объясняя при этом выгоду такого поступка.

В рассмотренных указах ни слова не было сказано о том, требовалось ли предварительное присоединение к единоверию старообрядцев, желавших узаконить брак в церкви. Между тем ещё в 1833 г. Синодом были разосланы инструкции епархиальным архиереям, в котором такое условие выдвигалось в качестве основного; в 1845 г. секретными циркулярами данное распоряжение было отменено [6. С. 84]. Примечательно, что распоряжение 1845 г. давалось преосвященным только «для их собственного руководства» и с оговоркой «не предавать гласности».

В 1850 г., во время проведения девятой ревизии, правительственный курс изменился опять, смягчившись на этот раз в отношении поповцев. В соответ-

ствии с императорским указом 10 июня, жён и детей поповцев следовало показывать таковыми на основании полицейских свидетельств или обывательских книг, не требуя при этом от самих старообрядцев других доказательств [5. С. 379]. Детей беспоповцев следовало показывать незаконнорождёнными, а их матерей — не записывать жёнами староверов, а вносить в списки семей, к которым они принадлежали по рождению. По указу 8 декабря 1850 г. незаконнорождённые дети беспоповцев лишались сословных привилегий (облагались податями на общем основании с лицами податных состояний, отдавались в рекруты, в случае уголовного преступления подвергались телесным наказаниям), а также лишались прав наследования [5. С. 380]. Очевидно, что подобная мера была направлена на состоятельных беспоповцев из купцов и мещан и была призвана «обезглавить» течение.

Как отмечали сами члены Комитета министров, правительство в отношении к «раскольникам» действовало «не на основании каких-либо точных начал и строго определённой системы, а применительно к обстоятельствам, и потому большей частью прибегало к временным мерам» [12. С. 552]. Такая практика привела к тому, что новые законы иногда противоречили старым. Например, если беспоповцы, рождённые в «сводных» браках, стремились приобрести права и статус законных детей, они могли обратиться к церкви, помимо воли родителей или после их смерти. Однако по действовавшему законодательству получить наследство можно было только с согласия родителей.

Несмотря на то, что в 1808 г. были подтверждены указы конца XVIII в., согласно которым суд о старообрядческих браках был выведен из-под юрисдикции церкви, консистории по всей стране, как отмечают И. Нильский и Н.В. Варадинов, не переставали «требовать к себе староверов для ответа» [6. С. 10-11; 13. С. 115]. Западная Сибирь в этом отношении не была исключением. Большинство старообрядческих браков подвергалось судебному преследованию по доносам приходского духовенства. Один из основных пунктов обвинения до 1830-х гг. заключался в нелегитимности священников, венчавших староверов. Доказательством рукоположения старообрядческих священников являлись устные или письменные свидетельства попечителей любого крупного поповского центра — иргизского, рогожского, екатеринбургского. С 30-х гг. XIX в. в связи с распространением «сводных» браков акцент в обвинении, разумеется, сместился на отсутствие священников как таковых.

Судебные расследования, нередко длившиеся годами, наряду с многоступенчатой системой вынесения приговоров явно не способствовали оперативному решению стоявших перед самодержавием проблем. За время разбирательства по делу правительственная позиция по тому или иному вопросу могла кардинально измениться. К тому же в Сибири, как отмечал тобольский губернатор (в 1845-1852 гг.) К.Ф. Энгельке, «из-за обширности расстояний между окружным и губернским городом» один, а то и два года «истекут лишь в переписке властей» для приведения в известность нового постановления [14. Л. 18 об.].

На практике же одновременное сосуществование новых и старых, официально не отменённых, юридических норм, наличие секретного законодательства обеспечивали широкое поле деятельности для судов. Например, в 1837 г. было заведено дело о венчании в часовне с. Плоского Моревского волости Курганского округа священником С. Варлаковым старообрядца Ишимского округа Степана Тимофеева с крестьянкой

Ялutorовского округа Марией Дружининой, уклонившейся в старообрядчество с согласия родителей [15. Л. 2-11]. Так как обратиться к православной церкви они не согласились, в 1834 г. Ишимский окружной суд, основываясь на указах начала царствования Александра I, постановил «оставить их в нынешнем положении» и продолжать увещивать. Но когда дело поступило на ревизию в Тобольский губернский суд, он ужесточил наказание. После увещивания, в случае согласия их вновь должны были обвенчать в православной церкви, а иначе — разлучить. В итоге волостное правление запретило Тимофеевым совместное проживание. В то же время годом ранее, в сентябре 1836 г. по делу о браках крестьян Курганского округа Т. и Н. Кузнецовых, заключённых беглым священником П. Андреевым, губернский суд вынес совершенно иной приговор, при том, что новых постановлений в этот период издано не было: «не преследовать крестьян как не избалованных в возвращении кого-либо в свою ересь» [16. Л. 54].

Окраинная администрация нередко выступала на стороне старообрядцев, руководствуясь в первую очередь соображениями фискального характера. Так, в 1847 г. крестьяне Ялutorовского округа просили отсрочить поездку в консисторию на увещивание и предоставить им весеннее время для обработки полей. Из-за отлучки с мест жительства, как объяснили крестьяне, они могут понести убытки и не выплатить государственные подати. Земский исправник с молчаливого согласия губернского правления признал справедливыми их просьбы и приостановил решение земского суда о высылке на увещивание.

Н.Н. Анненковым, ревизовавшим в 1851 г. Курганский, Ишимский, Тобольский и Омский земские суды, были обнаружены «раскольничьи» уголовные дела, которым «не был дан установленный в законе ход» (окружной суд — губернский суд — губернское правление — МВД), что свидетельствует о стремлении скрыть вынесенный приговор, возможно, с целью избежания наказания осуждёнными [17. Л. 75].

Двусмысленная, неопределённая формулировка санкций брачного законодательства, предписывавшая «не признавать мужем и женой» приводилась в исполнение буквально местными властями по требованию духовной консистории, т.е. до фактического насильственного расселения «сведшихся» староверов в прежние места жительства. Исполнять приговор была обязана местная полиция. В годовых отчётах за 1836 г. томский губернатор (в 1835-1837 гг.) Н.А. Шленев и тобольский губернатор (в 1836-1839 гг.) Х.Х. Повало-Швейковский называли несколько причин, по которым надзор за разлучёнными был невозможен [18. Л. 171-171 об., 381-382]. Эти же причины, по их мнению, приводили к увеличению числа нерешённых дел в присутственных местах: а) нехватка чиновников для занятия классных мест в земской полиции и канцеляриях в силу «ограниченности жалования» низших чинов в Сибири; б) большая площадь и протяжённость региона, вынуждавшая осуществлять дальние переезды; в) обременённость земских чиновников делами с участием сыльных, беглых и бродяг, «по распутству своему и закоренелости в пороках беспрестанно впадающих в преступления и служащих главнейшею причиной к умножению разбирательств, требующих постоянных усилий...» [18. Л. 171 об.].

Полученные сведения заставили Министерство внутренних дел обратиться к изучению вопроса об эффективности и целесообразности применения такой меры наказания за «сводные» браки, как разлучение. В связи с чем 19 октября 1845 г. всем губернаторам

было направлено предписание предложить «меры относительно прекращения между раскольниками сводных браков» [14. Л. 1-6]. Тобольский губернатор К.Ф. Энгельке докладывал, что разлучение не является действенным средством до тех пор, пока бывшие муж и жена будут оставаться в одном селении и даже в одной волости среди единомышленников. Переселение же в более отдалённые места, в частности, в Закавказский край, будет разорительно не только для казны, но и для крестьянской общины, которая «обременится платежом податей за расстройство семейства». Неизбежно встанет вопрос, кто и за чей счёт будет воспитывать «прижитых ими детей-малолеток»? В конечном счёте, заключает губернатор, эта мера, не ведущая прямо к цели, «подаст повод к безнравственности, которой сейчас у старообрядцев нет» [14. Л. 15].

Высшее светское начальство не раз сдерживало пыл духовенства, предлагавшего отсылать «супругов» в разные монастыри, где держать их до тех пор, пока не обратятся в православие [9. С. 205-218]. По одному из таких дел генерал-губернатор П.Д. Горчаков призывал консисторию и епископа строго следовать положениям Комитета министров и не усердствовать в деле разлучения крестьян» [19. Л. 5-6 об.]. Аналогичное предписание консистории сделал в 1847 г. томский губернатор (в 1847-1851 гг.) П.П. Аносов [20. Л. 35].

Когда в 1845 г. вышли правительственные постановления, по которым судебные дела о «сводных» браках прекращались после бракосочетания подсудимых в православной или единоверческой церкви, последователи стариковского, поморского и других старообрядческих толков, заинтересованные в законном оформлении семейного союза, соглашались на такие условия. Для старообрядцев подобная процедура являлась лишь способом легализации брачных отношений и избавления от преследований.

Юридически неопределённые семейные отношения старообрядцев для государства представляли большее неудобство, чем для самих староверов [21. С. 288-296], вероятно, потому, что семья, как отмечают правоведы разных исторических эпох, является естественным основанием, составной частью любого государства. Поэтому, преодолев пик наибольших гонений за «сводные» браки, пришедшийся на 30-е гг. XIX в., правительственный курс с этого времени неизменно развивался в сторону смягчения. По мнению К.П. Победоносцева, основной причиной, по которой правительство со временем было вынуждено пойти на компромисс — предоставить «раскольникам» право венчать браки в православных или единоверческих церквях, заключалась в том, что «сводные» союзы являлись прототипами гражданской формы браков, появившейся на западе вследствие отделения церкви от государства [22. С. 69-70]. Когда единство католического вероисповедания в европейских странах было нарушено появлением новых вероучений, брачная форма господствующей церкви оказалась недостаточной: необходимостью стало установление гражданской формы брака для тех лиц, которые по своему вероучению не могли исполнить церковного обряда. В России, где число «раскольников», несмотря на предпринимаемые правительством меры, с каждым годом увеличивалось, а следовательно, и росло число «сводных» браков, существовала реальная угроза повторения западного пути развития, явно не входившего в планы самодержавия, учитывая провозглашение им в 1833 г. в качестве официальной идеологии теории «официальной народности», предусматривавшей укрепление неуклонно утрачиваемого авторитета церкви.

Таким образом, западносибирский вариант реализации политического курса правительства значительно отличался от теоретической программы центра. К концу правления Николая I в высших правительственных кругах утвердилось мнение, что безуспешная борьба с расколом оказалась следствием «неточного» и «неправильного» исполнения намеченных мер по причине «неблагонамеренности исполнителей в низших инстанциях» [23. С. 207]. Соглашаясь с данной точкой зрения, мы считаем, что неполная реализация законодательства и специфическое осуществление правительственного курса западносибирскими чиновниками представляли собой оптимальный вариант компромиссных, приемлемых отношений власти и старообрядцев, позволивший избежать всплеска социальной и религиозной напряженности в регионе.

Выводы, содержащиеся в статье, могут быть использованы при изучении широкого круга вопросов: для выявления особенностей взаимоотношений светской и духовной властей, сравнительного изучения правительственной политики в центре и на окраине империи (или в различных регионах), установления связи между идеологией и политическим курсом в отношении староверов и т.д. Фактические и оценочные данные статьи могут использоваться при разработке общего курса по отечественной истории, спецкурсов по истории религии и церкви, истории государственной политики, для подготовки обобщающих трудов по основополагающим проблемам российской истории первой половины XIX в.

Примечания

¹ Интересно, что в это же время права признанных иностранных конфессий в этом вопросе, наоборот, были расширены: с 1826 г. по 1837 г. были изданы законы, предписывавшие католическим священникам, мусульманским имамам, лютеранским пасторам и иудействующим раввинам вести метрические книги (ПСЗ-П. Т. 3. № 2296; Т. 7. № 5770, 5870; Т. 10; Т. 12. № 9991).

Библиографический список

1. Ремнёв, А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. — Омск, 1995.

2. Сибирь в составе Российской империи ; ред. А.И. Миллер, А.В. Ремнёв, А. Риббер. — М., 2007.

3. История Курганской области : в 4 т. — Курган, 1998. — Т. 4: Церковь Южного Зауралья в досоветский период.

4. Титов, Н.Ю. К вопросу о взаимоотношениях государства и церкви в России первой половины XIX в. // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». — 1985. — № 5.

5. Собрание постановлений по части раскола. — Лондон, 1863.

6. Нильский, И. Семейная жизнь в русском расколе : в 2 вып. — СПб., 1869. — Вып. 2.

7. ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18000.

8. Свод законов Российской империи. — СПб., 1842. — Т. XIV. — Ч. IV. — Ст. 55.

9. Записка с изложением извлечённых из дел Св. Синода и канцелярии синодального обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. — Б.м., б.г.

10. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18308, 18320.

11. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18070.

12. Рапп, Е. Русский раскол и законодательство // Вестник Европы. — 1880. — № 2.

13. Варадинов, Н.В. История Министерства внутренних дел: в 8 кн. — СПб., 1861. Кн. 8.

14. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18227.

15. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18317.

16. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18208.

17. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 2876.

18. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 1630.

19. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18207.

20. ГАОО. — Ф. 3. — Оп. 13. — Д. 18289.

21. Верещагин, К. К вопросу о регистрации браков раскольников // Юридический вестник. — 1885. — № 10.

22. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: в 3 т. — СПб., 1892-1896. — Т. 2.

23. Цит. по: Мамси, Т.С. Крестьянское движение в Сибири во второй четверти XIX в. — Новосибирск, 1987.

БЕЖАН Евгения Михайловна, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения исторического факультета.

Дата поступления статьи в редакцию: 30.05.2008 г.

© **Бежан Е.М.**

Книжная полка

Прохорова, Л. Д. История средних веков [Текст] : конспект лекций / Л. Д. Прохорова ; ОмГТУ. — Омск, 2008. — 70 с. — Библиогр.: с. 68.

Издание содержит конспекты лекций по всем разделам дисциплины «История средних веков», контрольные вопросы по каждой теме и библиографический список. Структура и содержание лекций соответствуют Гос. стандарту высшего профессионального образования специальности «Историко-архивоведение».

Для студентов специальности «Историко-архивоведение» дистанционной и заочной форм обучения.

По вопросам приобретения — (3812) 65-23-69.

E mail: libdirector@omgtu.ru.

ДОСВАДЕБНЫЕ НАРОДНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ ОБРЯДА СОЗДАНИЯ СЕМЬИ У РУССКИХ В ПРЕДБАЙКАЛЬЕ

В статье впервые рассматриваются досвадебные православные традиции обряда создания семьи у русских старожилов Предбайкалья в XIX — начале XX в. Автор знакомит с редкими полевыми записями, работами учёных, этнографов, представляя в ретроспективном анализе любовно-брачную тематику. Вы узнаете, почему, женившись, уже нельзя было «раз-жениться». Результаты исследования представлены на международных и региональных конференциях, всероссийских конкурсах педагогических программ в сфере образования и культуры. Статья предназначена для этнографов, филологов, историков, руководителей фольклорно-этнографических ансамблей, интересующихся исследованной темой.

Каждый деревенский ребёнок с ранних лет в Предбайкалье в XIX — начале XX в. проходил мудрую школу семейного воспитания через игры, хороводы, праздники. Об этом свидетельствуют записанные нами, например, детские игры «Столбушка горит» (любая из команд по желанию кричала: «Столбушка горит», — другая спрашивала: «О ком сердце болит?»). Столбушка (мальчик) называл имя понравившейся ему девочки. Новая «столбушка» обязательно выбирала мальчика), «Как у нас во кружке» («Как у нас во кружке четыре девицы, как за Нюточкой идет Ванечка, за Ниночкой идет Витечка, за Ниночкой идет Витечка, за Машенькой идет Вовочка, за Ирошкой идет Сашенька, по кругу ходят, здороваются»), в которых происходит выбор пары, «притирка» друг к другу мальчиков и девочек, воспитание интимной культуры чувств, начиная с детских лет. А вот игра «Вейся, плетень» — репетиция будущей семейной жизни. Её участники «святъя», «свекровь», «жених», «невеста». Всех игроков и свекровь волнует вопрос: «Поклона ли невеста? Поклона ли жених?», т.е. насколько они покорны, а значит, уступчивы друг другу. Возможно, сложное завивание плетня, движение участников во время игры через воротки есть образ сложных семейных взаимоотношений между мужем и женой в будущем [2]. На особенности игр в «свадьбы», имитирующих отдельные моменты обрядности указывал сибирский учёный [3, с.21]. Игры «Троя — разлучка», «Двоя — разлучка», «Разлучка», «В разлучку» затрагивали нравственную тему разлуки, ревности и прощения. А также интимную культуру чувств молодежи воспитывали «поцелуйные» игры: «Застукавка», «В монаха»; песни «Ой, клубок» (Красна девица смела, рубль денежек взяла, падалава и ушла), «На стульчике купчик» (Я люблю девку любку, Нюточку-голубку. Я люблю, приголублю, три раз пацалую сирдечную, милую), «Курешок» («Цветок») (У девицы в белом лице румена играют, холостого, молодого парня разжигают), «Семенов день» (Здравствуй, ягода моя, пацалуй разок меня), «Родился малёшенек» (Кто меня любит, тот меня сгубит, три раз пацалует), «В хороводе были мы» (Кого любишь, пацалуй, паца-

луй, пацалуй). Например, в селе Тутутуй Эхирит-Булагатского района вечорки традиционно оканчивались хороводом «Саночки», в котором высказывалась просьба-обращение от имени парней: «Разрешите ваших девок цалавать». Как вспоминала пожилая женщина, в песне целовались «по круту и на каленки сядут, целуются». По рассказам старожилов, детям не разрешалось петь взрослые целовальные песни, чтобы сохранить целомудрие. А для парней и девушек они носили игровой характер. «Цалавались не так, как нонче, по-собачьи, рот раззявали, — рассказывала нам бабушка. — А губочки ужмут и пацалуются. Вот так цалавались». В старину не дозволялось целоваться при людях. «Ой, не дай Бог!», «Грех был! Стыд...», «Позор», — наперебой говорили сибирячки. «Кто с кем дружил даже близко не подходили». «Только вечером встречались». «Старших уважали, а теперь никого, идут обнимаются, целуются».

Хранение молодыми чистоты и девственности до венчания и брака считалось главным в нравственном воспитании христиан, поэтому дозволялась определенная степень свободы между парнями и девушками на вечорках (могли обнимать друг друга и целовать, сидеть на коленях), которая не нарушала запретную границу. Целоваться разрешалось только на свадьбе, когда кричали молодым «Горько!». Мужу и жене на людях, а всем остальным только «ну, если играшь», — поясняла бабушка. В игре «Женьба» проигрывалась жизненная ситуация выбора жениха или невесты, а «если его (жениха) подружка, он женится и с ней уйдут» (т.е. выбывали из игры), — вспоминала другая крестьянка.

Большинство хороводных и игровых песен имели духовно-нравственное назначение для молодёжи. «Девка черноброва, да не люби лихого... он да тебя не любит, только сушит, грушит... из белага лица, да румянец выводит» (песня «Как у ключика»), «Со милым дружком жить не стошница» (песня «Я по жёрдочке шла да»), «У Катюши муж гуляга, он гуляга-забияга» (песня «У Катюши муж гуляга»). «Лихой, — уточняла крестьянка, — лентяй, вредный, сердитый, нехороший», а «крушит» — значит «издевается, а время проводит просто так».

Песни старшего поколения учили молодёжь обращать особое внимание на греховные страсти человека, как чревоугодие, блуд, тщеславие, пьянство и высказывали советы парням и девушкам, за кого можно выходить замуж и на ком жениться. По воспоминаниям старожил, в хороводах движения девушек были сдержаны, они двигались, как «павушки» [2]. В движениях и положении тела молодежи не было ничего такого, что могло бы нарушать христианские нормы морали и подавать какую-либо надежду нецеломудренным и бесстыдным людям.

Собранный и описанный нами фольклорный материал является вариантами игр, песен в работах известных учёных [16, с.196, 203; 4, с.138; 17, с.21,25; 5, с.10; 25, с.147,148; 6, с.48; 19, с.166; 10, с.108; 26, с.18, 40, 87, 132, 165, 169] и в сборнике фольклора Иркутской области [21, с.33,34]. Вышеописанные исследования на любовно-брачную тематику говорят о широком бытовании данной традиции не только в Предбайкалье, но и в других регионах России.

Сближению молодежи, выбору брачного партнера, формированию новых семей способствовали и православные праздники, так как на них съезжались молодые люди из многих деревень. Информаторы рассказывали об обычае брать невест из близлежащих населенных пунктов: «Куядских девок Максимовщина брала». «Я хорошо помню, играли свадьбу Переваловы, везли невесту с Ревякино, это 4 километра от Куяды» [2]. Причиной этого обычая была насыщенность деревень родственными связями, а по церковному канону, не разрешается вступать в брак кровным родственникам и лицам, находящимся в близких степенях родства. Эту же традицию можно найти у А.В.Терещенко: «В нашей Церкви запрещено вступать в брак до седьмого колена...» [23, с.134].

Молодые люди усваивали православную веру не умом, а всем своим сердцем, как главное правило своей жизни. Поэтому предсвадебные и свадебные обрядовые действия включали христианские каноны. Выбор брачной пары крестьяне считали главным в будущем семейном благополучии своих детей. При выборе жениха или невесты у русских старожил первостепенное значение имели характер, трудолюбие (в народе говорили, свадьба «у работающих» или «у ленивых»), родословная семьи, бедность нисколько не препятствовала христианам богатеть благочестием. Эти нравственные критерии брачного партнерства подтверждают местные крестьянки: «Вот эти два, што характером сошлись и дружат, и вот и детей сводят». Как видим, взаимные симпатии молодежи принимались во внимание, но решающее слово принадлежало родителям. «Марта, она когда за Василия ушла взамуж, — вспоминала долгожительница, — у ей Феня (мама) всё утащила...братья пошли её отобрали. Васька трудяга був», а вот братья его «Ванька ленивый, Петька був ленивый. Савинские не хотели отдать (Марту) в Осокину семью», а отдавали замуж в том случае, «если человек работающий» [2].

По мнению этнографа и жителей Предбайкалья, приданое невесты не являлось решающим при сватанье девушки женихом. «Всякий давал по своему состоянию;...и если кто просил денег, то такой жених получал отказ; говорили, что хочет жениться на деньгах» [1, с.24]. «Богату взял с трём юбкам, а у нашей тётки было 15, да не взяв, — поведала нам бабушка и далее продолжала, — три юбки, да скачут, а десять, да плачут». И здесь же исполнила частушку:

«Мне не надо чики-брики,
Был бы миленький хороший,
На высоких каблуках.

Прахадила бы в чарках (чирках).

«У нас невестка, — вспоминала другая женщина преклонного возраста, — пришла за брата, у ей ничо не была. Два сарафана только была, платье маминно дали ей венчаться, а постелю всю мы купили на свадьбу». Эта тема затрагивалась и в песне «Вьюн над водой», которую на свадьбе в доме жениха слышала от бабушек десятилетняя сибирячка:

3. Вывели ему 7. Вывели ему
Ворона, ой да коня. Свет Настюшеньку.
4. Это не мое, 8. Это вот мое,
Это батюшки, да мово. Богом да суженое.
5. Вынесли ему 10. Жених молодой
Сундуки да полны добра. Уж венчается [2].
6. Это не мое,
Это шурина, да мово.

Доказательством сказанному могут служить выводы А.П.Найденовой об отношении русских к богатству: «Осуждение надежды на богатство, а не на Бога, и привязанности к богатству... — характерная черта православного восприятия во все века древнерусской истории» [13, с.129], — и советы родителям невесты святого И.Златоуста: «Не ищи денег, блеска, происхождения, знатности рода; это все лишнее; но ищи благочестия души, кротости, истинной мудрости, страха Божия» [15, с.14].

Отсюда следует, что категория богатства не была воспринимается русскими как религиозная ценность.

Учитывались и нравственно-христианские устои семьи. По сообщению крестьянки, у её жениха брат «сидев» в тюрьме, поэтому родной брат бабушки «быв против и даже на свадьбу не пошёл». А вот другой случай: «Тятя запсиховав, миня не пустив», когда «тесть по Кармаданову женился: «Хулиганистый, не ходи на вечерку. Бери пряху да садись пряди» [2]. На практику вышеописанных традиций в Предбайкалье у русских указывает и К. Авдеева-Полевая [1, с.24]. Иногда взгляды молодых людей и родителей совпадали. «Жених отправлял...вот прикажет, каку девку сватать...и сватают женихова родня, — рассказывала бабушка. — Меня сватала...сама мать женихова». А вот одна из старожилок в молодости своей будущей свекрови понравилась «из-за песни», которую она пела на свадьбе у своей сестры. И «она и приехала меня сватать, — вспоминала сибирячка. — До сватовства жениха не видела и не знала». Удовлетворение выбора невесты по доброте душевной и благородной в нравах соответствует и христианскому учению о браке.

При выборе супругов важным фактором внутренней убежденности православного человека была необходимость получения родительского благословения. По народному убеждению, без родительского благословения «никакова счастья не было» [2]. Эту мысль явно повторяет текст из православного чина венчания: «Помяни, Боже, и воспитавших их родители: зане молитвы родителей утверждают основания домов» [24, с.119]. Не благословенный родителями брак, по воспоминаниям наших рассказчиц, был многострадален: «Одна дочка...ана как подружка мая была...парня палюбила и убежала...а матери так ни нада было...ана заложилас (дома) и в окно (кулаком) вот вам, вот вам». Поэтому эта девушка плохо жила с мужем, «ана стала как-та за чужбиной хадить... гаварят, что Анна как блуница (блудница)». А другая бабушка нам поведала о том, как одна девушка из их села до свадьбы «была брюхата» (беременна), и родители не разрешили ей выйти замуж за парня (отца ребёнка). Он женился на другой, но тайком они продолжали встречаться. Затем

она от него родила второго ребёнка и умерла» [2]. Подобный случай упоминает в своих исследованиях Л.М. Сабурова [20, с. 184]. Поэтому молодые люди, боясь кары Господней, старались обязательно получить благословение со стороны родителей. А родители, в свою очередь, боясь навредить на детей несчастье, смягчались и благословляли их. «Я так ушла, крадучи убежала, — вспоминала женщина. — Меня там девочки обволокли и поехала благословляться к отцу, благославлял. Родню я всю обозвала: тёток, дядьев. Тятя корову заколол, свадьбу мне сделали хорошу». А вот Мария «за Малыху» не пошла, а «за Федьку» убежала. Свадьбу ей не делали». Но по прошествии некоторого времени, утверждали старожилы, родители «патом блааславляли. Всё равно блааславляют. Иконы эти две... в церкву та не пустят», т.е. не разрешат молодым в храме венчаться. Не благословленные родителями браки встречались крайне редко.

Иногда в Предбайкалье кража невесты устраивалась специально. О таком случае сообщала нам сестра похищенной девушки: «Как Фрося... ани не сватали её, а ане дружили. И вот сват сказал: «Што ладно, мы приедем и тебя увезём. Крадучи». Видна, свадьбу не на что... было делать... приехали, посадили её и увезли. Вот ана убегом убежала. А патом благаславляли, а как же» [2]. Об этой интересной форме брака у казаков восточного Забайкалья упоминает К. Логиновский [8, с. 2, 3]. По этнографическим данным других учёных [14, с. 96; 11, с. 203], «беглые свадьбы» или убегом были распространены и в Западной Сибири. Благословение предопределило и его роль в комплексе свадебных действий. По общерусской традиции, в доме невесты собирались две стороны для окончательного договора о свадьбе. В момент закрепления согласия между отцами жениха и невесты перед иконами зажигали восковые свечи и молились Богу. Если православная семья — малая церковь, то благословение в народной среде соответствует нравственным критериям, имеющим основание в каноническом учении церкви. Примеры такого обряда следуют в работах ученых [1, с. 23; 8, с. 167; 18, с. 89; 7, с. 77; 12, с. 5, 6; 11, с. 231; 9, с. 45].

После благословенного договора родителей молодых в доме невесты начиналась подготовка к свадьбе, «по двенадцать девок приходили, жили по неделе, шили, помогали». «Ой, да по месяцу стряпали, делали всё... ранее-то как свадьбы были-то», — с восторгом говорила жительница с. Тугутуй. Девушки каждый вечер, пока шла подготовка к свадьбе, выходя за ворота, песней «Колокольчики забрякали» подавали «звук», по выражению бабушки, что в этом доме готовится свадьба.

Колокольчики забрякали,
Красны девушки заплакали
Призаплакавши домой пришли,
Пришли, дома догадаться.
Мать с отцом ру... ругались,
Не ругайтесь, мать с отцом,
Я Алёшку люблю, люблю,
Кашемирову рубашку сошью,
Кашемировый косой воротник
Восемь пуговиц в рядок, в рядок,
Эти пуговицы немецкия
Шили девки деревенския,
А строчали верхоленския,
Они с роду не страчивали,
За работку припрасивали,
За работку с Алёшки цалавок.

Обрядовое действие эмоционально подготавливало участников к предстоящей свадьбе. «Свадьбу-то смотрели вся деревня... в церкви смотрели, как вен-

чали... затем бежишь молодуху смотреть». «По всей деревне взад перед проезжали, чтобы народ знал, что свадьба была» [2]. На первый план выступало чувство религиозной общности крестьян, осознание ими своей принадлежности к единому православному миру. Дух эгоцентризма был чужд русской религиозности. У православных превалировало чувство соборности.

Таким образом, подготовка к семейной жизни у русских Предбайкалья начиналась с раннего возраста. Игры учили многим христианским добродетелям: терпимости к другим, смирению. А также ориентировали детей, согласно учению церкви, избавляться от индивидуализма, гордыни, тщеславия, зависти, сребролюбия. В мальчиках и девочках формировался архетип отцовства и материнства. Интимную культуру у молодёжи воспитывали православные праздники, вечорки. При выборе партнёров превалировала духовно-нравственная, а не материальная сторона устоя семьи. Родительское благословение молодых рассматривалось сибиряками как благословение Божие. Рассмотренные нами православные традиции культивировали религиозно-нравственное домостроительство.

Впервые в отечественной литературе предпринята попытка исследования православных традиций в до-свадебной семейной обрядности русских старожилов Предбайкалья в XIX — начале XX в. Работа представит интерес для специалистов, занимающихся этнографией русских старожилов Сибири, работников учреждений культуры, руководителей фольклорно-этнографических ансамблей. Данный материал может быть использован в учебном процессе вузов (культуры и искусств, педагогических) и школ (детских музыкальных и искусств, средних общеобразовательных), в преподавании спецкурсов, элективных курсов по литературе, истории, культурологии.

Библиографический список

1. Авдеева-Полевая, К.А. Записки и замечания о Сибири [Текст] / К.А. Авдеева-Полевая // Записки Иркутских жителей ; сост. М.Д. Сергеев. — Иркутск : Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1990.
2. Белобородова, Н.М. Полевые исследования 1994-2006 гг. / Н.М. Белобородова.
3. Виноградов, Г. Детский народный календарь [Текст] / Г. Виноградов. — Иркутск : ВСОРГО, 1924.
4. Записки А.М. Станиловского. С биографическим его очерком. Посмертное издание [Текст] ; под ред. А.В. Азлецкого // Труды / Иркутск: ВСОРГО. — 1912. — № 7.
5. Капица, О.И. Детский фольклор. Изучение. Собрание : обзор материала [Текст] / О.И. Капица. — Л. : Изд-во «Прибой», 1928.
6. Кошелев, Я.Р. Из истории культуры Сибири [Текст] / Я.Р. Кошелев ; отв. ред. С.Н. Астафьев. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1966.
7. Красноженова, М. Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной [Текст] / М. Красноженова // Изв. / Иркутск : ВСОРГО. — 1905. — Т. 36. — С. 77-92.
8. Логиновский, К. Свадебные песни и обычаи казаков восточного Забайкалья [Текст] / К. Логиновский // Учен. зап. / Хабаровск: Приамурское отд. Импер. РГО, 1899. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 1-94.
9. Медведева, Г.В. Свадебная обрядность русских Тулунского района. Сватовство [Текст] / Г.В. Медведева // Народная культура Приангарья / Областной центр народного творчества и досуга. — Иркутск : Изд-во. Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», 2000. — Вып. 1, 2. — С. 42-45.

10. Мельников, М.Н. Вечерочные песни северной Барабы [Текст] / М.Н. Мельников // Сибирский фольклор; отв. ред. М.Н. Мельников: сб. науч. тр. / Новосибирский гос. пед. ин-т. — 1977. — Вып. 4. — С. 91-112.

11. Миненко, Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) [Текст] / Н.А. Миненко; отв. ред. М.М. Громыко. — Новосибирск: изд-во «Наука», 1979.

12. Мишарин, Д.Н. Свадебные песни, записанные в Верхоленском уезде Иркутской губернии [Текст] / Д.Н. Мишарин // Изв. / Иркутск: ВСОРГО. — 1917. — Т. 45.

13. Найденова, Л.П. Мир русского человека XVI-XVII вв. (по Домострою и памятникам права) [Текст] / Л.П. Найденова: отв. ред. — чл.-кор. РАН Я.Н. Шапов / Рецензенты: Н.М. Рогожин, А.Л. Ястребицкая. — М.: Изд-е Сретенского монастыря, 2003.

14. Осипов, Н.О. Ритуал сибирской свадьбы [Текст] / Н.О. Осипов // Живая старина. — 1893. — Вып. 1. — С. 96-114.

15. О христианском браке и об обязанностях мужа и жены. Учение св. Иоанна Златоуста [Текст]. — Казань: Изд-е центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив, 1991.

16. Покровский, Е.А. Детские игры преимущественно русские [Текст] / Е.А. Покровский. — М.: Изд-во Императорского общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, 1887.

17. Пруссак, А. Игральные, хороводные и плясовые песни Иркутской губернии [Текст] / А. Пруссак // Известия Иркутского отдела общества изучения Сибири и улучшения ее быта; под ред. И.И. Серебренникова. — Иркутск, 1917. — Т. 1. — С. 19-31.

18. Розенбаум, С.П. Свадьба в ангарской деревне [Текст] /

С.П. Розенбаум и Арефьев В.С. // Изв. / Иркутск: ВСОРГО. — 1901. — Т. 31, № 1-2. — С. 79-117.

19. Русский фольклор Прибайкалья [Текст]; общ. ред. и вступит. ст. Л.Е. Элиасова, сост.: Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский, Р.П. Арефьева. — Улан-Удэ: Бурятское кн-е изд-во, 1968.

20. Сабурова, Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX — XX в.) [Текст] / Л.М. Сабурова. — Л.: Наука, 1967.

21. С горки реченька течёт... (Песни села Савватеевка) фольклор Иркутской области [Ноты]. — М., 1996. — Вып. 3.

22. Суворов, И. Ещё об илимских свадьбах [Текст] / И. Суворов // Изв. / Иркутск: ВСОРГО. — 1899. — Т. 30, № 2-3. — С. 165-174.

23. Терещенко, А.В. История культуры русского народа [Текст] / А.В. Терещенко; подготовка текста, совр. версия А. Тереховой и Н. Любимовой. — М.: ЭКСМО, 2007.

24. Требник [Текст]: в 2 ч. — М.: Изд-во «Сибирская Благовонница», 2003. — Ч. 1.

25. Фольклор Восточной Сибири [Текст]; сост. А. Гуревич. — Иркутск: ОГИЗ, 1938.

26. Хороводные и игровые песни Сибири [Текст]; Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. — Новосибирск: Наука, 1985.

БЕЛОБОРОДОВА Нина Михайловна, аспирантка кафедры истории Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ), учитель музыки.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.05.2008 г.

© Белобородова Н.М.

Книжная полка

ББК 63/В27

Величко, С. А. Вспомогательные исторические дисциплины [Текст]: конспект лекций для заоч. и дистанц. формы обучения специальности 030402 «Историко-архивоведение» / С. А. Величко; ОмГТУ. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008. — 144 с. — Библиогр. в конце лекций. — ISBN 978-5-8149-0583-3.

Познание человеческого прошлого невозможно без изучения курса вспомогательных исторических дисциплин.

В конспекте лекций рассматриваются основные вопросы курсов палеографии, нумизматики, сфрагистики, геральдики, исторической метрологии, хронологии, ономастики, генеалогии и систем социального этикета. Каждая из этих дисциплин своеобразна и имеет свой объект и предмет изучения, цели и задачи каждой из этих наук разные. Курс вспомогательных исторических дисциплин знакомит нас с графикой букв, орнаментом в русских летописях, историей утверждения в нашей стране десятичной денежной системы, историей происхождения символов. Мы погрузимся в систему древних мер длины, веса, жидких и сыпучих тел. К каждой лекции приводятся список литературы и контрольные вопросы.

По вопросам приобретения — (3812) 65-23-69.

E mail: libdirector@omgtu.ru.

ББК 63.5/3-26

Замиралова, Т. А. Этнология [Текст]: конспект лекций / Т. А. Замиралова, С. Б. Крих; ОмГТУ. — Омск, 2008. — 52 с. — Библиогр.: с. 51.

Конспект лекций кратко излагает основные темы и проблемы этнологии: историю этнологии, основные теоретические подходы к интерпретации этничности и нации, культурное множество, сходство и различие культур, основные культурные типы, культура и этнос, взаимодействие культур.

Курс ориентирован на студентов ОмГТУ, прежде всего, на студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа», поэтому в лекциях сделан акцент на связь этнологии с социологией.

По вопросам приобретения — (3812) 65-23-69.

E mail: libdirector@omgtu.ru.